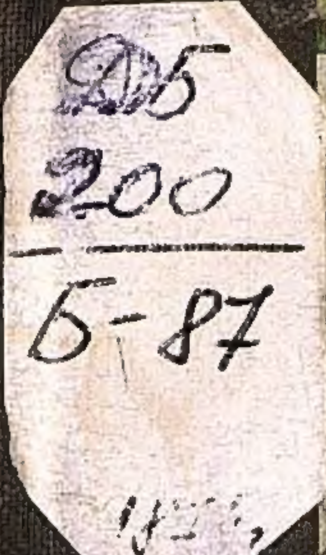

ИМПЕРАТОРЪ IОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

И

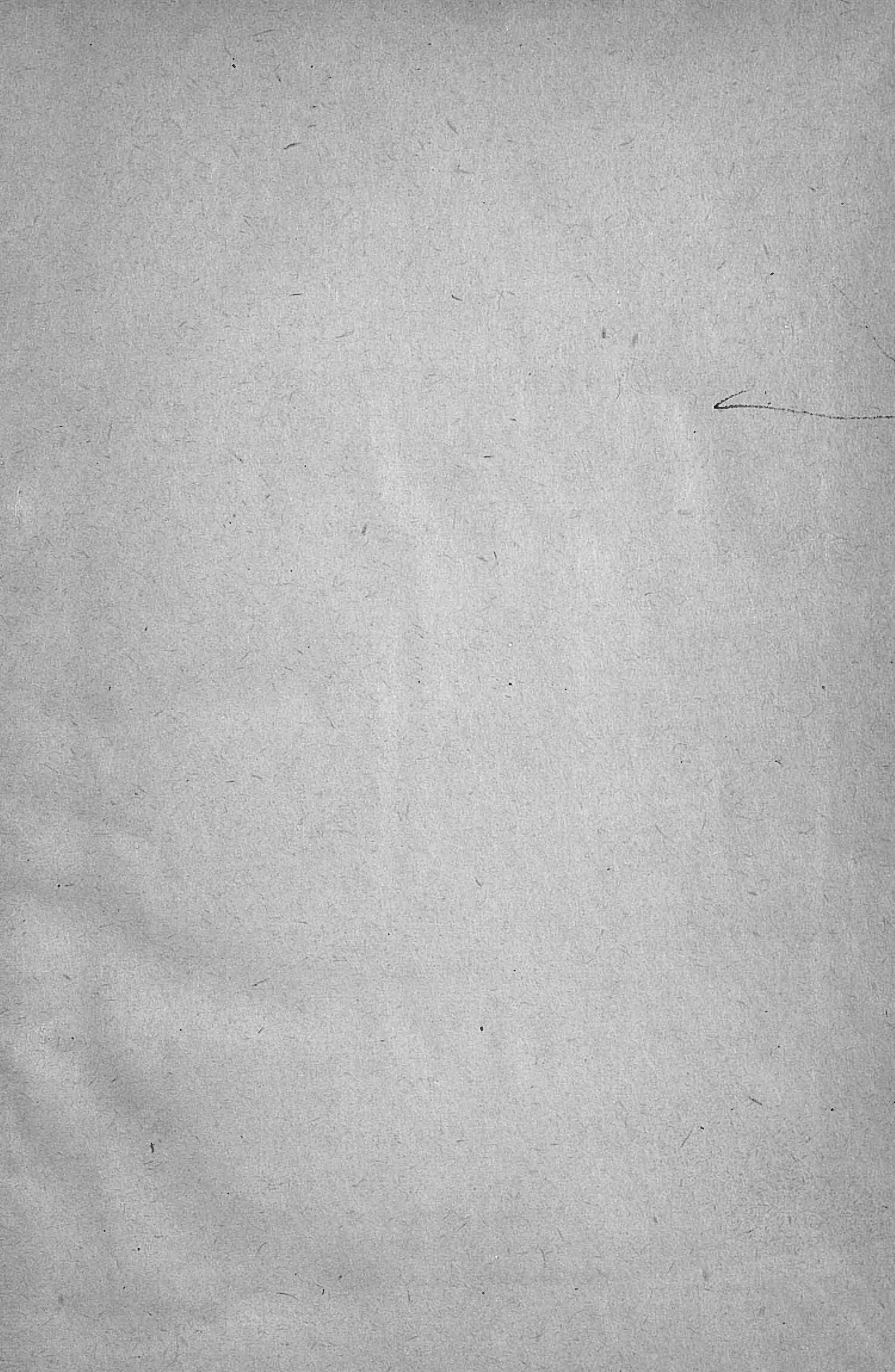
ЕГО РОДСТВЕННИКИ

(1741—1807)

А. Г. Брикнера.

МОСКВА.

1874.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

И

ЕГО РОДСТВЕННИКИ

(1741—1807)

А. Г. Брикнера.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

Дозволено цензурой. Москва, 27го ноября 1874 года.

ИМПЕРАТОРЪ IОАННЪ АНТОНОВИЧЪ

И

ЕГО РОДСТВЕННИКИ

(1741 — 1807)

Въ нашей исторической литературѣ судьба Брауншвейгской фамиліи, послѣ лишенія престола Іоанна Антоновича въ 1741 году, не разъ уже служила предметомъ историческаго изложенія. Считаемъ потому не лишнимъ, приступая къ разбору относящихся сюда событій, сдѣлать сводъ всѣмъ вообще изданнымъ, а въ особенности въ послѣднее время публикованнымъ даннымъ по этому вопросу.

Что касается до русской исторической литературы по этому предмету, то слѣдуетъ указать главнымъ образомъ на три сочиненія:

Уже въ 1814 была напечатана въ Москвѣ *Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи*, соч. Павла Яковлева, 42 стр. Послѣднія части этой книжки, не особенно богатой содержаніемъ, касаются судьбы Анны Леопольдовны и дѣтей ея послѣ 1741 года. Источники нигдѣ не показаны. Мѣстами замѣчается полнѣйшее отсутствіе исторической критики.

Въ 1840 году, въ *Трудахъ Императорской Академіи Наукъ* (т. I), явилась статья Полѣнова *Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія*, основанная на богатомъ архивномъ матеріалѣ. О судьбѣ Іоанна Антоновича тутъ не говорится.

Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1866 года (т. CLXV) напечатана статья г. М. Семевскаго объ Іоаннѣ Антоновичѣ. Что касается до судьбы Брауншвейгской фамиліи и особенно отправленія ея изъ Раненбурга въ Холмогоры, то авторъ пользовался неизданною монографіей барона М. А. Корфа. Автору извѣстна литература по этому предмету, однако нельзя назвать его трудъ полною разработкой доступныхъ ему матеріаловъ.

Матеріалы которыми мы пользовались при составленіи нашего труда могутъ быть раздѣлены на 1) архивныя данныя: дѣловыя бумаги, грамоты, манифесты, письма и пр., 2) замѣтки современниковъ и 3) на сочиненія современниковъ или по крайней мѣрѣ лицъ жившихъ въ прошедшемъ столѣтіи и составившихъ болѣе или менѣе подробные разказы объ Іоаннѣ Антоновичѣ и его родственникахъ.

1. *Акты или архивныя данныя.* Въ 1861 году въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* (II. *Смѣсь*, стр. 1—58) были изданы „Описи дѣламъ, по секретной коллегіи, бывшимъ въ производденіи и нынѣ хранящимся у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Морючникова за его печатью, относительно принца и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семействъ.“ Эти бумаги относятся къ 1741 до 1754.

Весьма любопытны нѣкоторыя дѣловыя бумаги относящіяся къ содержанію Брауншвейгской фамиліи въ Холмогорахъ и Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ и сообщенныя въ XXI и XXII томахъ *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева.

Нѣкоторыя важныя грамоты о судьбѣ Іоанна Антоновича и его родственниковъ, а также о заговорѣ Мировича, помѣщены въ *Полномъ Собраніи Законовъ.*

Въ статьѣ *Дѣти правительницы Анны Леопольдовны*, напечатанной въ *Русской Старинѣ* 1873 (январь), сообщены между прочимъ рисунокъ изображающій Холмогорскій острогъ и письмо принцессы Екатерины къ императору Александру.

О слѣдствіи произведенномъ надъ Мировичемъ по случаю Шлюссельбургскаго событія 1764 года встрѣчаются разныя дѣловыя бумаги или извлеченіе изъ оныхъ въ запискѣ канцлера В. П. Кочубея *Историческій отрывокъ о кончинѣ принца Іоанна Антоновича Ульриха*, напечатанной въ *Чтеніи Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1860. III, *Смѣсь*, въ приложеніи къ сочиненію Ковалевскаго о графѣ Блудовѣ (С.-Петербургъ 1866) *Заговоръ и казнь Мировича* (стр. 222—230) и въ Сборникѣ Кашпирева *Памятники новой русской исторіи* (С.-Петербургъ 1871) *по дѣлу Мировича* (I, 307—312).

Разныя дѣловыя бумаги относящіяся къ Іоанну, Мировичу и т. п. помѣщены въ различныхъ томахъ сборника *Осьмнадцатый Вѣкъ* изд. П. Бартеневымъ, а также и въ *Русскомъ Архивѣ*, въ соч. Пекарскаго *Маркизъ де-ла-Шетарди* и т. д.

Самый важный матеріалъ для исторіи дѣла о Мировичѣ напечатанъ въ VII т. *Сборника Русскаго Историческаго Общества*. Онъ заключается въ письмахъ Екатерины къ Панину, Неплюеву и пр.

2. *Замѣтки современниковъ*. Въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ находившихся тогда въ Россіи, встрѣчаются часто важныя данныя о томъ какъ разсуждали въ петербургскомъ обществѣ объ этихъ событіяхъ. Эти толки часто противорѣчатъ результатамъ разбора архивныхъ матеріаловъ; однако они заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія что нѣкоторые современные историки основывали свои разказы почти исключительно на такихъ слухахъ.

Депеши иностранныхъ дипломатовъ между прочимъ, или цѣликомъ или въ извлеченіи, напечатаны въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Raumer, *Beiträge zur neueren Geschichte aus dem britischen Museum und Reichsarchive*, Leipzig 1806, т. II и III.

La cour de Russie il y a cent ans 1725—1783. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*.—Третье изд. 1860, въ Лейпцигѣ.

Hermann, *Geschichte des russischen Staats*, т. V. (Gotha, Perthes). — Преимущественно депеши саксонскихъ дипломатовъ, хранящіяся въ Дрезденскомъ архивѣ.

Нѣкоторыя любопытныя замѣчанія встрѣчаются въ слѣдующихъ запискахъ русскихъ современниковъ: Дашковой (Лондонъ 1859), Неплюева (*Русскій Архивъ* 1871), Порошинъ и пр.

Болѣе или менѣе подробные, но не выдерживающіе критики:

3. *Разказы современниковъ* объ этихъ событіяхъ встрѣчаются въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Biographie Peters III, Tübingen 1808, *Vie de Catherine* (соч. Кастейра), *Vie de Pierre* III, соч. Сальдерна и *Histoire de la vie, du règne et du détronement d'Iwan III*, Par M. de M***. *A*. Londres. MDCCLXVI (1766).

Гораздо основательнѣе этихъ сочиненій двѣ статьи помѣщенныя въ сборникѣ Бюшинга *Magazin für die neue Historie und Geographie*.—Въ XXII томѣ этого сборника, явившагося въ 1788 году, напечатана статья *Geschichte der Familie der Grossfürstin und Regentin Anna und des Herzogs Anton Ulrichs von Braunschweig*, въ VI томѣ этого сборника, вышедшемъ въ 1771 году, напечатана статья *Geschichte des russischen Kaisers Johann des Dritten*.

Наше сочиненіе дѣлится на двѣ части. Въ первой мы предлагаемъ исторію судьбы Брауншвейгской фамиліи до 1807 года, во второй—разборъ Шлюссельбургской катастрофы.

I. Брауншвейгская фамилія въ Ригѣ, Дюнамюндѣ, Раненбургѣ, Холмогорахъ и Горзенсѣ.

Екатерина Іоанновна, племянница Петра Великаго, была супругой герцога Мекленбургскаго, Карла Леопольда. Послѣ непродолжительнаго пребыванія за границей, она въ 1722 году рѣшилась возвратиться въ Россію, вмѣстѣ съ четырехлѣтнею дочерью Елисаветою-Екатериною-Христиною. По случаю вступленія на престолъ сестры ея, Анны Іоанновны, въ 1730 году она содѣйствовала уничтоженію стремленій верховниковъ ограничить монархическую власть и превратить Россію въ олигархическое государство, похожее на тогдашнюю Польшу или Швецію.

Дочь Екатерины Іоанновны, Елисавета-Екатерина-Христина, въ Россіи приняла православіе и названа Анной. Ей было суждено въ Россіи на короткое время занять первое мѣсто въ государствѣ, а затѣмъ кончить жизнь въ изгнаніи и ссылкѣ. Въ послѣднее время царствованія императрицы Анны Іоанновны, она вступила въ бракъ съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ. Ея сынъ, Іоаннъ Антоновичъ, въ продолженіе года былъ императоромъ. Его свергла съ престола Елисавета Петровна въ 1741 году, а въ 1764 году онъ лишился жизни въ Шлюссельбургѣ.

Ни Антонъ-Ульрихъ, ни Анна Леопольдовна не отличались блестящими способностями. Въ послѣднее время царствованія Анны Іоанновны, Антонъ-Ульрихъ участвовалъ въ Турецкихъ походахъ Миниха, но никогда и нигдѣ не имѣлъ особеннаго вліянія или значенія. Въ первое время царствованія Іоанна Антоновича, онъ занимался интригами противъ регента Бирона, и за это получилъ строгій выговоръ въ присутствіи высшихъ сановниковъ. Послѣ паденія Бирона, во время регентства Анны Леопольдовны, онъ занималъ должность генералиссимуса всѣхъ войскъ, причемъ довольно часто сталкивался съ графомъ Минихомъ. Что же касается до Анны Леопольдовны, то она, по отзыву современниковъ, лѣнивая и небрежная, не охотно занимавшаяся государственными дѣлами, не замѣчала опасности своего положенія въ то время когда Елисавета Петровна готовила государственный ударъ. Она, напротивъ, какъ разказываютъ современники, предполагала принять титулъ императрицы.

Елисавета Петровна безъ труда опрокинула престолъ Іоанна Антоновича. Брауншвейгцы не имѣли никакой поддержки въ общественномъ мнѣніи. Не было никакой связи между падшимъ царскимъ семействомъ и народомъ. Такъ-сказать случайно эта семья на короткое время очутилась на престолѣ, и также случайно она сошла съ престола, не ознаменовавъ своего правленія никакимъ успѣшнымъ дѣйствіемъ.

Недальновидность Анны Леопольдовны усматривается между прочимъ изъ того обстоятельства что она ожидала опасности не со стороны Елисаветы, а со стороны находившагося тогда въ Голштиніи внука Петра Великаго, сына Анны Петровны, Петра Θеодоровича. Не разъ она говорила объ этомъ соперникѣ, называя его „чертушкой“ *. Престолъ ея сына былъ опрокинутъ дочерью Петра Великаго и горстью солдатъ **. Не столь неожиданнымъ какъ для самой правительницы этотъ ударъ казался современникамъ внимательно слѣдившимъ за настроеніемъ умовъ.

Сохранилось преданіе что знаменитый математикъ Эйлеръ, вмѣстѣ съ другими академиками, по приказанію Анны Іоанновны, составили гороскопъ для новорожденнаго Іоанна Антоновича. Заключеніе выведенное учеными до того будто бы ужаснуло ихъ что они рѣшили представить государынѣ другой гороскопъ предсказавшій молодому принцу всякія благополучія ***. Такимъ обманомъ однако нельзя было измѣнить къ лучшему судьбы несчастнаго Брауншвейгскаго принца. Онъ вступилъ на престолъ, имѣя нѣсколько недѣль отъ роду. Его царствованіе продолжалось годъ и шестнадцать дней. Во время царствованія Елисаветы, правительство старалось уничтожить всякій слѣдъ краткаго правленія Іоанна. Строжайшимъ образомъ было запрещено упоминать въ грамотахъ имя и титулъ бывшаго императора; было сдѣлано распоряженіе о доставленіи въ Сенатъ всѣхъ манифестовъ, паспортовъ и прочихъ дѣловыхъ бумагъ въ которыхъ было

---

* Записки Штелина въ Госуд. Архивѣ, въ соч. Соловьева *Исторія Россіи,* XXI, стр. 119.

** Саксонскій резидентъ Пецольдъ пишетъ: „Alle Russen bekennen dass es bloss des Beistandes einer Anzahl Grenadiere, eines Kellers voll Branntwein und einiger Säcke Geld bedürfe, um zu machen, was man wolle.“ См. соч. Herrmann'a *Geschichte des russ. Staats.* IV, 685.

*** См. монографію *Семейство Разумовскихъ*, въ сборникѣ *Восьмнадцатый Вѣкъ*, II, 301.

упомянуто объ Іоаннѣ. Елисавета приказала считать всѣ дѣла предшествовавшаго времени, отъ смерти императрицы Анны до 25го ноября 1741 года, „производившимися въ правленіе бывшаго герцога Курляндскаго и принцессы Анны Браунштейгской". 31го декабря 1741 года назначенъ годовой срокъ для промѣна монетъ съ изображеніемъ Іоанна III; по истеченіи же этого срока, она уже не могла обращаться въ народѣ. Предъявленныя къ размѣну монеты по истеченіи срока уплачивались въ казнѣ не полною цѣной „копѣйка за копѣйку", а не иначе какъ со скидкою нѣсколькихъ процентовъ.* Въ 1742 году, во всемъ государствѣ собирались присяжные листы Іоанну III и сжигались: въ Петербургѣ — на Васильевскомъ острову, а въ Москвѣ—на Ивановской площади. 27го октября 1742 года, приказано печатныя книги неукоснительно представлять для уничтоженія въ нихъ листовъ съ извѣстнымъ титуломъ и замѣны новыми съ именемъ императрицы Елисаветы. Въ 1743 году собирали всѣ вообще документы съ именемъ Іоанна. 30го іюля 1745 года той же участи подверглись медали на кончину императрицы Анны, на которыхъ было его изображеніе. Объ исполненіи всѣхъ такихъ распоряженій неоднократно и строго подтверждалось правительствомъ, и присутственныя мѣста старательно въ продолженіи многихъ лѣтъ хлопотали объ отысканіи и представленіи всѣхъ подобныхъ предметовъ. Въ 1750 году дошло до свѣдѣнія Сената что въ Петербургѣ продаютъ иноземцы нѣмецкія печатныя книги „въ которыхъ упоминаютъ въ бывшія два правленія извѣстныхъ персонъ имена", почему велѣно было представить и эти изданія. Тогда не на шутку испуганные владѣльцы книгъ стали присылать безъ разбора всѣ сочиненія, даже учебники, лексиконы и пр. 10го октября 1750 года Сенату пришлось растолковывать какія именно книги онъ повелѣвалъ предъявлять для уничтоженія. До чего доходили опасенія на этотъ счетъ въ публикѣ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: Марковичъ въ своихъ домашнихъ запискахъ, веденныхъ имъ собственно для себя, поспѣшилъ вырвать листы гдѣ рѣчь шла объ Іоаннѣ III. **

Несмотря на всѣ эти мѣры нельзя было уничтожить память о несчастномъ ребенкѣ-императорѣ. Монеты съ его

* См. *Полное Собр. Зак.*, № 8.494 и № 8.712.

** См. Пекарскаго соч. *Маркизъ де-ла-Шетарди*, стр. 617 и 618.

изображеніемъ и нынѣ не считаются особенною нумизматическою рѣдкостію. Можно пріобрѣсть серебряные рубли за нѣсколько рублей. *

Что касается до Браунгшвейской фамиліи, то Елисавета предполагала сначала отпустить Антона-Ульриха съ женою и дѣтьми безпрепятственно за границу. Въ манифестѣ 28го ноября 1741 года сказано: „И хотя она, принцесса Анна, и сынъ ея принцъ Іоаннъ и ихъ дочь принцесса Екатерина ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію Всероссійскаго престола ни по чему не имѣютъ; но однако въ разсужденіи ихъ, принцессы и его принца Ульриха Брауншвейгскаго, къ императору Петру Второму по матерямъ свойства, и изъ особливой нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ, предавъ всѣ ихъ вышеизъясненные къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забвенію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли.“ **

Маркизъ де-ла-Шетарди писалъ изъ Петербурга 11го декабря 1741 года: „Елисавета говорила: „„отъѣздъ принца и принцессы Брауншвейгскихъ съ дѣтьми рѣшенъ, и чтобы заплатить добромъ за зло, имъ выдадутъ деньги на путевыя издержки и будутъ съ ними обходиться съ почетомъ должнымъ ихъ званію.““ Царица также предположила назначить имъ болѣе или менѣе значительное ежегодное вознагражденіе, смотря по тому какъ будетъ довольна она ихъ поведеніемъ въ отношеніи къ себѣ. Она оставляетъ принцессѣ Брауншвейгской орденъ Св. Екатерины, который та имѣла до ордена Св. Андрея, а послѣднимъ она весьма некстати придумала украситься въ качествѣ правительницы; оставляетъ она также Андреевскій орденъ герцогу Брауншвейгскому, принцу Іоанну, его сыну, и принцу Людовику, его брату.“ ***

Дѣйствительно, 12го декабря 1741 года несчастная Брауншвейгская фамилія была отправлена изъ Петербурга въ Ригу, подъ прикрытіемъ большаго конвоя. 28го декабря предполагалось доставить ихъ въ Кенигсбергъ; на содержаніе ихъ

* См. статью о дѣтяхъ Анны Леопольдовны въ *Русской Старинѣ* 1873, стр. 69.

** *П. С. З.* № 8 476.

*** Пекарскій l. c., стр. 441.

за границею назначалось по 130.000 рублей ежегодно, да на дорогу выдано 20.000 рублей. *

Между бумагами относящимися къ Брауншвейгской фамиліи и напечатанными въ извлеченіи въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, находятся разныя инструкціи относящіяся къ отправленію Антона-Ульриха съ дѣтьми въ Ригу и за границу. Изъ этихъ бумагъ видно что прежняя инструкція генералъ-лейтенанту Салтыкову, препровождавшему Брауншвейгцевъ, была замѣнена другою, въ которой ему вмѣнено въ обязанность продолжать путь тише, „подъ претекстомъ несобранія подводъ и прочихъ неисправностей“ оставаться восемь или десять дней въ Нарвѣ, а затѣмъ, по прибытіи въ Ригу, занять тамъ „для извѣстныхъ персонъ“ того самаго помѣщенія въ цитадели гдѣ прежде живалъ Карлъ Биронъ. Въ Ригѣ же путешественники должны были оставаться до указу. **

Изъ другихъ инструкцій видно что съ Анной Леопольдовной и Антономъ-Ульрихомъ начали обращаться какъ съ государственными преступниками. Салтыкову было запрещено во время путешествія допускать кого-либо изъ встрѣчающихся къ бесѣдамъ съ принцемъ и принцессою. Антонъ Ульрихъ и Анна Леопольдовна не имѣли права получать какихъ-либо писемъ или билетовъ. Салтыковъ долженъ былъ примѣчать, не будетъ ли изъ Петербурга какихъ-либо подсылокъ или писемъ, „а подозрительныхъ поймавъ, отправлять въ Санктпетербургъ въ кабинетъ секретно, и не останавливаться въ городахъ“. ***

По другимъ извѣстіямъ, болѣзнь меньшой дочери, Екатерины, заставила путешественниковъ остановиться на нѣсколько времени въ дорогѣ. Не ранѣе какъ 9го января 1742 года они пріѣхали въ Ригу.**** Между тѣмъ по секретнѣйшему указу, Анна Леопольдовна за себя, за сына и за дочь должна была подписать экземпляръ присяги императрицѣ Елисаветѣ †

---

* См. статью г. Семевскаго объ Іоаннѣ Антоновичѣ, въ *Отеч. Зап.* т. CLXV, стр. 532.

** См. *Чтенія*, 1861 года II т. Смѣсь, стр. 1—58. Опись секретнымъ бумагамъ.

*** *Чтенія*, 1861, II. Смѣсь, 2.

**** *Жизнь правительницы Анны*, Яковлева, Москва, 1814 стр. 33.

† *Чтенія*, 1861, II. Смѣсь 2 и 3.

Путешественники вели себя скромно и избѣгали всего что̀ могло содѣйствовать раздраженію правительства.

Пока Брауншвейгское семейство было въ дорогѣ, императрица Елисавета послала въ Киль за своимъ племянникомъ, молодымъ герцогомъ Голштейнскимъ; ею овладѣло безпокойство, допустятъ ли его спокойно пріѣхать въ Россію, и въ этомъ безпокойствѣ ей пришла мысль или была внушена другими— удержать Брауншвейгскую фамилію въ дорогѣ и въ Ригѣ до тѣхъ поръ пока герцогъ Голштейнскій достигнетъ русской границы. Такъ разказываетъ маркизъ де-ла-Шетарди, въ присутствіи котораго Елисавета словесно приказала Салтыкову отдалить на мѣсяцъ или недѣль на пять прибытіе принца и принцессы Брауншвейгскихъ въ Ригу, замедляя ихъ путешествіе притворными затрудненіями собрать въ Курляндіи достаточное число лошадей. *

Кромѣ упомянутаго повода, и другія обстоятельства заставляли императрицу Елисавету измѣнить свой образъ дѣйствій относительно Брауншвейгскаго семейства. Хотя Елисавета и была дочерью Петра Великаго и въ этомъ качествѣ имѣла право на престолъ, она не иначе какъ путемъ государственнаго удара опрокинула престолъ императора Іоанна. По этому самому она въ первое время своего царствованія должна была бороться съ нѣкоторыми затрудненіями. Далеко не всѣ въ Россіи одобряли перемѣну состоявшуюся 25го ноября 1741 года. Здѣсь и тамъ обнаруживались явные признаки неудовольствія новою императрицей и желанія возвратить престолъ Іоанну.

Такъ напримѣръ въ 1742 году, камеръ-лакей Александръ Турчаниновъ съ двумя заговорщиками хотѣли захватить и умертвить Елисавету и племянника ея, герцога Голштейнскаго, и возвести на престолъ свергнутаго Ивана Антоновича. Они говорили что Елисавета и сестра ея Анна прижиты внѣ брака и потому незаконныя дочери Петра Великаго. ** Саксонскій резидентъ Пецольдъ пишетъ объ этомъ дѣлѣ что дворъ старался показывать видъ будто Турчаниновъ и его товарищи арестованы и наказаны лишь за неисполненіе служебныхъ обязанностей и за несодержаніе въ тайнѣ какихъ-то придворныхъ дѣлъ, а не за какое-либо политическое преступленіе.

* Пекарскій l. c. 447 и 452.

** Соловьевъ, XXI, стр. 199, по выпискамъ изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи въ государственномъ архивѣ.

Чрезвычайно любопытенъ дальнѣйшій разказъ Пецольда о глубокомъ впечатлѣніи произведенномъ этимъ событіемъ на императрицу и высшихъ сановниковъ. Онъ пишетъ: „Я не въ состояніи описать страшную боязнь и тайное смятеніе овладѣвшія дворомъ вслѣдствіе этого приключенія. Куракинъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей не рѣшался ночевать у себя въ домѣ, сама императрица устроила свой образъ жизни такимъ образомъ что она проводитъ всю ночь въ обществѣ многихъ лицъ; за то она почиваетъ днемъ, а чрезъ это происходитъ много безпорядка въ дѣлахъ и пр.“ *

Изъ другихъ донесеній Пецольда, относящихся къ этому времени, мы узнаемъ кое-что о предположеніяхъ при дворѣ касательно судьбы Брауншвейгской фамиліи. Между прочимъ, извѣстный врачъ Елисаветы, Лестокъ, разказывалъ Пецольду что Бестужевъ старался уговорить императрицу освободить Брауншвейгскую фамилію изъ Риги и отпустить оную за границу. Лестокъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія, утверждая что совсѣмъ напрасно и въ ущербъ безопасности императрицы сначала правительство изъявило въ манифестѣ готовность отпустить Анну Леопольдовну съ семействомъ за границу, и что пока онъ, Лестокъ, живъ, несчастные не получатъ свободы. Какъ видно изъ донесенія Пецольда, онъ имѣлъ случай бесѣдовать объ этомъ предметѣ и съ вице-канцлеромъ Бестужевымъ, который при этомъ случаѣ замѣтилъ что онъ въ послѣднемъ собраніи совѣта говорилъ въ пользу освобожденія бывшей правительницы и ея дѣтей, потому что они оставаясь въ Россіи могутъ считаться болѣе опасными чѣмъ отправившись за границу. Далѣе Бестужевъ хвалился тѣмъ что онъ вмѣстѣ съ восемью другими сановниками отклонилъ отъ Брауншвейгцевъ нѣкоторыя насильственныя мѣры, напримѣръ пытку фрейлины Юліи Менгденъ, подруги Анны Леопольдовны. Бестужевъ наконецъ жаловался на маркиза де-ла-Шетарди старавшагося вмѣстѣ съ Лестокомъ убѣдить Елисавету въ томъ что прочность ея царствованія обусловливается содержаніемъ въ арестѣ Анны Леопольдовны и ея семейства. **

Въ такомъ положеніи находились дѣла до такъ-называемаго заговора австрійскаго посланника маркиза де-Ботта. Это

---

* *Herrmann*, *Gesch. d. russ.* Staats V, 188.

** Тамъ же, 14—15.

событіе не могло не содѣйствовать усиленію гнѣва императрицы противъ падшаго семейства. Изъ дѣловыхъ бумагъ относящихся къ тому эпизоду и служившихъ г. Соловьеву матеріаломъ при составленіи разказа объ этомъ предметѣ видно что подсудимые, недовольные вступленіемъ на престолъ Елисаветы, надѣялись на возвращеніе престола Іоанну Антоновичу. Иванъ Лопухинъ показалъ что „рижскій караулъ, который у императора Ивана и у матери его, очень къ императору склоненъ“, что „перемѣнѣ легко сдѣлаться“, и что „будетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна“, что „императору Ивану будетъ король Прусскій помогать, а наши за ружье не примутся“, и „что австрійскій посланникъ маркизъ Ботта императору Ивану вѣрный слуга и доброжелатель“. Другой подсудимый, Фалькенбергъ, говорилъ: „Должно-быть маркизъ Ботта не хотѣлъ денегъ терять, а то бы онъ принцессу Анну и принца выручилъ.“ Далѣе Лопухинъ объявилъ: „въ Москвѣ пріѣзжалъ къ матери моей маркизъ Ботта, и послѣ его отъѣзда мать пересказывала мнѣ слова Ботты, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится пока не поможетъ принцессѣ Аннѣ. Ботта говорилъ что и король Прусскій будетъ ей помогать, и онъ, Ботта, станетъ о томъ стараться.“ Наталья Ѳедоровна Лопухина также объявила что бесѣдовала съ австрійскимъ посланникомъ объ Аннѣ Леопольдовнѣ и что она ему говорила „чтобъ они не заварили каши и въ Россіи безпокойствъ не дѣлали, и старался бы онъ объ одномъ, чтобы принцессу съ сыномъ освободили и отпустили къ деверю ея“. Графиня Анна Гавриловна Бестужева говорила: „Дай Богъ когда бы ихъ (Брауншвейгскую фамилію) въ отечество отпустили!“ Далѣе изъ допросовъ видно что нѣкоторыя лица бывшаго придворнаго штата желали и ожидали возвращенія на престолъ Анны Леопольдовны и императора Іоанна. Всѣ поступки подсудимыхъ ограничивались рѣчами, неосторожными тайными бесѣдами. Хуже всего было то обстоятельство что маркизъ Ботта хвалилъ прежнее царствованіе и, порицая образъ дѣйствій Елисаветы, намѣревался дѣйствовать въ пользу Брауншвейгской фамиліи. *

Это дѣло не могло не содѣйствовать усиленію опасеній императрицы на счетъ претендентовъ, находившихся въ Ригѣ. Даже за границею говорили объ опасности грозившей Елиса-

---

* Соловьевъ, XXI, стр. 286 и слѣд.

ветѣ со стороны приверженцевъ бывшаго императора. Заговоръ Ботты относится къ 1743 году, а 9го января 1744 года Пецольдъ изъ Петербурга писалъ о бесѣдѣ бывшей въ Берлинѣ между Фридрихомъ Великимъ и русскимъ посланникомъ Чернышевымъ. Прусскій король просилъ Чернышева передать императрицѣ что по его убѣжденію маркизъ Ботта, стараясь опрокинуть престолъ Елисаветы, исполнялъ лишь порученія своего двора, и что поэтому король какъ истинный другъ и союзникъ Россіи считаетъ своимъ долгомъ совѣтовать Елисаветѣ, для того чтобъ избавиться отъ страшной опасности, увезти все Брауншвейгское семейство въ столь удаленное мѣсто, въ Россіи, чтобы никто не могъ знать о его мѣстопребываніи. *

Императрица особенно безпокоилась по ночамъ, ожидая нечаяннаго какого-либо движенія или заговора въ пользу Ивана. ** Многіе современники раздѣляли эту мысль о предстоящемъ государственномъ переворотѣ. Такъ напримѣръ допрашивали Лифляндца Штакельберга, который въ Кенигсбергѣ дурно отзывался о Россіи и предсказывалъ ей новую революцію: *** такъ и молодой Орликъ, представитель партіи сепаратизма въ Малороссіи, тогда писалъ отцу своему въ Яссы что въ Россіи находится сильная партія въ пользу сверженнаго императора. ****

Чрезвычайно строгое наказаніе обвиненныхъ въ участіи въ заговорѣ Ботты доказывало что правительство считало необходимымъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ для того чтобъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Къ тому же нужно при-

* Hermann, *Gesch. d. russ.* Staats. V. 73.

** Rulhière, *histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année* 1762. Paris 1797. p. 7: „Elisabeth est d'autant plus louable de lui (Іоанну) avoir laissé la vie, que sachant avec quelle facilité une révolution se fait en Russie, elle n'a jamais cru la couronne assurée sur sa tête. Elle n'osait se coucher avant le jour, parceque c'était à la faveur de la nuit, qu'une conspiration l'avait placé elle même sur le trône. Elle craignait tant d'être surprise endormie, qu'elle avait fait chercher avec soin l'homme de tout son empire qui eût le sommeil le plus leger; et cet homme, qui, heureusement, se trouva difforme, passait dans la chambre de l'imperatrice tout le temps qu'elle dormait. C'était malgré tout de craintes qu'elle laissait vivre le seul homme qui les causait."

*** Соловьевъ, *Исторія Россіи* XXI, стр. 332.

**** Тамъ же, XXI, стр. 239. *Дѣла Польскія въ Госуд. Архивѣ.*

нять въ соображеніе тогдашнее положеніе Европы и отношеніе Россіи къ Пруссіи и Австріи. Тогда именно между последними державами происходила борьба за Силезію. Въ первые годы царствованія императрицы Елисаветы, Россія находилась въ болѣе тѣсной связи съ Пруссіею нежели съ Австріею. Австрія, содѣйствовавшая вступленію въ бракъ Анны Леопольдовны съ родственникомъ Маріи Терезіи Антономъ-Ульрихомъ, должна была сожалѣть о перемѣнѣ въ Россіи случившейся въ 1741 году, и желать возвращенія престола Іоанну Антоновичу. Фридрихъ Великій, напротивъ, долженъ былъ опасаться, въ интересѣ своего государства, переворота въ пользу Брауншвейгскаго семейства, и поэтому дѣйствительно могъ совѣтовать Елисаветѣ запрятать несчастныхъ кудань будь подальше.

Таковы были обстоятельства при которыхъ Брауншвейгцы содержались въ Ригѣ подъ строгимъ карауломъ. Раздраженіе противъ нихъ усиливалось. Личное негодованіе императрицы противъ нихъ обнаруживалось различнымъ образомъ. Обѣщаніе что имъ не будетъ причинено „какихъ-либо огорченій“ было забыто. Ихъ не только не отпускали за границу, но съ ними начали вскорѣ обращаться хуже и хуже.

Салтыкову было поручено имѣть надзоръ за Брауншвейгскою фамиліею въ Ригѣ. Въ Петербургѣ слѣдили за его образомъ дѣйствій, какъ видно изъ слѣдующей переписки; 11го октября 1742 года Елисавета къ нему писала: „Господинъ генералъ! Увѣдомились мы что принцесса Анна васъ бранитъ, тако-жъ что принцъ Іоаннъ, играючи съ собачкою, бьетъ ее по лбу, а какъ его спросятъ: кому де батюшка голову отсѣчешь? то онъ отвѣтствуетъ что Василью Ѳедоровичу (Салтыкову)! И будь то правда, то намъ удивительно что вы о томъ намъ не доносите. По полученіи сего, пришлите къ намъ отвѣтъ, подлинно ли такъ, или нѣтъ? Понеже коли то подлинно, то я другія мѣры возьму какъ съ ними поступать, а вамъ подлежитъ того смотрѣть чтобъ они васъ въ почтеніи имѣли и боялись васъ, а не такъ бы смѣли поступать.“ *
Салтыковъ въ отвѣтъ на это письмо старался успокоить императрицу. Онъ писалъ 22го октября: „У принцессы я каждый день поутру бываю, токмо кромѣ одного ея учтивства никакихъ противностей какъ персонально, такъ и чрезъ без-

Пекарскій l. c. 453.

смѣнныхъ караульныхъ офицеровъ ничего не слыхалъ, а когда ей что̀ потребно, о томъ съ почтеніемъ меня проситъ, а принцъ Іоаннъ почти ничего не говоритъ." *

Другимъ поводомъ къ раздраженію Елисаветы было то обстоятельство что, по ея мнѣнію, во дворцѣ въ Петербургѣ не доставало нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ вещей. Нѣсколько разъ изъ Петербурга обращались съ вопросами „о забранныхъ по счетамъ у Липмана (придворнаго бриллiантщика) бриллiантовыхъ и другихъ вещахъ" къ принцу и принцессѣ. Нѣсколько разъ допрашивали о таковыхъ предметахъ въ особенности фрейлину Юлію Менгденъ, находившуюся при Аннѣ Леопольдовнѣ. Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1742 года была переписка „о неявившихся изъ золотаго нахтыша двухъ коробкахъ", въ декабрѣ этого же года спрашивали принцессу Анну „о опа̀халѣ съ красными камнями и бриллiантами". Она на это отвѣтила что оное опахало осталось съ прочими алмазными вещами, и она его къ себѣ не бирала и никого имъ не даривала". ** Эти дѣла интересовали лично императрицу Елисавету, какъ видно изъ слѣдующаго письма ея къ Корфу въ Холмогоры въ мартѣ 1745 года: „Спроси Анну кому розданы алмазныя вещи ея, изъ которыхъ многія не оказываются. А ежели она, Анна, запираться станетъ что не отдавала никому никакихъ алмазовъ, то скажи что я принуждена буду Жульку (Менгденъ) разыскивать (пытать), то ежели ея жаль, то она ея до того мученія не допуститъ". ***

Уже въ Ригѣ, гдѣ Браунштейгская фамилія оставалась въ продолженіи 1742 года, несчастные содержались какъ арестанты. Лѣтомъ состоялся приказъ „о недопущеніи впредь никого къ принцу и принцессѣ кромѣ Салтыкова и опредѣленныхъ при немъ". Зимой были отправлены за границу тѣ люди которые къ нимъ изъ Петербурга съ гардеробомъ пріѣхали". ****

Біографъ Анны Леопольдовны, Яковлевъ, разказываетъ что во время пребыванія въ Ригѣ, продолжительность разысканій, поступки грубыхъ надсмотрщиковъ и досада находиться подъ карауломъ заставили принца и принцессу два раза предпри-

* Соловьевъ, XXII, стр. 95. *Чтенія* 1861, II. *Смѣсь* стр. 4 и 7.

** *Чтенія* 1861. II. Смѣсь, стр. 4 и 7.

*** Семевскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1. с, 537 по рукописному сочиненію барона М. А. Корфа. См. также *Чтенія* 1861, II

**** *Чтенія* 1861. II. Смѣсь, стр. 4.

нимать побѣгъ; въ первый разъ въ крестьянскомъ платьѣ, а въ другой на кораблѣ, но что имъ не удалось бѣжать, и что сей случай былъ причиной что ихъ посадили въ Рижскую крѣпость, и совершенно отдалили отъ всякаго сообщества. *

Такъ какъ въ другихъ источникахъ ничего не говорится о такихъ приключеніяхъ, такъ какъ въ особенности ни слова не сказано о таковыхъ попыткахъ къ побѣгу въ дѣловыхъ бумагахъ, опись которыхъ напечатана въ *Чтеніяхъ*, то этотъ фактъ подлежитъ вообще сильному сомнѣнію. Къ тому же многія показанія въ сочиненіи г. Яковлева оказываются совершенно неточными, такъ что и на этотъ счетъ его разказъ, не подтверждаемый никакою ссылкой, едва ли заслуживаетъ довѣрія **.

13го декабря 1742 года Брауншвейгскую фамилію перевезли въ крѣпость Дюнамюнде. Тутъ опять случилась непріятность. Находившаяся при Аннѣ Леопольдовнѣ „дѣвка“ Наталья Абакумова въ горячкѣ сказала за собой слова „въ порицаніе высокой чести ея величества, которыя слышала отъ фрейлинъ Жуліи и Бины (Менгденъ)“. Салтыковъ, донося объ этомъ, спросилъ: „какъ скоро Наталья Абакумова придетъ въ память и въ тѣхъ словахъ утвердятся, оную дѣвку и фрейлинъ отправлять ли?“ Чрезъ нѣсколько дней полученъ отвѣтъ „объ отправленіи дѣвки Натальи Абакумовой въ Москву какъ ей отъ горячки легче будетъ, а Жулію и Бину оставить при принцессѣ до указу“. *** Продолженія этого дѣла мы не знаемъ, но безъ сомнѣнія по крайней мѣрѣ несчастная Наталья, сказавшая за собой слово, отправленная въ Москву, тамъ подверглась розыску.

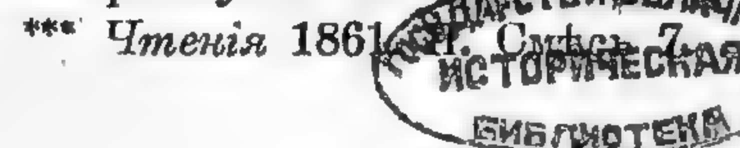
Антонъ-Ульрихъ и Анна Леопольдовна въ Ригу пріѣхали съ двумя дѣтьми, бывшимъ императоромъ Иваномъ и принцессой Екатериной. Въ Дюнамюнде у нихъ родилась дочь Елисавета.

Въ то самое время когда Брауншвейгская фамилія находилась въ Дюнамюнде, Ангальтъ-Цербстская принцесса Софія, въ послѣдствіи Екатерина II, вмѣстѣ съ матерью, на

* Жизнь принцессы Анны. М. 1814, стр. 33.

** До чего мѣстами доходитъ нелѣпость разказовъ Яковлева видно изъ слѣдующаго: „Фридрихъ II и Марія Терезія просили Елисавету объ освобожденіи Антона-Ульриха и видя неудачу препоручили маркизу Боттѣ произвести революцію“ и пр. (!) стр. 34.

*** *Чтенія* 1861 г. Смѣсь 7.

пути въ Петербургъ и Москву, проѣздомъ находилась въ Ригѣ. Мать будущей императрицы писала къ своему мужу о падшемъ Браунштейгскомъ семействѣ, порицая образъ дѣйствій Анны Леопольдовны и ея мужа. * Когда немногимъ позже возникъ вопросъ при русскомъ дворѣ, слѣдуетъ или нѣтъ пригласить отца невѣсты Петра Θеодоровича, князя Цербстскаго, къ свадьбѣ дочери въ Россію, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отрицательно. Княгиня Іоганна - Елисавета объясняла при этомъ случаѣ мужу что въ Россіи, принимая во вниманіе большой вредъ сдѣланный Браунштейгцами, опасаются приглашать въ гости иностранныхъ принцевъ. **

Въ Дюнамюнде несчастное семейство пробыло цѣлый годъ съ чѣмъ-то. Въ январѣ 1744 года состоялся указъ о перевезеніи его въ Раненбургъ, причемъ его едва не завезли въ Оренбургъ, потому что капитанъ - поручикъ гвардіи Вындомскій, которому поручена была перевозка, принялъ Раненбургъ за Оренбургъ. ***

Въ Петербургѣ между тѣмъ зорко слѣдили за образомъ дѣйствій и арестантовъ и лицъ ихъ окружавшихъ. Изъ Петербурга получены приказанія „о запорѣ въ Дюнамюндъ-Шанцѣ Морскихъ воротъ, и объ оставленіи для входа и выхода въ оную крѣпость Рижскихъ воротъ"; изъ Петербурга требовали отъ генерала Салтыкова увѣдомленія о томъ „въ сердитомъ или въ довольномъ видѣ принцесса и мужъ ея являлись при отправленіи изъ Дюнамюнде въ Раненбургъ". Салтыковъ на то доносилъ что когда членамъ фамиліи объявили о выѣздѣ и что ихъ разсадятъ въ разные возки—мужа, жену и дѣтей, то они съ четверть часа поплакали, но вида сердитаго не показали. ****

Въ Раненбургѣ (въ нынѣшней Рязанской губерніи) фамилія пробыла нѣсколько мѣсяцевъ. 27го іюля, того же 1744 года, послѣдовалъ указъ перевезти ихъ въ Архангельскъ, изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь и тамъ оставить. О пребываніи несчастнаго семейства въ Раненбургѣ нѣтъ почти

---

* См. Siebigk, *Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland.* Dessau. 1873. стр. 32. Жаль что авторъ не приводитъ выраженія Іоганны-Елисаветы, потому что оныя „zu sehr den Urtheilen der Partei der Kaiserin Elisabeth gemäss seien."

** Тамъ же стр. 47.

*** См. Соловьева XXII. стр. 96.

**** *Чтенія* 1861. II. *Смѣсь* 9.

никакихъ извѣстій. Раненбургъ, нынѣшній уѣздный городъ *Ораніенбургъ*, до начала XVIII вѣка былъ селомъ однодворческимъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Слободскаго*, а въ 1702 году оно съ окрестными деревнями подарено было Петромъ I князю Меншикову, который построилъ въ этомъ селѣ крѣпость и переименовалъ село въ Ораніенбургъ. Здѣсь Анна Леопольдовна съ семействомъ прожила до осени 1744 года.

27го іюля 1744 года баронъ Н. А. Корфъ, женатый на свойственницѣ государыни, графинѣ Скавронской, человѣкъ приближенный и пользовавшійся довѣренностью императрицы, получилъ отъ нея указъ: немедленно ѣхать съ капитаномъ Пензенскаго полка Миллеромъ въ Раненбургъ. Корфъ долженъ былъ ночью взять принца Іоанна, и сдавъ его съ рукъ на руки Миллеру, немедленно отправить его въ мѣсто новой ссылки. На другой день, также ночью, взять Анну Леопольдовну съ мужемъ и дочерьми Екатериной и Елисаветой, и отправить ихъ въ Соловецкій монастырь, подъ прикрытіемъ тридцати надежнѣйшихъ солдатъ. Въ указѣ строжайше было подтверждено постоянно наблюдать чтобы какъ въ пути, такъ и на мѣстѣ заключенія, никто не только изъ постороннихъ, но и изъ сторожей отнюдь не вступалъ въ разговоры и не отвѣчалъ бы на вопросы арестантовъ. Право говорить съ ними предоставлялось женской прислугѣ, безотлучно при нихъ находившейся, и одному караульному. Кормить приказано было безъ малѣйшей прихоти и роскоши, столько чтобы только „сыту быть.“ Въ силу полученной инструкціи, Миллеръ долженъ былъ сѣсть въ коляску съ четырехлѣтнимъ младенцемъ Іоанномъ, но называть его не иначе какъ Григоріемъ, и въ сопровожденіи шести солдатъ безостановочно везти его въ Соловецкъ; на переправахъ, при перемѣнѣ лошадей и во всѣхъ другихъ случаяхъ, коляску имѣть закрытою; ребенка никому, даже извощикамъ, не показывать, а служителю, находившемуся съ нимъ въ коляскѣ, строжайше запретить говорить съ кѣмъ бы то ни было.

Когда всѣ распоряженія были сдѣланы, указы и инструкціи переданы Корфу, послѣдній представилъ чрезъ Воронцова что Іоаннъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма неспокоенъ если разлучить его съ родителями, но въ отвѣтъ на это послѣдовало: „поступать по указу“. 10го августа Корфъ пріѣхалъ въ Раненбургъ, и нашелъ что тамъ ничего еще не было приготовлено къ путешествію: не было припасовъ самыхъ необхо-

димыхъ; экипажи оказались въ величайшей неисправности; принцъ Іоаннъ боленъ отъ дурнаго качества питья; мать, вновь беременная, лежала въ постели.

Появленіе Корфа страшно перепугало злополучное семейство; благородный баронъ не рѣшился имъ открывать причину своего пріѣзда, передалъ поклонъ отъ императрицы, и въ донесеніи ко двору спрашивалъ: должно ли пускаться въ дорогу при нынѣшней болѣзни Анны и ея сына? И нельзя ли будетъ взять въ дорогу Юлію Менгденъ, находящуюся при принцессѣ, но не назначенную къ отъѣзду. „Если разлучить принцессу съ ея фрейлиною", доносилъ Корфъ, „то она впадетъ въ совершенное отчаяніе."

Государыня не нашла нужнымъ отмѣнять своего рѣшенія. Браунштейгская фамилія должна была ѣхать, отправиться въ путь въ неудобное осеннее время, оставить въ Раненбургѣ подругу Анны Леопольдовны.

Юлія Менгденъ во время царствованія императора Іоанна играла при дворѣ чрезвычайно важную роль, имѣла значительное политическое вліяніе и была посвящена во всѣ тайны правительницы Анны. Послѣ катастрофы 25го ноября 1741 года, императрица Елисавета согласилась на оставленіе фрейлины при Аннѣ Леопольдовнѣ. * Теперь все измѣнилось, и несчастная фрейлина осталась въ Раненбургѣ съ другими „арестантами". О дальнѣйшей судьбѣ Юліи Менгденъ намъ ничего неизвѣстно. Въ описи бумагъ относящихся къ Браунштейгской фамиліи, находятся рапорты капитановъ Ракусовскаго и Ахматова объ „ораніенбургской коммиссіи" и о „благополучномъ состояніи арестантовъ". Сначала говорится о четырехъ арестантахъ, между которыми находилась фрейлина Менгденъ, затѣмъ послѣ кончины „карлицы" о трехъ арестантахъ. Свѣдѣнія эти относятся ко всему времени до 1754 года. Поэтому есть основаніе думать что подруга Анны Леопольдовны еще лѣтомъ этого года содержалась въ Раненбургѣ подъ карауломъ. **

Между тѣмъ Браунштейгская фамилія должна была отправиться на сѣверъ. Корфъ, человѣкъ благородный, честный и по своему времени довольно образованный, велъ себя съ

---

* См. нѣкоторыя подробности въ сочиненіи Schmidt-Phiseldek, *Materialien sur russischen Geschichte* II. 379.

** *Чтенія* 1861, II. Смѣсь, стр. 11, 44—58.

возможною деликатностью и осторожностью относительно арестантовъ. Между тѣмъ путешествіе, начатое 29го августа 1744 года, было далеко неспокойно. Вѣроятно за день до отъѣзда семейства изъ Раненбурга, несчастные родители навсегда разстались съ сыномъ Іоанномъ. Очень дорого стоила Аннѣ Леопольдовнѣ, безъ сомнѣнія, разлука со своею подругою. Она сама была беременна, малютки больны, а тутъ дождь, распутица, сквернѣйшія дороги, безпрестанныя остановки, наконецъ снѣгъ и осенніе холода.

30го августа Корфъ писалъ Воронцову: „Третьяго дня я объявилъ извѣстнымъ особамъ о ихъ отъѣздѣ изъ Раненбурга; эта новость повергла ихъ въ чрезвычайную печаль, обнаружившуюся слезами и воплями. Несмотря на это и на болѣзненное состояніе принцессы, они отвѣчали что готовы исполнить волю ея величества. Ея болѣзнь главнымъ образомъ происходитъ отъ беременности“. Когда Корфъ объявилъ что всѣ заразъ не могутъ ѣхать и что фрейлина Юлія отправится послѣ, то это извѣстіе поразило принцессу какъ громомъ: вѣроятно они догадались что ихъ хотятъ разлучить навсегда. Анна Леопольдовна и мужъ ея не знали что ихъ везутъ въ Соловки, думали что мѣстомъ ссылки ихъ будетъ Пелымъ гдѣ прежде былъ Биронъ. *

Между тѣмъ правительство дѣлало разныя распоряженія въ Соловецкѣ для водворенія тамъ Браунгшвейгской фамиліи. Въ Соловецкій монастырь былъ отправленъ для принятія тамъ надлежащихъ мѣръ полковникъ Чертовъ, который, исправивъ „для нѣкоторой коммиссіи“ покои, прислалъ въ Петербургъ планы, фасады и профили монастыря, и вѣдомость о матеріалахъ и рабочихъ людяхъ. ** Для Іоанна приказано было приготовить четыре комнаты. Одна назначалась для сѣней, другая для шести конвойныхъ солдатъ, остальныя должны были быть заняты капитаномъ Миллеромъ и развѣнчаннымъ императоромъ. Послѣдняго приказано было „отнюдь изъ комнатъ не выпускать и постоянно наблюдать чтобы въ двери не ушелъ или отъ рѣзвости въ окошко не выскочилъ“. Комнаты назначенныя для правительницы съ остальнымъ семействомъ

---

* См. Соловьева; *Ист. Россіи*, т. XXII, стр. 96 и 97. О путешествіи въ Холмогоры барономъ М. А. Корфомъ, какъ уже выше было сказано, составлена монографія, которою пользовался г. Семевскій, l. c. 534 и слѣд.

** *Чтенія* 1861, II *Смѣсь* 43 и 44.

приказано было оттородить каменными или деревянными стѣнами отъ покоевъ принца Іоанна. Архимандриту соловецкому приказано, именемъ государыни, хранить всѣ сдѣланныя распоряженія въ строжайшемъ секретѣ, подъ опасеніемъ „лишенія священства, монашества и живота“. *

Всѣ распоряженія въ Соловецкомъ монастырѣ въ послѣдствіи оказались лишними. Брауншвейгская фамилія никогда туда не пріѣзжала. На дорогѣ, отъѣхавъ полтораста верстъ за Шенкурскъ, Корфъ нашелъ что нѣтъ возможности продолжать путь и послалъ нѣсколько донесеній о всѣхъ трудностяхъ ѣзды въ эту пору и по этимъ дорогамъ. Получивъ разрѣшеніе остановиться на зимовку, Корфъ отъ себя сдѣлалъ распоряженіе помѣстить всю фамилію въ архіерейскомъ домѣ въ Холмогорахъ, куда и привезъ арестантовъ 9го ноября 1744 года. Къ слѣдующимъ мѣсяцамъ относится переписка между Корфомъ и дворомъ объ арестантахъ. Дворъ утвердилъ распоряженія барона. Прислана была подробная инструкція какъ содержать *извѣстныхъ персонъ* въ теснѣйшемъ заключеніи и совершенно отдѣльно отъ принца Іоанна.

Корфъ неоднократно представлялъ что „коммиссію“ лучше бы навсегда оставить въ Холмогорахъ, представлялъ разныя затрудненія съ которыми сопряжена поѣздка въ Соловецкъ, сохраненіе тайны всего дѣла, доставка припасовъ на островъ и проч. Послѣ долгой переписки правительство уступило, и арестанты, до *новаго* однако указа, оставлены въ Холмогорахъ. Распоряженіемъ отъ 29го марта 1745 года разрѣшено было Корфу возвратиться ко двору, сдавъ арестантовъ капитану Измайловскаго полка Гурьеву. При этомъ приложена была особая бумага, за подписью императрицы: „Ежели, по волѣ Божіей, случится кому изъ извѣстныхъ персонъ смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ или принцу Іоанну, то учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положа въ спиртъ, тотчасъ то смертное тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить по тому жь, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ждать указу; и сіе сдержать въ крѣпкомъ секретѣ, чтобы о томъ никто другіе не вѣдали, а какъ оттуда поѣдете, то объявя о томъ майору Гурьеву словесно, а сію цидулку съ собою къ намъ привезть“ **.

* Семевскій l. c. 534.

** Семевскій l. c. 535.

Какъ кажется, Лестокъ имѣлъ нѣкоторое участіе въ отправленіи Брауншвейгскаго семейства въ Архангельскую губернію. По крайней мѣрѣ въ депешѣ саксонскаго резидента Герсдорфа встрѣчается замѣтка что эта мѣра была слѣдствіемъ внушеній „тѣхъ лицъ которыя прежде находились въ тѣсной связи съ маркизомъ де-ла-Шетарди“. * Мы уже видѣли что Лестокъ считалъ отправленіе несчастнаго семейства въ отдаленное мѣсто какъ бы важнѣйшимъ условіемъ обезпеченія престола Елисаветы. Его желаніе теперь исполнилось. Въ Холмогорахъ Брауншвейгцы не были опасны. Корфъ даже былъ того мнѣнія что мѣстопребываніе арестантовъ въ Холмогорахъ „гораздо секретнѣе чѣмъ еще везти ихъ по Двинѣ и по морю“. **

Въ послѣдствіи старшая дочь Анны Леопольдовны, принцесса Екатерина, находившаяся въ Холмогорскомъ острогѣ отъ 1744 до 1780 года, сдѣлала рисунокъ изображающій жалкое мѣстопребываніе Брауншвейгскаго семейства. Точный фото-литографическій снимокъ съ этого рисунка приложенъ къ статьѣ „Дѣти правительницы Анны Леопольдовны“, напечатанной въ январской книжкѣ *Русской Старины* 1873 года. Подлинникъ рисунка, вмѣстѣ съ рукописью заключающею въ себѣ нѣкоторыя любопытныя данныя о судьбѣ дѣтей Анны Леопольдовны, пріобрѣтенъ академикомъ А. А. Куникомъ у одного изъ букинистовъ и принесенъ въ даръ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

На рисункѣ видно пространство, величиною въ четыреста (приблизительно) шаговъ въ ширину и во столько же шаговъ въ длину, окруженное высокою деревянною оградой, въ которой находятся три дома и церковь съ башнею, прудъ, что-то похожее на садъ, ворота запертыя тяжелыми желѣзами. Рисунокъ, сдѣланный далеко не мастерски, даетъ намъ довольно ясное понятіе о характерѣ мѣста обитаемаго арестантами. Уединеніе, уныніе, монотонія, скука—вотъ главныя черты

---

* Депеша Герсдорфа отъ 17го августа 1744 года: „On transporte (sur les insinuations faites par ces personnes, qui se trouvaient ci-devant en liaison avec le Marquis de la Chètardie) la famille de Brunswick de nouveau d'Oranienbourg dans les environs d'Archangel et on sèparera le Prince et la Princesse et le jeune Iwan“. См. соч. Германна *Geschichte des russ. Staats.* V. 74.

** Соловьевъ XXII, 97.

этой картины. Окрестности этого мѣста также имѣютъ печальный видъ: природа скудная, климатъ суровый.

Въ этомъ мѣстѣ оставались, по ходатайству барона Корфа, „извѣстныя персоны". Здѣсь Анна Леопольдовна нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда, 19го марта 1745 года, родила сына Петра, а 27го февраля 1746 года — сына Алексѣя. Корфъ, уѣхавшій въ Петербургъ, былъ замѣненъ майоромъ Гурьевымъ.

Здоровье Анны Леопольдовны, съ тѣхъ поръ какъ ея сынъ былъ лишенъ престола, сильно пострадало отъ разныхъ лишеній и нравственныхъ страданій. По случаю рожденія принца Алексѣя, она сильно занемогла „великою горячкой" и вскорѣ скончалась, имѣя отъ роду не болѣе 28 лѣтъ.

Какъ кажется, извѣстія о родившихся въ Холмогорахъ принцахъ, увеличивавшихъ собою число возможныхъ претендентовъ, сильно не нравились императрицѣ Елисаветѣ. Есть извѣстіе что императрица, получивъ рапортъ о рожденіи принца Алексѣя, „изволила, прочитавъ оный рапортъ, разодрать". * Очевидно принцесса скончалась отъ родильной горячки, но Елисавета не желала чтобы распространился слухъ о рожденіи принца. Когда былъ полученъ изъ Холмогоръ рапортъ штабълѣкаря Манзея о болѣзняхъ принцессы послѣ родовъ, смотрѣнныхъ имъ при анатоміи, этотъ рапортъ, между тѣмъ какъ другія бумаги были сданы въ архивъ, остался „на верху", то-есть въ комнатахъ императрицы. ** Баронъ Черкасовъ, очевидно по приказанію Елисаветы, поручилъ генералъ-прокурору написать въ объявленіяхъ о кончинѣ принцессы что она „скончалась огневицею". ***

Какъ относилась императрица къ этому дѣлу, лучше всего видно изъ ея писемъ къ принцу Антону-Ульриху и къ майору Гурьеву. Въ первомъ письмѣ сказано: „Свѣтлѣйшій принцъ, увѣдомились мы отъ майора Гурьева что принцесса, ваша супруга, волею Божіею скончалась, о чемъ мы сожалѣемъ, но понеже въ рапортѣ онаго майора Гурьева къ намъ не написано потребныхъ обстоятельствъ онаго печальнаго случая, можетъ-быть за тѣмъ что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша свѣтлость неотлучно при томъ были, того для

* *Чтенія* 1861, II, „Смѣсь", стр. 13.

** Тамъ же, стр. 14.

*** Тамъ же, стр. 16.

требуемъ отъ вашей свѣтлости обстоятельнаго о томъ извѣстія какою болѣзнію принцесса супруга ваша скончалась, которое сами изволите написавъ прислать къ намъ. Елизаветъ.“ Въ письмѣ къ Гурьеву сказано: „Рапорты ваши о рожденіи принца и о кончинѣ принцессы Анны мы получили, и что вы по указу тѣло принцессы Анны сюда отправляете, о томъ извѣстны. Приложенное при семъ къ принцу Антону наше письмо отдай и на оное отвѣтъ дай ему своею рукою написать, и какъ напишетъ, то оное къ намъ немедленно пришли. Скажи принцу *чтобъ онъ только писалъ какою болѣзнью умерла и не упоминалъ бы о рожденіи принца.*“ *

Изъ вышепомянутой описи дѣловыхъ бумагъ мы знаемъ только что принцъ Антонъ-Ульрихъ прислалъ письмо съ отвѣтомъ на вопросъ Елисаветы. Содержаніе же этого письма намъ неизвѣстно. Спрашивается, какимъ образомъ могъ несчастный вдовецъ назвать болѣзнь умершей супруги не упоминая о рожденіи принца? Правительство всѣми мѣрами старалось скрывать число дѣтей Анны Леопольдовны, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки въ „описи“, по случаю пріѣзда майора Гурьева изъ Холмогоръ въ Петербургъ. „Марта 28го (1746 года) письмо отправленное на встрѣчу лейбъ-гвардіи къ майору Гурьеву отъ барона Черкасова съ объявленіемъ указа *о необъявленіи никому*, по пріѣздѣ въ Петербургъ, о состояніи коммиссіи, а паче *о числѣ дѣтей принцессиныхъ и какого пола*“. **

Скрывая рожденіе Брауншвейгскихъ принцевъ въ Холмогорахъ, правительство однако не имѣло повода скрывать кончину Анны Леопольдовны. Погребеніе принцессы происходило публично и довольно торжественно. Въ „описи“ упоминается о большомъ числѣ дѣловыхъ бумагъ относящихся къ погребенію принцессы. Тутъ мы узнаемъ что было позволено всякому приходить для прощанія къ тѣлу принцессы, что церковныя церемоніи къ погребенію были учинены по примѣру погребенія матери Анны Леопольдовны, Екатерины Мекленбургской, что издержано было на погребеніе денегъ 2.882 руб. 28½ коп., затѣмъ встрѣчаются разныя данныя о „дачахъ духовнымъ персонамъ“, о факелахъ, о бывшихъ при гробѣ

---

* Соловьевъ, XXII, стр. 97.

** *Чтенія* 1861, II. *Смѣсь* стр. 17.

„съ алебардами" оберъ-офицерахъ, о черномъ бархатѣ съ позументомъ на покрышку амвона, о прибавкѣ для народа караула, о столѣ для генералитета и дамъ и пр. *

Императрица сама распоряжалась на счетъ похоронъ принцессы. Погребеніе происходило въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ была погребена и мать Анны Леопольдовны, царевна Екатерина Іоанновна. Есть извѣстіе что императрица Елисавета при этомъ случаѣ плакала. **

Мы не знаемъ ничего о впечатлѣніи произведенномъ кончиною принцессы Анны на публику. По нѣкоторымъ даннымъ однако можно видѣть что старанія правительства скрывать рожденіе Браунгшвейгскихъ принцевъ въ Холмогорахъ оказались тщетными. По крайней мѣрѣ ходили слухи о принцахъ Алексѣѣ и Петрѣ. *** Изъ дѣла Арсенія Мацѣевича, бывшаго митрополита Ростовскаго въ первое время царствованія Екатерины, видно что объ этихъ принцахъ говорили въ народѣ какъ о какой-то государственной тайнѣ, какъ о претендентахъ на русскій престолъ. ****

Еще опаснѣе принцевъ Петра и Алексѣя былъ старшій

---

* *Чтенія* 1861 II. *Смѣсь* стр. 14—17.

** Письма Миниха къ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской въ *Госуд. Архивѣ*, у Соловьева XXII, стр. 97. Разныя частности о погребеніи Анны Леопольдовны см. въ замѣткѣ М. А. Корфа въ *Русской Старинѣ*, I, 410 (2 изд. 595—96).

*** Саксонскій резидентъ Пецольдъ писалъ за границу о рожденіи принца. См. его депешу отъ 26го марта 1746 года, въ сочиненіи Геррманна *Geschichte des russ. Staats*, V, 74. Въ соч. Рюльера *Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en* 1762 сказано: *le bruit courait que dans leur prison ils avaint eu la consolation, ou peut-être la douleur d'avoir plusieurs enfants, concurrents dangereux, puisqu'ils étaient la branche ainée de la maison des Czars.*

**** См. *Чтенія* 1862, III. *Смѣсь*, стр. 167. Арсеній предсказывалъ будущее царствованіе двухъ юношей, царевича Павла Петровича и Петра Антоновича. Онъ при допросѣ показалъ что „о принцовыхъ братьяхъ слышалъ сперва отъ Алексѣевскаго, а потомъ и отъ Іосифа. А Алексѣевскій показалъ что онъ о братьяхъ слышалъ *съ ребячества*, въ Холмогорахъ, на рынкѣ, отъ солдатъ. Да іеромонахъ Іосифъ показалъ „что онъ, будучи въ Холмогорахъ, о братьяхъ слышалъ на рынкѣ отъ солдатъ же и т. д." Изъ этихъ показаній видно что простой народъ бесѣдовалъ на рынкѣ объ арестантахъ, и что такіе толки считались опасными для правительства.

братъ, бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ. Правительство поэтому употребляло разныя средства для того чтобы скрывать тщательнѣйшимъ образомъ отъ публики мѣстопребываніе несчастнаго отрока.

Мы уже видѣли что вѣроятно по случаю отправленія всего семейства изъ Раненбурга въ Холмогоры, Корфъ долженъ былъ отдѣлить совершенно Іоанна отъ родителей. Мы далѣе видѣли что въ то время когда еще предполагали помѣстить арестантовъ въ Соловецкомъ монастырѣ, для принца были назначены особые покои, въ которыхъ онъ, отдѣленный высокою стѣною отъ дома гдѣ содержались его родственники, долженъ былъ находиться подъ строгимъ надзоромъ майора Миллера. Есть основаніе думать что и въ Холмогорахъ принца Іоанна содержали совершенно согласно съ программою составленною для пребыванія развѣнчаннаго императора въ Соловецкомъ монастырѣ. По крайней мѣрѣ изъ вышеупомянутой „описи" дѣловымъ бумагамъ видно что правительство постоянно заботилось о совершенномъ отдѣленіи Іоанна отъ всякаго сообщества съ кѣмъ бы то ни было, такъ что и самъ майоръ Миллеръ долженъ былъ вести съ несчастнымъ мальчикомъ отшельническую жизнь. Чрезвычайно краснорѣчиво нѣкоторые намеки въ перепискѣ Миллера и Выndомскаго съ начальствомъ въ Петербургѣ рисуютъ намъ образъ дѣйствій лицъ слѣдившихъ за Іоанномъ Антоновичемъ.

Когда капитанъ Выndомскій въ качествѣ надзирающаго за Брауншвейгскою фамиліею смѣнилъ Гурьева, ему былъ данъ именной указъ „объ опредѣленіи къ тамошней командѣ майора Миллера и о допущеніи къ нему, Миллеру, жены, *и чтобъ неисходна была*". Баронъ Черкасовъ писалъ Выndомскому „о содержаніи происходящихъ у него дѣлъ въ секретѣ и о неписаніи ни къ кому, кромѣ рапортовъ къ ея императорскому величеству, и чтобы принцъ (Антонъ-Ульрихъ) и другіе (то-есть остальныя дѣти Антона-Ульриха) майора Миллера не видали, а для смотрѣнія къ нимъ ходить ему, Выndомскому, одному". Немногимъ позже, еще до пріѣзда жены Миллера въ Холмогоры, послѣдній обратился къ барону Черкасову „съ требованіемъ резолюціи, когда жена къ нему пріѣдетъ, допускать ли младенца видѣть, понеже жить будутъ въ однихъ покояхъ". Отвѣта барона Черкасова мы не знаемъ.

Въ декабрѣ 1748 года майоръ Миллеръ писалъ къ барону Черкасову о обнаружившейся въ Холмогорахъ сильной оспѣ и кори, и спрашивалъ „ежели нужда потребуетъ, къ обрѣтающемуся при немъ младенцу допускать ли лѣкаря, а при послѣднемъ концѣ для пріобщенія Святыхъ Тайнъ чернаго священника?“ На этотъ разъ мы знаемъ резолюцію „о допущеніи къ обрѣтающемуся при майорѣ Миллерѣ младенцу при кончинѣ его жизни по закону христіанскому чернаго священника“. Мѣсяцемъ позже, а именно въ началѣ января 1749 года, майоръ Миллеръ писалъ къ барону Черкасову, „что имѣющійся при немъ, Миллерѣ, младенецъ, отъ болѣзни корью свободился“. Къ сентябрю того же года относится рапортъ произведеннаго между тѣмъ въ подполковники Миллера „о учиненныхъ человѣкомъ его извѣстному младенцу продерзостяхъ“, на что̀ изъ Петербурга отвѣчали „о свободѣ Миллерова человѣка и о недопущеніи къ извѣстному младенцу“. Къ 1750 году относятся двѣ замѣтки о женѣ Миллера. Лѣтомъ Миллеръ просилъ „объ отпускѣ отъ него жены его для болѣзни въ домъ“, на что̀ получена резолюція „о невыпускѣ Миллеровой жены“. Однако немногимъ позже Миллеръ прислалъ „чертежъ покоямъ въ которыхъ жена его живетъ и что она младенца не видитъ“, и еще разъ просилъ объ „отпускѣ жены его“. Къ этому времени относится ссора между Выпдомскимъ и Миллеромъ, безпрестанно жаловавшимися начальству другъ на друга.

Изъ этихъ намековъ видно что бывшій императоръ, которому въ 1751 году было одиннадцать лѣтъ, проводилъ свое время въ совершенномъ почти уединеніи. Нѣтъ сомнѣнія что его родственники не находились съ нимъ въ сношеніяхъ. Даже можно сомнѣваться въ томъ зналъ ли Антонъ-Ульрихъ вообще что въ немногихъ шагахъ отъ его квартиры „за огородомъ“ содержался безъ всякаго воспитанія или надзора надъ его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ его сынъ.

Въ промежутокъ времени между 1751 и 1756, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о житьѣ-бытьѣ молодаго арестанта. По всей вѣроятности, онъ въ продолженіе всего этого времени спокойно жилъ въ Холмогорскомъ острогѣ. За то мы положительно знаемъ что въ 1756 году его изъ Холмогоръ перевели въ Шлюссельбургъ. Намъ неизвѣстно что̀

могло побудить императрицу Елисавету къ такому распоряженію, однако образъ дѣйствій правительства при этомъ случаѣ даетъ намъ возможность составить себѣ довольно полное понятіе объ опасеніяхъ двора относительно этого претендента. Вѣроятно Елисавета знала что въ публикѣ ходили слухи о пребываніи Іоанна Антоновича въ Холмогорахъ. Она, быть-можетъ, ожидала какой-либо попытки освобожденія изъ этого мѣста бывшаго императора, и поэтому рѣшилась перевести опаснаго арестанта въ другое мѣсто, съ цѣлью еще тщательнѣе скрыть его настоящее мѣстопребываніе. Таковы по крайней-мѣрѣ заключенія которыя можно вывести изъ чрезвычайно любопытнаго документа, недавно публикованнаго г. Соловьевымъ, который разказываетъ слѣдующее: Миллера перевели въ Казань полковникомъ Свіяжскаго полка; въ Холмогорахъ ему нечего было больше дѣлать, потому что въ началѣ 1756 года принца Іоанна перевели въ Шлюссельбургъ. Сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ вывезъ принца изъ Холмогоръ тайно въ глухую ночь, причемъ Вындомскій получилъ указъ: „Оставшихся арестантовъ содержать попрежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, *чтобы не подать вида о вывозѣ арестанта, о чемъ накрѣпко подтвердить командѣ вашей, кто будетъ знать о вывозѣ арестанта чтобы никому не сказывалъ; въ кабинетъ нашъ и по отправленіи арестанта репортовать что онъ подъ вашимъ карауломъ находится, какъ и прежде репортовали*, а за Антономъ-Ульрихомъ и за дѣтьми его смотрѣть наикрѣпчайшимъ образомъ чтобы не учинили утечки.“ *

О дальнѣйшей судьбѣ Іоанна Антоновича мы будемъ говорить ниже. Пока мы намѣрены представить подробный разборъ тѣхъ данныхъ которыя относятся къ дальнѣйшей судьбѣ Антона-Ульриха, принцессъ Екатерины и Елисаветы и принцевъ Петра и Алексѣя.

Мѣры правительства клонившіяся къ сохраненію въ тайнѣ всего что относилось къ Брауншвейгской фамиліи имѣли слѣдствіемъ распространеніе разныхъ ложныхъ слуховъ объ арестантахъ. Такъ, напримѣръ, авторъ сочиненія *Histoire de la vie du règne et du détronement d'Iwan III*, изданнаго въ Лондонѣ въ 1766 году, разказываетъ что Анна Леопольдовна

* Соловьевъ, XXII, стр. 100.

находилась въ живыхъ еще до 1764.* Даже солидный и ученый авторъ сочиненія *Materialien zur russischen Geschichte* Шмидтъ-Физелдекъ (Chmidt-Phiseldek) разказываетъ что принцъ Антонъ-Ульрихъ, послѣ кончины своей супруги Анны, нѣкоторое время находился въ Оренбургѣ. ** Такимъ же образомъ лишено всякаго основанія показаніе Сальдерна въ его сочиненіи *Histoire de la vie de Pierre III*, будто принцъ Антонъ-Ульрихъ умеръ вскорѣ послѣ кончины Анны Леопольдовны. *** О разныхъ слухахъ касательно Іоанна Антоновича мы будемъ говорить ниже.

Несчастный принцъ Антонъ-Ульрихъ не скоро умеръ послѣ кончины Анны Леопольдовны. Онъ прожилъ тридцать лѣтъ въ Холмогорскомъ острогѣ. Бездарный, не привыкшій къ какой-либо дѣятельности, слабый характеромъ, безъ вины сдѣлавшійся арестантомъ, Антонъ-Ульрихъ, какъ кажется, терпѣливо переносилъ свое горе. Одинъ изъ офицеровъ, которымъ былъ порученъ надзоръ надъ Брауншвейгскою фамиліей, писалъ о немъ изъ Холмогоръ: „Принцъ Антонъ-Ульрихъ сложенія толстаго и многокровнаго, и нерѣдко подверженъ разнымъ припадкамъ, особенно страдаетъ грудью, однако не очень сильно и продолжительно; по заявленію лѣкарскому имѣетъ начало цынготной болѣзни; нравомъ кажется тихъ и ведетъ себя смирно.“ ****

Довольно часто принцъ Антонъ-Ульрихъ обращался къ императрицѣ Елисаветѣ съ письмами. По случаю болѣзни Анны Леопольдовны онъ благодарилъ за бабку и кормилицу: по случаю кончины принцессы онъ „препоручилъ себя и дѣтей своихъ въ милость ея величества“. Нѣсколько разъ Антонъ-Ульрихъ писалъ „благодарительныя“ письма за присылку ему гданской водки и венгерскаго вина. По случаю кончины Анны Леопольдовны Елисавета велѣла доставить принцу и его людямъ черное платье. †

---

* До чего впрочемъ доходитъ неточность этого автора видно между прочимъ изъ слѣдующей замѣтки его что Елисавета вступила на престолъ подъ именемъ Екатерины II (!). Стр. 29.

** 380.

*** Стр. 15.

**** Соловьевъ, XXII. Стр. 104.

† *Чтенія* passim.

Содержаніе арестантовъ въ отношеніи пищи, какъ кажется, было довольно хорошее, но деньги высылались не акуратно. Однажды вышелъ кофе, который подавался въ день раза по три принцу Антону и его дѣтямъ. Вындомскій прислалъ къ Миллеру съ сильнымъ выговоромъ что принцъ Антонъ безъ кофе какъ ребенокъ безъ молока жить не можетъ, и потому надобно непремѣнно достать какъ-нибудь. Миллеръ послалъ солдата въ Архангельскъ и велѣлъ просить у тамошнихъ купцовъ кофе въ долгъ; но купцы отказали, говоря что сомнѣваются заплачены ли будутъ деньги и за прежде взятые товары. * Говорится и о другихъ лишеніяхъ, напримѣръ о негодномъ къ употребленію полпивѣ, но при томъ случаѣ мы узнаемъ что для „извѣстныхъ персонъ" назначалось ежедневно по 40 бутылокъ полпива. **

Иногда на просьбы арестантовъ обращалось вниманіе, такъ напримѣръ въ 1748 году они просили „прибавки прислуги изъ женскаго пола", на что̀ и послѣдовало вскорѣ разрѣшеніе изъ Петербурга „о хожденіи за дѣтьми извѣстныхъ персонъ фрейлинѣ Бинѣ и двумъ кормилицамъ" и пр. ***

Юлія Менгденъ, какъ мы видѣли, была разлучена съ Брауншвейгскою фамиліей въ Раненбургѣ; но сестра ея Бина Менгденъ отправилась въ Холмогоры, и донесенія офицеровъ стерожившихъ несчастную фамилію наполнены извѣстіями о буйствахъ Бины, ссорѣ ея съ принцемъ Антономъ и романѣ съ лѣкаремъ Кожевщиковымъ. 8го октября 1749 года она родила мальчика. Донося объ этомъ, Вындомскій рапортовалъ о „говоренныхъ ею (Биною) непристойныхъ рѣчахъ", и присоединилъ въ слышаніи оныхъ рѣчей подписки караульныхъ. Правительство велѣло допросить фрейлину съ кѣмъ она прижила младенца, а вскорѣ послѣ того получены въ Петербургѣ „повинныя фрейлины Менгденовой и лѣкаря Кожевщикова о прижитомъ имъ съ нею младенцѣ", который впрочемъ чрезъ нѣсколько недѣль умеръ. Осенью 1750 года Вындомскій доносилъ „объ учинившейся у принца Антона съ фрейлиною Менгденовою ссорѣ", немногимъ позже „о продерзостяхъ учиненныхъ отъ фрейлины Менгденъ принцу Антону-Ульриху." ****

---

* Соловьевъ. XXII. Стр. 99.

** Тамъ же, стр. 100.

*** *Чтенія* 1861, II. Смѣсь, 24.

**** *Чтенія* 1861, II. Смѣсь, 31.

Послѣ сценъ съ принцемъ Антономъ, брани и даже драки, Бина выхватила однажды изъ-за пояса ключи и ударила ими солдата. Когда Выңдомскій сталъ выговаривать ей за то, то она закричала: „Когда меня принцъ Антонъ давить хотѣлъ, я тебѣ говорила чтобы ты къ государынѣ о томъ писалъ.“ Но государыня взяла сторону принца Антона и указала: „Оную фрейлину, ежели она отъ такихъ продерзостей не уймется, держать въ той палатѣ въ которой нынѣ живетъ безысходно и никуды изъ той палаты не выпускать, такожъ и къ ней въ палату никого не пускать, а ежели иногда для какой болѣзни потребуетъ лѣкаря, то онаго допускать при прапорщикѣ Зыбинѣ, а одного отнюдь не пускать.“ Безысходное заключеніе усилило раздражительность. По письму Выңдомскаго барону Черкасову, несчастная проломала стекло въ окончинахъ и много разъ бросала за окно серебро. Когда пришли вставлять окна, то она сначала заперлась и не пускала; когда же офицеръ Зыбинъ вошелъ силой, то она встрѣтила его ругательствами, называя всѣхъ измѣнниками и колдунами, а потомъ бросилась на Зыбина, ударила его по уху и схватила за волосы, такъ что едва могли отнять. Сношенія фрейлины съ Кожевщиковымъ, кажется, не прекращались. По крайней мѣрѣ принцъ Антонъ-Ульрихъ говорилъ Выңдомскому и Зыбину: „Когда я бываю въ саду, то мнѣ можно узнать ѣдетъ или идетъ мимо архіерейскаго двора лѣкарь Кожевщиковъ, потому что тогда Бина надѣнетъ на себя красное, или на рукахъ держитъ, стоя у окна, чтобъ онъ ее видѣлъ, и когда возвращусь въ покои и спрошу у слугъ, то непремѣнно скажутъ что лѣкарь ѣхалъ или шелъ.“

Въ своей борьбѣ съ Выңдомскимъ Миллеръ рѣшился выставить Бину Менгденъ жертвою клеветы капитана Выңдомскаго и принца Антона: „Дерзаю донести“, писалъ Миллеръ Черкасову, „что Бина по его клеветамъ, маю что съ согласія учиненнымъ, теперь цѣлые два съ половиною года уже содержится безчеловѣчно; ибо, выключая то что одна въ такой большой и пустой палатѣ заперта, и кромѣ кушанья, которое, какъ собакѣ, въ дверь подаютъ, и рубашки во всѣ два съ половиною года мыть не сносятъ, пьяные солдаты и сержанты, тамъ живущіе, въ угодность капитану и прочимъ, всячески обижаютъ“. Въ отчаяніи Бина ударила однажды ножомъ въ високъ солдата и заушила женщину, говоря: „Я на то пошла

чтобы кого-нибудь уходить ножомъ или вилками; скорѣе получу резолюцію, которой третій годъ нѣтъ". * О дальнѣйшей судьбѣ несчастной Бины мы ничего не знаемъ. Въ „описи" очень часто говорится „о продерзостяхъ фрейлины Менгденовой", но дѣла въ „описи" доходятъ только до 1753 года. Едва ли ея участь улучшилась послѣ удаленія изъ Холмогоръ ея защитника Миллера.

О характерѣ офицеровъ сторожившихъ Брауншвейгскую фамилію мы почти ничего не знаемъ. Упорная и продолжительная распря между Миллеромъ и Выидомскимъ, грубость пьяныхъ солдатъ, обижавшихъ фрейлину „чтобъ угодить капитану", вѣчныя непріятности между лицами окружавшими арестантовъ, поступки нѣкоторыхъ изъ служащихъ, о которыхъ упоминается въ „описи", все это даетъ намъ весьма неотрадное понятіе о жалкой обстановкѣ въ которой выросли и воспитывались бѣдныя дѣти Анны Леопольдовны. Брань и руготня, драки, доносы и поклепы офицеровъ, солдатъ, прислуги—вотъ главныя впечатлѣнія во время дѣтства принцессъ Екатерины и Елисаветы и принцевъ Петра и Алексѣя. Изъ „описи" видно что одна изъ вышеломянутыхъ кормилицъ имѣла связь съ однимъ изъ офицеровъ, Писаревымъ, упоминается о нѣсколькихъ незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. ** У самого принца Антона-Ульриха въ Холмогорахъ было нѣсколько незаконнорожденныхъ дѣтей, мать которыхъ неизвѣстна. *** Условія для воспитанія дѣтей Анны Леопольдовны были самыя неблагопріятныя.

Въ разныхъ сочиненіяхъ разказано будто принцъ Антонъ-Ульрихъ выучилъ своего сына Іоанна грамотѣ. Мы видѣли однако что несчастнаго мальчика отняли у родителей въ то время когда ему было не болѣе пяти лѣтъ, и что послѣ того онъ жилъ въ полнѣйшемъ уединеніи подъ надзоромъ Миллера. Антонъ-Ульрихъ поэтому не могъ быть наставникомъ сына. Въ манифестѣ о кончинѣ Іоанна, Екатерина въ 1764 году сожалѣла о томъ что Іоаннъ Антоновичъ „не могъ чтеніемъ

---

* Соловьевъ XXII, стр. 98—100.

** См. *Чтенія* 1861. II. Смѣсь стр. 28.

*** См. статью о Брауншвейгской фамиліи въ Бюшинга *Magazin*, т. XXII, стр. 423.

книгъ жизнь свою пребавлять". Что же касается до первоначальнаго обученія остальныхъ дѣтей, то мы въ официальной перепискѣ правительства съ офицерами въ Холмогорскомъ острогѣ встрѣчаемъ роковое предписаніе, относящееся къ 1750 году, „о необученіи дѣтей извѣстной персоны грамотѣ до указу". *

И въ физическомъ отношеніи несчастныя дѣти являются оставленными въ небреженіи, болѣзненными, калѣками. На этотъ счетъ любопытно донесеніе Зыбина, который пишетъ: „Дѣти Антона-Ульриха: дочери большая Екатерина сложенія больнаго и почти чахотнаго, притомъ нѣсколько глуха, ** говоритъ нѣмо и невнятно и одержима всегда разными болѣзненными припадками, нрава очень тихаго. Другая его дочь, Елисавета, которая родилась въ Дюнамюнде, росту для женщины не малаго и сложенія нынѣ становится плотнаго, нрава нѣсколько горячаго, подвержена разнымъ и нерѣдкимъ болѣзненнымъ припадкамъ, особенно не одинъ уже годъ впадаетъ въ меланхолію, и не мало времени ею страдаетъ. Сыновья—старшій, Петръ, родился въ Холмогорахъ въ 1745 году, сложенія больнаго и чахотнаго, нѣсколько кривоплечъ и кривоногъ. Меньшой сынъ Алексѣй родился въ Холмогорахъ въ 1746 году, сложенія плотноватаго и здороваго, и хотя имѣетъ припадки, но еще дѣтскіе. Живутъ всѣ они сначала и до сихъ поръ въ однихъ покояхъ безысходно, нѣтъ между ними сѣней, но изъ покоя въ покой только одни двери, покои старинные, малые и тѣсные. Сыновья Антона-Ульриха и спятъ съ нимъ въ одномъ покоѣ. Когда мы приходимъ къ нимъ для надзиранія, то называемъ ихъ, по обычаю прежнихъ командировъ, принцами и принцессами." ***

Еще другое описаніе арестантовъ, составленное архангельскимъ генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ, относится къ 1780 году. Тутъ сказано:

---

* *Чтенія* 1861, II. Смѣсь 30.

** Архимандритъ Іосифъ, жившій въ послѣдствіи вмѣстѣ съ принцессою Екатериною въ Горсензѣ въ Даніи, разказывалъ что она лишилась слуха въ тотъ самый день какъ братъ ея, Іоаннъ III, лишился престола: ее тогда уронили. Въ письмѣ къ императору Александру I, приведенномъ ниже, принцесса Екатерина пишетъ что она совсѣмъ потеряла слухъ на восьмомъ году отъ роду. *Русская Старина* 1873, стр. 69.

*** Соловьевъ, XXII, стр. 104.

„Старшая сестра, Екатерина, имѣетъ отъ роду 38 лѣтъ; сухощава и небольшаго росту, бѣлокура и похожа на отца. Въ молодыхъ лѣтахъ потеряла слухъ и такъ косноязычна что словъ ея нельзя почти разумѣть. Братья и сестра объясняются съ нею знаками. При всемъ томъ, имѣетъ столько понятія что когда братья и сестра, не дѣлая никакихъ знаковъ, говорятъ ей что-нибудь шепотомъ, она понимаетъ ихъ по одному движенію губъ и отвѣчаетъ имъ сама, иногда тихо, иногда довольно громко, такъ что и непривыкшій къ такому разговору можетъ разумѣть ее. Изъ обхожденія ея видно что она робка, уклонна, вѣжлива и стыдлива; нрава тихаго и веселаго; увидя что другіе въ разговорахъ смѣются, хотя и не знаетъ тому причины, смѣется вмѣстѣ съ ними. Впрочемъ она сложенія здороваго; только отъ цынготной болѣзни почернѣли у нея зубы и нѣсколько ихъ уже выкрошилось.

„Меньшой сестрѣ Елисаветѣ 36 лѣтъ. Отъ паденія съ каменной лѣстницы, съ самой верхней ступени до низу, на 10 году возраста, она разшибла голову, отъ чего часто подвержена головной боли, а особливо въ перемѣнныя погоды и ненастье. Для предупрежденія боли сдѣланъ ей на правой рукѣ фонтанель. Она подвержена также частымъ припадкамъ по слабости желудка. Ростомъ и лицомъ похожа на мать. Словоохотливостію, обхожденіемъ и разумомъ Елисавета далеко превосходитъ братьевъ своихъ и сестру. Всѣ они ей повинуются и исполняютъ все что̀ она ни прикажетъ; она большею частію за всѣхъ ихъ говоритъ, за всѣхъ отвѣчаетъ и поправляетъ иногда ошибки въ ихъ словахъ. Въ 1777 году, отъ приключившейся ей горячки и другихъ женскихъ немощей, она была нѣсколько мѣсяцевъ въ помѣшательствѣ; но послѣ оправилась и теперь въ совершенномъ умѣ. Нельзя однако же сказать чтобы Елисавета имѣла въ себѣ что-нибудь чрезвычайное. Выговоръ ея, какъ и братьевъ, соотвѣтствуетъ нарѣчію того мѣста гдѣ они родились и выросли.

„Большой братъ Петръ 35 лѣтъ. Поврежденный въ дѣтствѣ, онъ имѣетъ спереди и сзади небольшіе и съ перваго взгляда почти непримѣтные горбы. Правый бокъ у него нѣсколько кривъ. Онъ очень простъ, робокъ, застѣнчивъ и молчаливъ. Всѣ пріемы его, такъ какъ и меньшаго брата, приличны только малымъ дѣтямъ. Нрава онъ слишкомъ веселаго: смѣется и хохочетъ когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Временемъ бываютъ у него геморроидальные припадки; впрочемъ онъ сложенія здороваго; но боится даже до обмороку когда заговорятъ о крови. Такую сильную боязнь приписываетъ онъ тому что мать его, бывши имъ беременна, чрезвычайно испугалась отъ порѣза своего пальца и теченія крови. *

* О Петрѣ говорилъ архимандритъ Іосифъ что онъ былъ крѣпкаго и здороваго сложенія, небольшаго роста, имѣлъ важный видъ, который соединялъ, однакожь, съ чрезвычайною робостью.

„Меньшой братъ Алексѣй 34 лѣтъ. Съ такою же простотой, какъ и старшій его братъ, онъ кажется однакоже нѣсколько связнѣе, смѣлѣе и осторожнѣе его. Сложеніе имѣетъ здоровое и нравъ довольно веселый. Оба брата росту небольшаго, бѣлокуры и лицомъ похожи на отца.

„Какъ братья, такъ и сестры, живутъ между собою дружелюбно и притомъ незлобивы и человѣколюбивы. Лѣтомъ работаютъ въ саду, ходятъ за курами и утками и кормятъ ихъ, а зимою бѣгаются въ запуски на лошадяхъ по пруду, находящемуся въ саду ихъ, читаютъ церковныя книги и играютъ въ карты и шашки. Дѣвицы сверхъ того занимаются иногда шитьемъ бѣлья. Въ томъ состоятъ всѣ ихъ упражненія.“ *

Заключенные, какъ мы видѣли, пользовались титулами принцевъ и принцессъ. Они имѣли довольно многочисленную прислугу. Такъ напримѣръ въ документахъ упоминается о помощникѣ мундшенка и тафельдекера. Однажды Вындомскій обратился къ барону Черкасову съ рапортомъ „о сдѣланіи придворнымъ служителямъ ливреи“, но получилъ изъ Кабинета отвѣтъ „о сдѣланіи придворнымъ служителямъ, вмѣсто ливрей, платья изъ другаго цвѣта“. По временамъ отпускалось на содержаніе „коммиссіи“ въ Холмогорахъ изъ солянаго сбора въ Архангельскѣ по нѣскольку тысячъ рублей, сначала по 5.000, затѣмъ по 6.000. **

Пребываніе въ Холмогорахъ и тѣсное заключеніе впрочемъ собственно для одного принца Антона-Ульриха должны были казаться особеннымъ несчастіемъ. Онъ въ молодости испыталъ роскошь и всю прелесть жизни въ высшихъ кругахъ общества, онъ имѣлъ точное понятіе о свободѣ. Дѣти же его не знали ничего о томъ каково живется на свѣтѣ при иныхъ условіяхъ, не имѣли понятія ни о людяхъ, ни о предметахъ находившихся внѣ забора Холмогорскаго острога. Выросшія въ заключеніи, воспитанныя въ весьма ограниченномъ кругу понятій и впечатлѣній, они и въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, не имѣли возможности цѣнить свободу надлежащимъ образомъ. Старшей принцессѣ Екатеринѣ въ послѣдствіи жизнь въ Даніи казалась адомъ, о Холмогорахъ она вспоминала какъ о раѣ.

---

* См. монографію Полѣнова „Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ датскія владѣнія“, въ *Трудахъ Имп. Академіи Наукъ*, 1840. I, стр. 113—116.

** *Чтенія* 1861, II. Смѣсь.

Впрочемъ, какъ мы видѣли, заключенные имѣли садъ; въ саду былъ прудъ съ лодкою. Прудъ былъ окруженъ аллеей, въ которой находился сарай, а въ сараѣ стояла старинная карета, въ которой арестанты катались иногда по аллеѣ шестернею, причемъ солдаты исправляли должность кучеровъ, форрейтеровъ и лакеевъ. Затѣмъ еще упоминается о другомъ развлеченіи, объ игрѣ въ карты. Объ ограниченіи чтеніемъ лишь церковныхъ книгъ говорится и въ монографіи о Брауншвейгцахъ помѣщенной въ сборникѣ Бюшинга. *

Обо всемъ происходившемъ въ Холмогорскомъ острогѣ писали въ Петербургъ. Такъ напримѣръ доносили о покупкѣ сукна на платье принцу Антону-Ульриху, о разныхъ постройкахъ, объ исправленіи кровли и печей, о битьѣ фрейлиной „Менгденовою" бабы Ульяны Ивановой, о томъ что кто-то укралъ пудъ солонины и пр. и пр.

За то по возможности правительство старалось препятствовать распространенію слуховъ въ публикѣ о томъ что̀ происходило въ Холмогорахъ, и о лицахъ тамъ заключенныхъ. Когда однажды одинъ „копеистъ", Орловъ, оставилъ службу въ Холмогорахъ, съ него взяли подписку „о содержаніи гдѣ онъ находился въ секретѣ". То же самое происходило и съ подпоручикомъ Писаревымъ, отправленнымъ изъ Холмогорскаго острога въ Сибирь: съ него взяли „подписку подъ смертною казнію, о неразговариваніи ни съ кѣмъ про коммиссію при которой онъ находился". ** Объ этой коммиссіи говорится въ грамотахъ какъ о секретной. Между документами встрѣчается „чертежъ архіерейскому дому гдѣ находится секретная коммиссія". ***

Едва ли можно было ожидать перемѣны въ судьбѣ Брауншвейгской фамиліи пока царствовала императрица Елисавета, считавшая несчастныхъ ссыльныхъ опасными претендентами. За то перемѣна на престолѣ въ такихъ случаяхъ весьма часто имѣла слѣдствіемъ смягченіе участи ссыльныхъ. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, дѣтямъ князя Меншикова было дозволено возвратиться изъ Сибири; мало того:

---

* XXII 418 и 419. Тамъ же сказано: „Sein Hausgeräth war ganz altmodisch und abgenutzet, und hatte den Geruch des hölzernen Geräth's in einem Gefängniss".

** *Чтенія* 1861, II. Смѣсь.

*** *Чтенія* 1861, II. Смѣсь, стр. 36.

они явились при дворѣ и получили мѣста и подарки. При вступленіи на престолъ Елисаветы, дѣтямъ казненнаго при Аннѣ Іоанновнѣ Волынскаго возвратили значительную часть конфискованнаго имѣнія отца, а Биронъ, сосланный при Аннѣ Леопольдовнѣ въ Сибирь, могъ поселиться въ Ярославлѣ. При вступленіи на престолъ Петра III, знаменитый Минихъ, проживъ болѣе двадцати лѣтъ въ Сибири, возвратился ко двору, гдѣ опять занялъ довольно видное мѣсто.

Кончина императрицы Елисаветы и вступленіе на престолъ императора Петра III не измѣнили положенія въ которомъ находилась Брауншвейгская фамилія. Мы знаемъ только о намѣреніи Петра III дать нѣсколько болѣе свободы заключенному въ Шлюссельбургской крѣпости Іоанну Антоновичу, намъ однако ничего неизвѣстно о какихъ-либо намѣреніяхъ императора освободить Антона-Ульриха и дѣтей его изъ Холмогорскаго острога.

Немногимъ позже вступила на престолъ Екатерина. Изъ донесенія одного изъ иностранныхъ дипломатовъ находившихся тогда въ Петербургѣ, мы узнаемъ что вопросъ объ устройствѣ судьбы Брауншвейгской фамиліи занималъ тогда Екатерину и высшихъ сановниковъ. Герцогъ Бокингамскій писалъ что вскорѣ послѣ переворота, лѣтомъ 1762 года, нѣкоторые изъ разумнѣйшихъ совѣтниковъ Екатерины старались уговорить императрицу отпустить Брауншвейгскую фамилію за границу, но что это предложеніе было отвергнуто большинствомъ сановниковъ *. Такимъ образомъ, пока все оставалось попрежнему. Въ слѣдующемъ году возникла мысль отпустить за границу одного принца Антона-Ульриха, оставляя въ заключеніи дѣтей его. Императрица отправила въ Холмогоры извѣстнаго А. И. Бибикова, чрезъ котораго она хотѣла узнать болѣе подробно о житьѣ-бытьѣ ссыльнаго семейства, о нравахъ и способностяхъ дѣтей Анны Леопольдовны. Бибиковъ далѣе долженъ былъ сдѣлать предложеніе принцу Антону-Ульриху отправиться за границу. Принцъ не принялъ этого предложенія, объявивъ что онъ не желаетъ свободы если дѣти его останутся въ острогѣ. Раска-

* „Cette mesure avait été approuvé et fortement recommandée par les plus raisonnables des conseillers de l'impératrice, mais elle fut repoussée par la majorité.“ Нарочно сказано что это случилось „à son avènement au trône“. См. *La cour de Russie il y a cent ans.* Leipzig 1860, стр. 238.

зываютъ что откровенное донесеніе Бибикова о разумѣ и дарованіяхъ одной изъ принцессъ * заслужило ему холодный пріемъ отъ императрицы, и что онъ вслѣдствіе этого долженъ былъ на нѣкоторое время удалиться въ деревню въ Рязанской губерніи.

Годомъ позже случилась шлюссельбургская катастрофа. Узналъ ли отецъ его объ этомъ событіи или нѣтъ, мы не знаемъ. Очень вѣроятно что Антонъ-Ульрихъ, совершенно отрѣзанный отъ всего свѣта, никогда не узналъ о страшной судьбѣ сына. Любопытно однако то обстоятельство что по случаю смерти Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ, ходили слухи о гоненіяхъ которыми будто бы подверглись родственники Іоанна „находившіеся въ Сибири (?)", толковали кое-что о происходившихъ будто бы тамъ наказаніяхъ и казняхъ, при которыхъ де даже не щадили ни женъ, ни дѣтей нѣкоторыхъ знатныхъ дворянскихъ фамилій. **

На дѣлѣ, Екатерина не только не преслѣдовала Браунпгвейгской фамиліи послѣ кончины Іоанна Антоновича, но даже именно при этомъ случаѣ опять-таки серіозно думала о дарованіи ссыльнымъ свободы. Бокингамъ тогда писалъ слѣдующее: „Нѣкоторыя особы хотятъ предложить императрицѣ освободить членовъ Брауншвейгской фамиліи и назначить кого-нибудь изъ этой фамиліи своимъ преемникомъ, буде Павелъ умретъ." Нѣсколькими днями позже англійскій

---

* См. Бантышъ-Каменскаго, *Словарь достопамятныхъ людей*, I, 174. Тутъ сказано что Бибиковъ хвалилъ способности старшей дочери, Екатерины. Очевидно это ошибка. Изъ сообщенной выше характеристики принцессъ видно что Елисавета была гораздо способнѣе сестры.

** Въ сочиненіи *Histoire d'Iwan III* сказано на стр. 68; „Il est probable que cet infortuné père n'a pas survécu de longtems son malheureux et trés infortuné fils, et surtout si l'on doit ajouter foi à ce qui s'en est répandu à cette occasion en Russie même, d'où on nous a marqué immediatement aprés la mort du Prince Iwan, que l'Impératrice de Russie avait incontinent dépêché un courier en Sibérie relativement aux circonstances de cette mort, et que ce courier était chargé de dépêches importantes concernant la malheureuse famille de cet infortuné Prince, et nous apprimes quelques temps aprés que l'on avait fait dans le Nord des éxécutions senglantes parmi quelques grandes familles dont les femmes et les enfants n'avaient pas même été exceptés."

посланникъ прибавилъ: „Разказываютъ уже что пока удовольствуются освобожденіемъ заточеннаго семейства, отпускомъ его изъ Россіи и опредѣленіемъ пожизненнаго пенсіона.“ *

Дѣло въ томъ что всѣ эти предположенія въ пользу Брауншвейгской фамиліи пока не должны были осуществиться. Несчастный принцъ Антонъ-Ульрихъ еще цѣлыя десять лѣтъ послѣ кончины Іоанна Антоновича оставался въ Холмогорскомъ острогѣ. Онъ не дождался свободы которой испрашивалъ со слезами; наконецъ онъ ослѣпъ и умеръ 4го мая 1774 года. **

Дѣти его послѣ этого еще шесть лѣтъ оставались въ Холмогорскомъ острогѣ. Въ одномъ современномъ разказѣ встрѣчаются нѣкоторыя данныя о послѣднихъ годахъ проведенныхъ дѣтьми Анны Леопольдовны въ Холмогорахъ. Въ Холмогорскомъ острогѣ были двѣ команды солдатъ которыя не имѣли ни малѣйшихъ сношеній между собою, потому что одна изъ этихъ командъ, подъ начальствомъ поручика Карикина, находилась въ томъ самомъ домѣ гдѣ жили арестанты. Эта команда не была смѣнена въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ до отъѣзда принцевъ и принцессъ въ Данію. Кромѣ архангельскаго губернатора никто не могъ посѣщать „извѣстныхъ персонъ“. Онъ пріѣзжалъ иногда по случаю большихъ праздниковъ. Архангельскимъ губернаторомъ въ продолженіе царствованія Екатерины до 1779 года, семнадцать лѣтъ сряду, былъ Головцынъ, который, имѣя надзоръ за Брауншвейгскою фамиліей,

* *La cour de Russie*, стр. 238.

** Это число показано въ монографіи Полѣнова, очевидно составленной по дѣловымъ бумагамъ. Въ другихъ сочиненіяхъ время его кончины показано различно. Кастейра разказываетъ что Антонъ-Ульрихъ умеръ въ 1871 году; въ статьѣ у Бюшинга, XXII, стр. 418, показанъ 1776 годъ. Неизвѣстно откуда Германнъ заимствовалъ свою замѣтку что Антонъ-Ульрихъ былъ „dem Trunk ergeben“; см. его „*Gesch. d. russ Staats*“, V, 654. Тѣло Антона-Ульриха было вынесено въ ночь съ 5го на 6е число и „тихо похоронено на ближайшемъ кладбищѣ подлѣ церкви, внутри ограды дома гдѣ арестанты содержались“, въ присутствіи однихъ только „находившихся вверху для караула воинскихъ чиновъ“, со строжайшимъ имъ запрещеніемъ разказывать кому бы то ни было о мѣстѣ погребенія. Послѣднее совершилось безъ церковнаго обряда, ибо въ Холмогорахъ не было лютеранскаго пастора. *Русская Старина* 1, 410 (2е изд., 597).

въ отношеніи къ ихъ нуждамъ и потребностямъ, исполнялъ свои обязанности весьма недобросовѣстно. Помѣщенія въ которыхъ содержались арестанты, садъ и все то что̀ могло содѣйствовать смягченію горькой доли несчастныхъ, было запущено, портилось. Головцынъ, употребляя суммы назначенныя для содержанія арестантовъ совершенно по своему усмотрѣнію и подвергая Браунгшвейскую фамилію по своему произволу разнымъ лишеніямъ, никогда не представлялъ отчетовъ объ употребленіи ввѣренныхъ ему денегъ. Когда наконецъ, по случаю смѣны Головцына, при назначеніи на его мѣсто Мельгунова, онъ долженъ былъ передать всѣ дѣла, счеты и пр., случилось что домъ въ которомъ жилъ Головцынъ и его канцелярія сгорѣли и такимъ образомъ сгорѣли и всѣ бумаги относящіяся къ Брауншвейгской фамиліи. *

Эти обстоятельства, кажется, нѣкоторымъ образомъ подтверждаютъ упрекъ сдѣланный однимъ иностраннымъ дипломатомъ Екатеринѣ что она забыла дѣтей Анны Леопольдовны. ** Съ другой стороны, мы знаемъ изъ другихъ источниковъ что Екатерина заботилась о холмогорскихъ узникахъ, что для ихъ содержанія, для исправленія ихъ квартиры и пр. было назначено отъ десяти до пятнадцати тысячъ рублей ежегодно, и что довольно часто изъ императрицынаго гардероба въ Холмогоры были отправляемы платья и другіе предметы для принцессъ Екатерины и Елисаветы. *** Г. Полѣновъ даже говоритъ „о смягченіи суровости ихъ содержанія“ при Екатеринѣ, но въ чемъ заключалось это „смягченіе“ мы не знаемъ. О томъ какъ содержались арестанты при Екатеринѣ мы узнаемъ кое-что изъ разговора новаго архангельскаго губернатора съ принцессою Елисаветою не задолго до отправленія всего семейства за границу.

Замѣтивъ что Елисавета умнѣе своихъ братьевъ, Мельгуновъ обратилъ на нее болѣе вниманія и чаще входилъ съ нею въ разговоры. Между прочимъ она говорила Мельгунову что сперва самъ покойный ея отецъ, а когда онъ лишился зрѣнія,

---

* Въ *Магазинѣ* Бюшинга только сказано: „In diesem Verfahren hat der Statthalter viele ihm ähnliche Vorgänger und Zeitgenossen gehabt, und dass es ihm an Nachfolgern fehlen werde, ist nicht wahrscheinlich.“ (Т. XX, стр. 418 и 419.

** *La cour de Russie*, 239.

*** *Труды Имп. Акад. Наукъ*, 1840. I, стр. 109.

то она утруждали государыню просьбами которыя и теперь повторили бы, но не осмѣливаются и боятся не прогнѣвили ли они своими просьбами ея величество. На вопросъ Мельгунова, въ чемъ состоятъ ихъ просьбы? Елисавета отвѣчала: „Отецъ и мы, когда были еще очень молоды, просили дать намъ вольность; когда же отецъ нашъ ослѣпъ, а мы вышли изъ молодыхъ лѣтъ, то испрашивали позволенія проѣзжаться; но ни на что не получили отвѣта.“ Мельгуновъ, увѣривъ Елисавету что она напрасно думаетъ будто императрица на нихъ прогнѣвалась, спросилъ ее: „Куда же отецъ вашъ намѣренъ былъ съ вами ѣхать?“ Елисавета сказала: „Отецъ нашъ намѣренъ былъ ѣхать въ свою землю. Тогда для насъ было очень желательно жить въ большомъ свѣтѣ. По молодости своей мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію. Но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать какъ только того чтобы жить здѣсь въ уединеніи. Здѣсь, по милости государыни, нашей воскресительницы, мы всѣмъ довольны. Разсудите сами, можемъ ли мы пожелать чего-нибудь, кромѣ этого. Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостенъ; мы даже не знаемъ какъ обходиться съ людьми, а научиться тому уже поздно. Но просимъ васъ,—продолжала она со слезами и поклонами,—исходатайствовать намъ у ея величества милость чтобы позволено намъ было выѣзжать изъ дома на луга для прогулки; мы слыхали что тамъ есть цвѣты какихъ въ нашемъ саду нѣтъ. Подполковникъ и офицеры которые теперь при насъ имѣютъ женъ; мы просимъ позволить имъ ходить къ намъ, а намъ къ нимъ, для препровожденія времени, а то иногда намъ однимъ бываетъ скучно. Просимъ еще дать намъ такого портнаго который могъ бы на насъ шить платье. По милости государыни присылаютъ къ намъ изъ Петербурга корсеты, чепчики и токи; но мы ихъ не употребляемъ, для того что ни мы, ни дѣвки наши не знаемъ какъ ихъ надѣвать и носить. Сдѣлайте милость, пришлите такого человѣка который умѣлъ бы наряжать насъ. Баня въ саду стоитъ близко къ нашимъ деревяннымъ покоямъ; мы боимся чтобы насъ не сожгли, прикажите отнести ее подалѣе.“ Наконецъ Елисавета просила со слезами о прибавкѣ жалованья находящимся при нихъ служителямъ и служительницамъ, кормилицынымъ дѣтямъ, и о дозволеніи имъ имѣть свободный

выходъ изъ дома, такъ какъ и другимъ тутъ же служащимъ дозволено. Къ этому она прибавила: „Если вы исходатайствуете намъ все это, то мы будемъ очень довольны, ни о чемъ болѣе утруждать не станемъ, ничего больше не желаемъ, и рады остаться въ такомъ положеніи на-вѣкъ.“ *

Изъ этихъ просьбъ мы можемъ вывести заключеніе что кругъ желаній мало развитыхъ ссыльныхъ, оставшихся такъ-сказать дѣтьми, былъ чрезвычайно ограниченъ. А далѣе изъ этихъ просьбъ видно что даже не было сообщенія между принцессами и принцами, съ одной стороны, и семействами сторожившихъ ихъ офицеровъ, съ другой. Несчастные до того были отрѣзаны отъ прочаго міра что даже ихъ прислугѣ не было дозволено выходить изъ дома.

Члены Брауншвейгской фамиліи не знали что въ то время когда Мельгуновъ посѣтилъ ихъ въ Холмогорахъ въ первый разъ, Екатерина уже рѣшила вопросъ объ отправленіи ихъ за границу.

Въ продолженіе своего царствованія, послѣ необыкновенныхъ успѣховъ въ области внѣшней политики, послѣ удачнаго окончанія борьбы съ Пугачевымъ, Екатерина удостовѣрилась что освобожденіе дѣтей Антона-Ульриха не могло имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Престолъ Екатерины оказался прочнымъ. Претенденты-Брауншвейгцы не могли быть опасными.

Однако не совсѣмъ легко сказать откуда впервые явилась мысль объ отправленіи ссыльныхъ за границу. Въ монографіи Полѣнова говорится что императрица сама вознамѣрилась отправить ихъ въ Датскія владѣнія и поручить ихъ покровительству родной сестры Антона-Ульриха, вдовствующей королевы датской, Юліаны-Маріи; въ другихъ сочиненіяхъ, напротивъ, утверждается что не Екатерина имѣла иниціативу въ этомъ дѣлѣ, а заграничные родственники несчастнаго семейства. Невозможно думать чтобы дворы Вѣнскій, Берлинскій, Датскій, Брауншвейгскій, въ продолженіе тридцатишестилѣтняго заключенія принцессъ и принцевъ въ Холмогорскомъ острогѣ, ничего не предпринимали для освобожденія ихъ. Въ дипломатической корреспонденціи между этими кабинетами и Русскимъ дворомъ быть-можетъ заключаются нѣкоторыя сюда относящіяся данныя. Все это однако пока хранится въ

* *Труды Академіи*, стр. 117 и 118.

архивахъ. Мы знаемъ только о перепискѣ Екатерины съ Юліаною-Маріей въ 1780 году. Во всякомъ случаѣ быстрое развитіе значенія Россіи не допускало особенно энергичнаго давленія на русское правительство со стороны иностранныхъ кабинетовъ.

Сальдернъ въ своемъ сочиненіи о Петрѣ III говоритъ что дѣти Анны Леопольдовны получили свободу вслѣдствіе ходатайства ихъ дяди Фердинанда Брауншвейгскаго, который вмѣстѣ съ Датскою королевой убѣдилъ Екатерину отправить арестантовъ за границу. * Въ біографіи Анны Леопольдовны, составленной Яковлевымъ, говорится о ходатайствѣ кабинетовъ Берлинскаго, Копенгагенскаго и Брауншвейгскаго. ** Также и архимандритъ Іосифъ, жившій съ принцемъ Петромъ и съ принцессою Екатериною въ Даніи, говорилъ о ходатайствѣ Юліаны-Маріи. *** За то и въ статьѣ г. Полѣнова и въ монографіи о Брауншвейгской фамиліи помѣщенной въ сборникѣ Бюшинга, положительно сказано что Екатерина сама впервые возымѣла мысль объ освобожденіи дѣтей Антона-Ульриха. ****

Екатерина, какъ разказывается въ послѣднихъ двухъ источникахъ, начала съ Юліаною-Маріей непосредственную переписку. Первое собственноручное о томъ письмо государыни было послано 18го марта 1780 года. Екатерина предлагала королевѣ поселить Браушвейгскую фамилію въ Норвегіи. Съ чувствомъ признательности и съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія, королева приняла предложеніе императрицы и отвѣчала ей что и король, ея сынъ, совершенно согласенъ на всѣ предположенія императрицы. Король самъ писалъ къ Екатеринѣ, увѣряя ее въ готовности своей исполнить всѣ ея желанія. Но въ послѣдствіи королева увѣдомила императрицу что въ Норвегіи нѣтъ ни одного мѣста которое не имѣло бы порта и не было бы при морѣ. Поэтому рѣшили перевезти Брауншвейгскую фамилію въ Ютландію, въ мѣсто нѣсколько отдаленное и отъ моря и отъ большихъ дорогъ, а именно въ городъ Горзенсъ, гдѣ король для Брауншвейгской фамиліи купилъ два дома.

---

* Стр. 15.

** Стр. 39.

*** *Русская Старина*, 1873, стр. 69.

**** *Busching Magazin*, XVII, стр. 430.

Изъ этой переписки видно что Екатерина изъявила желаніе чтобъ и за границею былъ нѣкоторый надзоръ надъ родственниками бывшаго императора Іоанна Антоновича. Они не должны были находиться въ городѣ приморскомъ, посѣщаемомъ кораблями разныхъ народовъ. Горзенсъ, впрочемъ, также былъ приморскій городъ, находившійся однако позади Горзенскаго залива и не отличавшійся оживленною торговлей. Тамъ Брауншвейгская фамилія должна была жить, безъ сомнѣнія, не имѣя права оставлять это мѣсто. Имъ не было предоставлено права выбирать себѣ мѣсто жительства; они и въ Даніи должны были оставаться ссыльными.

Еще другое обстоятельство доказываетъ что императрица не считала вполнѣ безопаснымъ это предпріятіе. Всѣ приготовленія къ отправленію Брауншвейгской фамиліи за границу происходили въ совершенной тайнѣ, въ которую были посвящены весьма не многія лица. Въ Петербургѣ объ этомъ дѣлѣ знали только Мельгуновъ и Безбородко. Сохранилось извѣстіе что остальные министры, удивлявшіеся частымъ и продолжительнымъ бесѣдамъ Екатерины съ Мельгуновымъ, старались вникнуть въ тайну этихъ бесѣдъ, но что всѣ эти старанія остались тщетными. *

Мельгунову было велѣно ѣхать изъ Петербурга прямо къ городу Архангельску, подъ видомъ ближайшаго осмотра ввѣреннаго ему края. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему узнать лично принцевъ и принцессъ, стараться купить или построить вновь хорошее рѣчное судно, подъ предлогомъ собственной его въ немъ надобности для плаванія по рѣкамъ Архангельской губерніи; послѣ того купить надежный купеческій корабль; если же хорошаго не отыщется, приказано построить въ скорости на Онегѣ трехмачтовое купеческое судно, будто для опытовъ препорученныхъ ему императрицей въ сѣверныхъ моряхъ, и пріискать старыхъ и заслуженныхъ матросовъ съ искуснымъ морскимъ офицеромъ.

Мельгуновъ чрезъ Архангельскъ, гдѣ онъ отъ Головцына получилъ кое-какія свѣдѣнія о Брауншвейгской фамиліи, отправился въ Холмогоры.

При входѣ Мельгунова въ домъ гдѣ жили принцы и принцессы, всѣ они встрѣтили его въ передней съ примѣтною робостью, кланялись ему почти въ ноги и просили его о

---

* *Bushing*, XXII, 420.

неоставленіи ихъ. Мельгуновъ, стараясь ихъ ободрить, сказалъ что онъ по высочайшей волѣ императрицы поставленъ начальникомъ Архангельской губерніи, и обязанный знать о всемъ въ тамошней сторонѣ, разсудилъ и ихъ посѣтить. Къ тому онъ прибавилъ что сколько ему извѣстно, государыня имѣетъ объ нихъ попеченіе. При этихъ словахъ всѣ они пали на землю, и обѣ сестры проливали слезы. Меньшая сказала что съ самаго начала царствованія Екатерины, они воскресли милостію ея величества, а до того времени очень во всемъ нуждались, такъ что и башмаковъ не имѣли, * и униженно просила Мельгунова изъявить императрицѣ наичувствительнѣйшую ихъ благодарность.

О бесѣдахъ Мельгунова съ Елисаветою мы уже говорили. Онъ убѣждалъ принцессу написать прошеніе къ императрицѣ и изъяснить въ немъ всѣ ея желанія. Но она никакъ на то не согласилась, а написала только въ своей просьбѣ что она приноситъ государынѣ *достодолжную рабскую благодарность* за высочайшія милости, а наиболѣе за то что поручили ихъ *великому человѣку Алексѣю Петровичу Мельгунову*, и осмѣливается повергнуть просьбу свою къ столамъ государыни; *въ чемъ же просьба состоитъ, донесетъ Алѣксей Петровичъ*.

Мельгуновъ пріѣхалъ въ Холмогоры 19го февраля, и только 24го уѣхалъ оттуда въ Архангельскъ. ** Пробывъ въ Холмогорахъ нѣсколько сутокъ онъ посѣщалъ ежедневно принцевъ и принцессъ; каждый день обѣдалъ у нихъ съ губернаторомъ, а иногда и ужиналъ за общимъ столомъ; послѣ обѣда просиживалъ съ ними бо́льшую половину сутокъ, проводя время въ карточной игрѣ, называемой *тресетъ*, для него, какъ онъ говоритъ въ своемъ донесеніи императрицѣ Екатеринѣ II, очень скучной, а для нихъ веселой и обыкновенной. Въ послѣдній день пребыванія Мельгунова у принцевъ и принцессъ, когда онъ сталъ съ ними прощаться, они плакали, провожая его бросались ему въ ноги, и меньшая сестра именемъ всѣхъ ихъ умоляла его не забыть ихъ просьбы.

Между тѣмъ Мельгуновъ дѣлалъ распоряженія вслѣдствіе данныхъ ему приказаній. По открытой невозможности построить суда на Онегѣ, Мельгуновъ рѣшился возложить

---

* См. перепечатанную въ *Русской Старинѣ* (1874 года, апрѣль) статью Полѣнова, стр. 652.

** *Busching* XXII, 420.

изготовленіе судовъ на главнаго командира Архангельскаго порта, генералъ-майора Врангеля, * не открывая ему однакоже настоящаго ихъ назначенія. Рѣчное судно, въ которомъ были построены одна зала и три комнаты, поспѣло ко времени; а вмѣсто новаго мореходнаго императрица позволила употребить одинъ изъ находившихся у города Архангельска фрегатовъ, именуемый *Полярная Звѣзда.* Командиромъ фрегата избранъ былъ отставной флота капитанъ Степановъ; но по приключившейся ему тяжкой болѣзни, Мельгуновъ взялъ на его мѣсто другаго не менѣе надежнаго и опытнаго офицера, отставнаго капитана Михаила Арсеньева, служившаго въ то время председателемъ Ярославской гражданской палаты. Онъ признанъ способнымъ къ исполненію этого порученія потому болѣе что сдѣлалъ на морѣ многія кампаніи, проходилъ четыре раза Сѣверный мысъ и зналъ то мѣсто куда предположено было отправить Брауншвейгскую фамилію. **

Выборъ командира фрегата потому не лишенъ для насъ важности что въ послѣдствіи разказывали будто Екатерина, отправляя дѣтей Анны Леопольдовны за границу, желала погубить ихъ и поручила командиру фрегата потопить это судно со всѣми пассажирами и со всѣмъ экипажемъ. Сальдернъ, сообщившій эту нелѣпую сказку въ своемъ сочиненіи о Петрѣ III, замѣчаетъ что самъ командиръ фрегата — значитъ Михаилъ Арсеньевъ—говорилъ о такомъ данномъ ему порученіи, котораго онъ не могъ исполнить будто лишь потому что во все время плаванія стояла самая хорошая и постоянная погода. Изъ этого послѣдняго обстоятельства Сальдернъ выводитъ заключеніе что само Провидѣніе не дозволило де Екатеринѣ совершить такое гнусное преступленіе. До чего доходитъ неосновательность такихъ басней видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства что во все почти время плаванія *Полярной Звѣзды*, какъ мы узнаемъ изъ положительно надежныхъ источниковъ, погода была самая неблагопріятная и даже свирѣпствовали бури. ***

Принцы и принцессы воспитаны были въ греко-россійскомъ исповѣданіи, и потому приготовлена для нихъ походная церковь со всею принадлежащею къ ней утварью. Въ церкви,

* У Бютинга, не Врангель, а Waxel.

** Полѣновъ 1. с. 119.

*** *Vie de Pierre* III, стр. 254, о предполагаемомъ „assassinat des ses pauvres enfans innocens", которыя были 36—46 лѣтъ.

которая должна была оставаться въ Горзенсѣ, опредѣлены священникъ и два церковника. Жалованье велѣно производить имъ по окладамъ установленнымъ для миссій Стокгольмской и Копенгагенской. Въ то же время пріискань лѣкарь съ однимъ ученикомъ.*

8го марта уже Мельгуновъ опять возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ отъ императрицы грамоту, въ силу которой Брауншвейгская фамилія должна была находиться отнынѣ подъ покровительствомъ королевско-датскаго двора и предназначалась къ отправленію за границу.**

Для содержанія принцевъ и принцессъ въ Горзенсѣ императрица назначила имъ пенсію по смерть ихъ, опредѣливъ каждому брату и каждой сестрѣ по 8.000 р., а всѣмъ вообще по 32.000 руб. въ годъ. Для надзиранія за принцами и принцессами и для наблюденія чтобъ они были совершенно охранены во время морскаго путешествія, императрица назначила шлюссельбургскаго коменданта полковника Циглера и вдову лифляндскаго ландрата Лиліенфельда съ двумя дочерьми. Послѣ прибытія въ датскія владѣнія имъ было дозволено возвратиться въ Россію. Наконецъ еще избраны три служителя и четыре служительницы, изъ которыхъ пятеро—по всей вѣроятности незаконнорожденныя дѣти принца Антона-Ульриха, о которыхъ говорится въ монографіи неизвѣстнаго автора, напечатанной въ сборникѣ Бюшинга ***—родились въ Холмогорахъ и выросли вмѣстѣ съ принцессами и принцами, а двѣ взяты изъ крестьянокъ.

При отправленіи принцевъ и принцессъ Екатерина надѣлила ихъ царскою рукой. Около 200.000 рублей употреблено было для снабженія ихъ разными предметами. Въ двѣнадцати большихъ ящикахъ отправлены прямо къ Новодвинской крѣпости, мимо которой должна была проѣхать Брауншвейгская фамилія, слѣдующія вещи: полный столовый сервизъ, десертная посуда и большой чайный сервизъ, всѣ серебряныя; много столоваго бѣлья, также фарфоровой, мѣдной поваренной и чайной посуды. Сверхъ того отпущено съ ними полпуда чаю, водки, венгерскаго вина. Каждому брату дано по пяти бархатныхъ вышитыхъ, по два „гродетуровыхъ“ и по два су-

* Полѣновъ, l. c. 120.

** *Busching*, XXII, 421, гдѣ и переводъ грамоты въ извлеченіи.

*** XXII, 422 „Natürliche Brüder und Schwestern“. 423 „Die natürlichen Kinder des Herzogs Anton Ulrich“.

конныхъ кафтана, по три фрака, шинель, плащъ, два сюртука, двѣ шубы, лисья и соболья, бобровая муфта, шлафроки, фуфайки. Къ тому прибавлены шелковые чулки, платки, колпаки, рубахи, башмаки, сапоги, туфли и всѣ мелочи къ одеждѣ принадлежащія, также простыни, наволоки, кровати съ занавѣсами, одѣяла, подушки и пр. Дано еще каждому изъ нихъ по бриллiантовому перстню, по осыпанной бриллiантами табатеркѣ, по золотымъ часамъ съ цѣпочками и по чайному серебряному прибору.

Съ такою же щедростью одарены и принцессы. Съ ними отпущено множество дорогаго платья и бѣлья, шубы золотаго глазета на собольемъ мѣху, и разные женскiе наряды. Каждой сестрѣ даны пара бриллiантовыхъ серегъ, сердечко, браслеты, перстень, всѣ бриллiантовые, осыпанная бриллiантами табатерка, золотые часы съ цѣпочкой, чайный серебряный приборъ. Не забыты даже помада, пудра, булавки, шпильки. Сверхъ всего этого дано полковнику Циглеру, для врученiя принцамъ и принцессамъ по прибытiи въ Бергенъ, 2.000 голландскихъ червонцевъ на карманныя имъ деньги. Въ Данiи удивились щедрости и великолѣпiю съ которыми надѣлена была Брауншвейгская фамилiя. Сама королева отзывалась о томъ съ признательностiю. *

Изъ другаго источника мы узнаемъ что въ Ярославлѣ не менѣе семи нѣмецкихъ и пятидесяти русскихъ портныхъ готовили платья для Брауншвейгской фамилiи, и что мягкая рухлядь и драгоцѣнные камни были взяты изъ императорскаго кабинета. **

Между тѣмъ какъ производились эти приготовленiя къ отъѣзду, члены Брауншвейгской фамилiи ничего не знали о предстоявшей перемѣнѣ въ ихъ судьбѣ.

Полковникъ Циглеръ вмѣстѣ съ губернаторомъ Головцынымъ поѣхалъ въ Холмогоры, гдѣ онъ объявилъ принцамъ и принцессамъ, отъ имени Мельгунова, что Алексѣй Петровичъ, въ бытность свою у двора, не упустилъ доложить государынѣ о ихъ просьбѣ, и что Екатерина повелѣла прибавить жалованье служителямъ ихъ, позволяетъ женѣ находящагося при нихъ подполковника Полозова ходить къ нимъ для бесѣды,

* Полѣновъ I. с. 126—128.

** Büsching, 421. Das Maas zu den Kleidern für die Prinzen wurde von des Staatschirurgus Fries Körper genommen, der ihre Grösse und Stärke hatte.

и приказала снабдить ихъ всѣмъ въ чемъ они имѣютъ нужду. Между прочимъ онъ замѣтилъ что они скоро увидятъ сколь далеко простирается попеченіе о нихъ ея величества. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхала съ такимъ же обнадеживаніемъ вдова Лиліенфельдъ, которой было поручено приготовить коечто для путешествія. Наконецъ пріѣхалъ и самъ Мельгуновъ, который, недовольный приготовленіями вдовы Лиліенфельдъ, допустилъ къ принцамъ и принцессамъ свою супругу, урожденную Салтыкову. Бросавшееся въ глаза различіе между прежнимъ обращеніемъ съ Браунштейгскою фамиліею губернатора Головцына и пріемами Мельгунова и его супруги произвело чрезвычайно благопріятное вліяніе на арестантовъ. Въ нихъ начало развиваться чувство собственнаго достоинства. *

Мельгуновъ объявилъ имъ что императрица даруетъ имъ свободу, но вмѣстѣ далъ имъ почувствовать что если они забудутъ благодѣянія государыни, или слѣдуя ухищреннымъ наущеніямъ и совѣтамъ, не захотятъ оставаться въ Датскихъ владѣніяхъ, то не только лишатся опредѣленнаго имъ пенсіона, но потеряютъ всякое право и на малѣйшую отъ императрицы помощь. Елисавета отвѣчала со слезами что они никогда не будутъ неблагодарными и ни за что̀ не пожелаютъ прогнѣвать императрицу. Потомъ она спросила Мельгунова: „Къ себѣ ли возьметъ насъ тетка, или оставитъ въ какомъ городѣ? Мы желали бы лучше жить въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ, а то разсудите сами какъ намъ быть при дворѣ. Мы совсѣмъ не умѣемъ обходиться съ людьми, да притомъ и не разумѣемъ ихъ языка.“ Мельгуновъ обѣщалъ что ихъ желанія будутъ исполнены. Такъ какъ они никогда не ѣзжали по водѣ и не видывали какъ ходятъ суда, ихъ устрашала поѣздка водою, и Елисавета просила Мельгунова чтобы кромѣ его самого по Двинѣ поѣхала съ ними супруга Алексѣя Петровича.

27го іюня путешественники рано утромъ оставили Холмогорскій острогъ, въ которомъ они провели всю жизнь, и въ двухъ экипажахъ поѣхали къ рѣкѣ Двинѣ. Затѣмъ они въ приготовленной для нихъ яхтѣ пустились къ Новодвинской крѣпости, гдѣ ихъ ожидала *Полярная Звѣзда*.

* „Der himmelweite Unterschied.... machte einen solchen Eindruck in ihre Gemüther, dass der unterdrückte fürstliche Geist sich erhob und auszubilden anfing.“

Подъѣзжая къ Новодвинской крѣпости, принцы и принцессы, пробудившись отъ сна, были поражены ужасомъ при видѣ крѣпости: они вообразили что тутъ будетъ ихъ жилище, и что всѣ увѣренія Мельгунова были не что иное какъ обманъ. Пріѣздъ въ то самое время кабинетскаго курьера еще болѣе утвердилъ ихъ въ этомъ мнѣніи. Они подумали что курьеръ привезъ повелѣніе оставить ихъ въ Новодвинской крѣпости, когда напротивъ того онъ былъ присланъ къ Мельгунову съ подтвержденіемъ прежнихъ о нихъ приказаній. Чтобы разувѣрить и успокоить ихъ, Мельгуновъ, помѣстивъ ихъ въ комендантскомъ домѣ, далъ имъ свободу гулять по валу и приходить къ нему на рѣчное судно. *

30го іюня были заняты нагруженіемъ фрегата. Наконецъ 1го іюля ночью фрегатъ отправился въ путь подъ купеческимъ флагомъ и названіемъ. Еще разъ до отъѣзда Мельгуновъ дѣлалъ принцамъ и принцессамъ внушенія о признательности, сказавъ наконецъ что они вѣчно будутъ несчастны если окажутъ себя неблагодарными. Слыша это они проливали слезы, падали на колѣни и увѣряли что вѣчно будутъ благодарны.

То обстоятельство что Брауншвейгская фамилія была отправлена за границу не чрезъ С.-Петербургъ, а водою, далѣе, скрытность съ которою дѣлались всѣ приготовленія къ отправленію Брауншвейгскаго семейства и наконецъ неудовольствіе Екатерины на Мельгунова за то что онъ „напрасно и сверхъ данныхъ ему предписаній“ бралъ жену свою на рѣчное судно **, все это ясно доказываетъ что принцы и принцессы еще считались претендентами, относительно которыхъ нужно было дѣйствовать осторожно и осмотрительно.

Всѣ бывшіе въ Холмогорахъ при принцахъ и принцессахъ военные чиновники и нижніе чины, также служители остав-

* Мы слѣдуемъ болѣе разказу Полѣнова чѣмъ монографіи въ сборникѣ Бюшинга, гдѣ, между прочимъ, сказано что Мельгуновъ сказалъ принцамъ и принцессамъ объ ихъ отправленіи за границу только въ Новодвинской крѣпости.

** И у Полѣнова и въ монографіи у Бюшинга говорится о гнѣвѣ императрицы на Мельгунова. Въ послѣднемъ источникѣ прямо сказано что Мельгуновъ безъ вины находился въ опасности заслужить себѣ немилость Екатерины, но что письмо Юліаны-Маріи, восхвалявшей его распоряженія, спасло его, такъ что императрица, убѣдившаяся въ неосновательности прежнихъ обвиненій, наградила его

шіеся тамъ послѣ ихъ отъѣзда награждены достаточно. Нѣкоторые уволены отъ службы съ пенсіями, другимъ даны приличныя мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось существованіе такъ-называемой Холмогорской коммиссіи, на обязанность которой возложено было наблюденіе за Браунштейгскою фамиліей и за содержаніемъ ея.

Плаваніе фрегата *Полярная Звѣзда* было продолжительно отъ противныхъ вѣтровъ и сильныхъ бурь. Не ранѣе какъ 30го августа (10го сентября), значитъ послѣ девятинедѣльной ѣзды *, путешественники пріѣхали въ Бергенъ, гдѣ ихъ ждалъ датскій военный корабль *Марсъ*. Въ Бергенѣ, какъ кажется, съ принцами и принцессами обращались все-таки нѣкоторымъ образомъ какъ съ арестантами. „Фамилія сдана въ Бергенѣ главному бальифу (grand baillif) Шубену, а 12го числа пересажена на военный корабль."

Въ Бергенѣ принцы и принцессы, къ крайнему своему сожалѣнію, должны были разстаться со своими слутниками, которые оттуда прямо отправились въ Копенгагенъ, а затѣмъ въ Петербургъ. Особенно тяжело имъ было проститься съ побочными братьями и сестрами, изъ которыхъ до этого почти исключительно состояла ихъ прислуга. Несчастные, не знавшіе другаго языка кромѣ русскаго, неопытные, мало развитые, находились вслѣдствіе этого въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Авторъ статьи въ сборникѣ Бюшинга даже замѣчаетъ что скорая кончина принцессы Елисаветы въ

Андреевскою лентой. Чрезвычайно любопытна слѣдующая инструкція, о которой Полѣновъ пишетъ: „Предъ отправленіемъ принцевъ и принцессъ, полковнику Циглеру дано было приказаніе не позволять имъ писать ни къ кому письма, не спускать ихъ никуда съ фрегата, и постороннимъ входъ на него запрещать. Но еслибы кто, сверхъ ожиданія, отважился войти на фрегатъ силою, а тѣмъ болѣе вознамѣрился бы отнять изъ рукъ Циглера принцевъ и принцессъ, въ такомъ случаѣ велѣно ему отражать силу силою и обороняться до послѣдней капли крови. То же приказано и капитану Арсеньеву." См. перепечатанную статью Полѣнова въ *Русской Старинѣ*, 1874, апрѣль, стр. 660.

* Въ *Русской Старинѣ* сказано что яхта прибыла въ Новодвинскую крѣпость 28го іюля. Это, конечно, опечатка, которую не замѣтилъ г. Куникъ, говоря что отплытіе *Полярной Звѣзды* произошло 30го іюля. У Бюшинга и Полѣнова день отъѣзда изъ Новодвинской крѣпости 1го іюля.

Горзенсѣ была отчасти слѣдствіемъ такой разлуки и сопряженнаго съ нею горя. *

По прибытіи въ Бергенъ, принцесса Елисавета изъ пожалованныхъ ей 500 червонцевъ раздала значительныя суммы своимъ спутникамъ, ** которые впрочемъ получили щедрыя награды и отъ королевы Юліаны-Маріи, и отъ императрицы Екатерины.

Послѣ того какъ путешественники 12го сентября были пересажены на датскій военный корабль, противные вѣтры задержали ихъ въ четырехъ миляхъ отъ Бергена до 23го сентября. Послѣ того корабль долженъ былъ бороться съ жестокою бурей, которая продолжалась безпрерывно 30го сентября и 1го октября. Не прежде какъ 5го октября онъ могъ пристать къ Фладстранду. Разстроенные непогодами и утомленные труднымъ плаваніемъ принцы и принцессы высажены были въ Аальборгѣ, гдѣ и оставались три дня для отдохновенія. Въ Горзенсъ они пріѣхали сухимъ путемъ 13го октября.

Королева Юліана-Марія желала видѣть принцевъ и принцессъ и писала о томъ къ Екатеринѣ. Но въ послѣдствіи она отмѣнила свое намѣреніе, и свиданіе не состоялось. Между императрицей и королевой продолжалась переписка о Брауншвейгской фамиліи. Между прочимъ Юліана-Марія спрашивала Екатерину: какъ должно поступать съ принцами и принцессами, и какіе титулы можно имъ давать? Императрица отвѣчала что съ тѣхъ поръ какъ они находятся въ распоряженіи Датскаго двора, она считаетъ ихъ свободными особами знатнаго происхожденія, но за поступками ихъ должно имѣть наблюденіе для ихъ собственнаго спокойствія и счастія, по причинѣ ихъ неопытности, воспитанія и другихъ обстоятельствъ препятствующихъ имъ жить въ большомъ свѣтѣ. Жизнь удаленную отъ всѣхъ тревогъ она считала для нихъ самою приличною. Что же касается до титуловъ, то

---

* У Бюшинга далѣе разказано что незаконнорожденная дочь Антона-Ульриха, Амалія, вышла за вышеупомянутаго поручика Карикина, съ которымъ она уже и до этого имѣла связь.

** У Полѣнова сказано, изъ 500 червонныхъ Елисавета раздала 3.000 руб., напримѣръ капитану Арсеньеву 1.000 руб. Это невозможно, потому что червонцы чеканенные во время Петра III и Екатерины равнялись 2 р. 30 к. до 2 р. 45 к., см. Chaudoir, *Aperçu sur les monnaies russes*, стр. 142—144.

императрица замѣтила что нѣтъ никакой причины лишать ихъ титула который дарованъ имъ Богомъ и принадлежитъ имъ по рожденію, то-есть титула принцевъ и принцессъ Брауншвейгскаго дома. *

Неизвѣстный авторъ статьи въ сборникѣ Бюшинга считаетъ весьма вѣроятнымъ и даже не подлежащимъ сомнѣнію что члены Брауншвейгской фамиліи, при отъѣздѣ изъ Холмогорскаго острога, дали подписку въ которой они отказались отъ всякихъ притязаній на Русскій престолъ. Однако это предположеніе не подтверждается никакими положительными данными. **

На обзаведеніе Брауншвейгской фамиліи въ Горзенсѣ, покупку домовъ и пр., употреблено 60.000 талеровъ. Датскій дворъ предположилъ удѣлять на уплату этой суммы изъ пожалованнаго Брауншвейгской фамиліи пенсіона, и такимъ образомъ заплачено было 20.000 талеровъ. Но императрица, узнавъ объ этомъ, не хотѣла чтобы принцы и принцессы пользовались не вполнѣ ея щедротами, не хотѣла быть также въ тягость Датскому двору и повелѣла заплатить остальные 40.000 талеровъ изъ своей казны.

Бывшіе Холмогорскіе арестанты жили и въ Горзенсѣ тихо и дружно. Принцесса Елисавета, такъ какъ и въ Холмогорахъ, была руководительницею братьевъ и сестры. Однажды принцъ датскій Фердинандъ посѣтилъ Брауншвейгскую фамилію въ Горзенсѣ. Свиданіе ихъ было трогательно. Разказываютъ что при этомъ случаѣ отличавшійся всегда робостью принцъ Петръ спрятался, такъ что съ великимъ трудомъ уговорили его явиться къ принцу Датскому на глаза. *** Послѣдній пробылъ въ Горзенсѣ двое сутокъ и на третій день уѣхалъ, не простившись съ родственниками чтобъ и себя и ихъ избавить отъ новыхъ слезъ.

* Полѣновъ l. c. 131 и 132. Любопытно слѣдующее извѣстіе, сообщенное въ рукописи Полѣнова, и сообщенное лишь въ новѣйшее время въ *Русской Старинѣ*. Апрѣль 1874, стр. 663: „Она (Екате„рина) предписала министру своему въ Копенгагенѣ, барону Сакену, „чтобъ онъ, въ случаѣ пріѣзда Брауншвейгской фамиліи къ Дат„скому двору, удалялся подъ благовиднымъ предлогомъ отъ свида„нія и переписки съ нею, и не позволялъ того ни чинамъ россій„ской въ Копенгагенѣ миссіи, ни другимъ русскимъ подданнымъ."

** *Büsching* XXII, стр. 423.

*** *Русская Старина*. 1873, 69.

О житьѣ-бытьѣ Браунштейгской фамиліи въ Горзенсѣ мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Довольно любопытна замѣтка въ статьѣ Бюшинга что принцъ Алексѣй своею обходительностью пріобрѣлъ общее уваженіе въ цѣломъ городѣ, такъ что всѣ сожалѣли о его кончинѣ. * Изъ этого обстоятельства видно что принцы и принцессы не ограничивались домашнею жизнью и имѣли нѣкоторую связь съ обществомъ. По всей вѣроятности всѣ они, за исключеніемъ лишенной слуха принцессы Екатерины, выучились датскому языку.

Недолго впрочемъ пользовалась новою жизнью Елисавета. Жестокая болѣзнь, продолжавшаяся двѣ недѣли, прекратила дни ея 20го октября 1782 года, на 39 году отъ рожденія.

Чрезъ пять лѣтъ послѣ нея умеръ младшій принцъ Алексѣй, 22го октября 1787 года. Не задолго до своей кончины онъ занемогъ, но скоро оправился. Послѣ того вдругъ вообразилъ себѣ что не переживетъ того дня въ который умерла его сестра. Эта мысль, какъ ни старались ее разсѣять, такъ вкоренилась въ его воображеніе что сдѣлалась для него гибельною. За нѣсколько дней до назначеннаго имъ времени онъ сталъ опять жаловаться на нездоровье. Съ нимъ сдѣлался обморокъ; онъ казался заснувшимъ, и болѣе не пробуждался.

Принцъ Петръ умеръ 30го января 1798 года. ** Въ послѣднее время его жизни въ Горзенсѣ уже находился архимандритъ Іосифъ, отправленный Екатериною II въ Данію. Онъ снабдилъ рисунокъ принцессы Екатерины, изображающій Холмогорскій острогъ, надписью; онъ сообщилъ историку Бантышъ-Каменскому кое-какія данныя о Браунштейгскомъ семействѣ вообще. Въ Горзенсѣ онъ находился отъ 1794 до 1802 года. По его разказу, Петръ и Екатерина любили играть въ карты съ архимандритомъ; болѣе не имѣли никакихъ увеселеній. ***

Послѣ братьевъ и сестры осталась въ совершенномъ уединеніи несчастная принцесса Екатерина. О ней разказывалъ архимандритъ Іосифъ что она чрезвычайно дорожила хранившимся у нея серебрянымъ рублемъ съ изображеніемъ Іоанна III: онъ напоминалъ ей о прошедшемъ величіи Браунштейг-

---

* *Büsching.* XXII. 424.

** Полѣновъ l. c. стр. 134. Объ одномъ лицѣ знавшемъ Петра см. Кастейра, нѣм. пер. II. 49.

*** *Русская Старина* 1873 года, стр. 69.

ской фамиліи. Положеніе Екатерины было чрезвычайно горестное. Она была окружена людьми думавшими болѣе о своихъ выгодахъ чѣмъ о доставленіи ей тѣхъ удобствъ на которыя она имѣла право. До самой кончины ея, определенная принцамъ и принцессамъ пенсія производилась вполнѣ, несмотря на постепенное уменьшеніе Брауншвейгской фамиліи. При Екатеринѣ находились священникъ и церковники, да небольшой штатъ придворныхъ изъ Датчанъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ оказывались людьми крайне недобросовѣстными и корыстолюбивыми. Они обкрадывали злополучныхъ отшельниковъ, и ловко умѣли скрывать свои продѣлки отъ Датскаго двора.

Осиротѣвъ со смертью братьевъ и сестры пятидесятишестилѣтнею старушкой, принцесса Екатерина влачила свою жизнь въ Горзенсѣ крайне печально, до того что тосковала о своемъ заточеніи въ Холмогорахъ. Она желала возвратиться въ Россію и постричься въ монахини. Недавно въ *Русской Старинѣ* было напечатано ея письмо къ императору Александру I въ которомъ ярко выставляется ея печальное положеніе. Оно писано 16го (28го) августа 1803 года. Мы приводимъ этотъ любопытный документъ буквально. Екатерина пишетъ:

„Благочестивейши, самодержавнешій Все Милости-
„вѣишій Государь,

„Я много разъ слышала, что вы делаете великіе милости для всехъ людей, и что вы любите всехъ, и что вы сами прошенія всехъ нещастныхъ примаете, и слушаете, и я потому осмелилася къ Вашему Императорскому Величеству написать лисмо, и я теперича впервое разъ покорнѣйше благодарю вамъ потому, что вы мне, нещасной, всакой годъ изволите посылать денги изрускoй земли для моего содержаніе; но я сказываю правду Вашему Величеству, (отъ) оныхъ никакои лозы (пользы) не имела, потому что мои дански (датскіе) придворни все употребляи денги для своеи ползы, и что они были прежде совсемъ бѣдны и ничто не имели, а теперича они о того (оттого) зделялися богачы, потому они всегда лукавы были; и они все дорогіе вещи взяли послѣ смерти мойхъ братцовъ и сестрица и все комнаты себѣ взяли и у полковника одного, я думаю, пятнаца комнатъ, а у мене четырѣ. И все они делали, что имъ угодно; и мне тогда по луче было какъ братцы мой живы были, а когда они умерли, я осталась толко одна нещасная, на старости моей и я поболше несщаслива потому что ничего не слышу, потому что я потеряла совсѣмъ слышанья на восмомъ году жизни моей; и потому оны

лукавые объ манываютъ меня, что я ничего не слышу, и они всякой день ѣздятъ гулять, а я всегда одна дома, и когда они дома бывать, они ко мне никогда неходятъ, какъ кушать и они разумеютъ говорить по рускому языку и со мною не говорятъ никогда, а все сами съ собою говорятъ по данскому. И когда они сами здумаютъ, то они много ко мнѣ привезутъ гостѣ; они говорятъ всегда сними, а я смотрю то на гостѣ, то придворни и приготовлятъ много кушать; они всегда меня худо обижаютъ, и недаютъ мнѣ пива одной бутылка; они говорятъ ето дорого и наливаютъ мнѣ токо одинъ стаканъ и онъ стоитъ у меня когда я пожелаю пить, и про всякую вещь они меня всегда много обижаютъ и потому я всякои день плачу и не знаю за что меня сюда Богъ послалъ и почему я такъ долго живу на светѣ, и я всякой день поминаю Холмогоръ, потому что мнѣ тамъ былъ рай, а тутъ адъ. Сколко мнѣ худо тутъ жить между лукавыми данскими, которые хитры и всегда меня такъ много обижаютъ и когда бы я ето все своеи воли, и меня обижаютъ, какъ имъ угодно. И когда священикъ мой ко мне приходитъ, они всегда примѣчаютъ крѣпко чтобы я ничто ему объ етомъ неговорила; я теперича еще скажу вашему императорскому величеству, что я ни одно слово не разумѣю понѣменскому и по-данскому и они меня заставляютъ часто писать писма и я всегда по-русский, а они переводятъ по-нѣменский совсемъ противно моймъ мысли и они пишутъ понѣменскию все то что толко надобно для нихъ ползъ и после они меня заставляютъ писать и я все ето перепишу сама и не разумею по-нѣменскому и по-данскому ни одно слова, и они меня научили писать по-нѣменскихъ, потому чтобъ я для нихъ ползы все писала и послѣ они по силаютъ ето писмо въ Копенгагенъ кпринцу; после они просили меня написать имъ пансіонъ по рускому языку для нихъ, и я обетомъ ничег не знала и потому не хотѣла обетомъ писать, и они меня заставляли и я сердилась, бранила ихъ и плакала; послѣ они сказали что ето приказалъ принцъ Фридрикъ; послѣ они сами изсвоей голови выдумали и написали по русскому языку, и меня заставили переписать; и я не хотела обетомъ писать, потому что ето не справедливо имъ получать руски денги, и что они сами выдумали отсвоей хитрости и лукавства; и что они меня принудили на писать противъ моей воли и желанія, и когда я имъ писала пансіонъ, то они меня одну заперли въ комнату ссекретаремъ и не пускали священника моего, чтобъ онъ ето не видѣлъ, не пускали и запретили мнѣ крѣпко чтобъ я ему не говорила, и я написала послѣ все что они заставили, потому что я боялася, чтобъ принцъ на меня не сердился, чтобъ меня поболше не обижали. И я думала, что вашего императорское величество ето не подпишите; я думала, что вы узнаете обетой ихъ хитрости, и что вы уразумѣете что ето несправедливо, потому что свещеникъ обетомъ не списался; и когда бы я знала что они выграютъ

по своему лукавству и что вы не узнаете ихъ хитрости, то я ихъ и когда (никогда) непослушала, то они говорили что ето принцъ приказалъ, и что я бы лучше захотѣла умереть, нежели написать пансіонъ, потому что ето великой грѣхъ давать руские денги имъ за ихъ хитрость и лукавства и за ихъ обиды, и потому побоше плачу, не могу спать и желею, что я не умерла прежде етого.

„И я теперь покорнѣше прошу васъ, Всемилостивѣши Імператоръ, простить меня за ето, ради Бога, потому что я написала ето (то-есть прошеніе о выдачѣ придворнымъ пенсіи отъ Русскаго двора) противъ моего желаніе и неизволте посила (посылать) денги лукавымъ данскимъ, и когда милосердный Богъ дастъ мнѣ смерть, то извольте сребрену посуду и всѣ веще и все мой кардиролни дѣнги и прочія взять въ Петербургъ, потому что привезли всѣ изруской земли. И я теперь припаде предстоли ваши, прошу васъ со слѣзами: здѣлать всѣмилостивѣшу милость нещасной мнѣ, и когда угодно есть вашей воли, то изволте мене нещасну въ монастырь, и тогда не надобно будетъ сюда посилить всякои гдъ многи денги для моего содержаніе; мнѣ есть уже шездесятъ три года, и я желаю по стрыщся вмонахинь и тамъ я буду спокойна, и буду молится за здоровье вашу, и буду спости мою душу; я желаю очень окончить жизнь свою въ монастыре, и за ето милость вашу благословитъ васъ самъ Богъ, а я буду чувствовать и благодарить васъ здешнѣй и будущей жизни. Всемилостивеши Імператоръ, вашего императорскаго величествомъ, покорнѣйшая слуга Екатерина, принцесса Брауншвеска.

„Августа 16го (28го) дня 1803 году, Горсенсъ что въ Ютландіи".

Къ письму приложена печать принцессы съ изображеніемъ буквы: *С*.

На собственноручномъ письмѣ принцессы свидѣтельство причта:

„Получилъ я сіе письмо въ церквѣ изъ собственныхъ рукъ принцессы и, во уваженіе ея свѣтлости прошенія, имѣю первѣйшую въ жизни моей честь всеподданнѣйше представить оное вашему императорскому величеству. Синодальный соборный іеромонахъ *Өеофанъ*."

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь. Церковникъ Петръ *Стефановъ*.

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь. Церковникъ Петръ Ивановъ *Поликратовъ*."

Мы не знаемъ получилъ ли императоръ Александръ I письмо принцессы Екатерины или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ ея просьба дозволить ей возвратиться въ Россію и окончить жизнь въ монастырѣ осталась безъ исполненія. Какъ видно

изъ этого документа, принцессу принудили написать уже до этого письмо къ императору Александру съ просьбой пожаловать пенсію ея прислугѣ. Позднѣйшее, приведенное нами цѣликомъ, письмо отъ 16го (28го) августа 1803 года, очевидно писано тайкомъ и отправлено или предполагалось къ отправленію чрезъ священника Ѳеофана. Быть-можетъ датская прислуга, охотно препятствовавшая сношеніямъ между принцессою и Ѳеофаномъ, и на этотъ разъ нашла средства открыть предпріятіе Екатерины и помѣшать отправленію письма въ Россію. По крайней мѣрѣ изъ монографіи г. Полѣнова, составленной очевидно по архивнымъ матеріаламъ, можно заключить: 1) что ему было неизвѣстно письмо Екатерины отъ 16го (28го) августа, а 2) что не позднѣйшая, собственною волею написанная, просьба Екатерины была исполнена Русскимъ дворомъ, а прежняя, написанная принцессою по принужденію прислуги. У г. Полѣнова сказано: „Предъ кончиною (она) забыла нанесенныя ей огорченія, и писала къ императору Александру о пожалованіи пенсіи находившимся при ней людямъ. Просьба ея была уважена. Чиновникамъ и служителямъ, бывшимъ при Горзенскомъ дворѣ долгое время, повелѣно производить въ пенсіонъ изъ россійской казны полные получаемые ими оклады, а послѣ ихъ смерти женамъ ихъ; тѣмъ же которые находились при Екатеринѣ короткое время, выданы единовременно годовые оклады жалованья.“ *

Принцесса Екатерина скончалась 9го апрѣля 1807 года и погребена въ Горзенсѣ вмѣстѣ съ братьями и сестрою. Въ лютеранской церкви стоятъ на виду четыре гробницы, заключающія ихъ бренные останки. Наслѣдный принцъ Датскій, въ 1819 году вступившій на Датскій престолъ подъ именемъ Фридриха VI, какъ разказывалъ архимандритъ Іосифъ, каждый годъ навѣщалъ ихъ вмѣстѣ со своею супругой и изъявлялъ сожалѣніе, смотря на нихъ.** Надъ гробницами надпись: „Hoc Mausoleum sacrum est duobus Principibus Sororibusque totidem Domus serenissimae Brunsvico-Luneburgensis. Bonitate Catharinae II et cura Christiani VII et Julianae Mariae vitam traduxerunt in hac urbe quietam.“ ***

---

* Полѣновъ l. c. 135.

** *Русская Старина*, 1873, стр.69.

*** *Жизнь правительницы Анны*, стр. 41.

Такимъ образомъ пресѣклось потомство царя Іоанна Алексѣевича, замѣчательное, какъ справедливо говоритъ г. Полѣновъ, въ русской исторіи превратностью своей судьбы.

Въ слѣдующей статьѣ перейдемъ къ исторіи главнаго члена Брауншвейгской фамиліи, бывшаго императора Іоанна Антоновича и разбору обстоятельствъ шлюссельбургской катастрофы.

2. Шлюссельбургская катастрофа въ 1764 году.

Роскошь и великолѣпіе окружали колыбель Іоанна Антоновича. Двухмѣсячный младенецъ, послѣ смерти Анны Іоанновны, былъ провозглашенъ императоромъ. На подушкѣ покрытой порфирой, малютку выносили на торжественныхъ выходахъ двора; вельможи и всѣ государственные чины лобызали его ножку; императора показывали въ окно народу и войску и громкое *ура* привѣтствовало царственнаго малютку. Дни его тезоименитства и рожденія, равно какъ подобные же дни его родителей, ознаменовывались торжественными праздниками, обѣдами, придворными балами, фейерверками, иллюминаціями и поздравительными одами.... Преосвященный Амвросій, профессоръ Штелинъ, надворный совѣтникъ Юнкеръ, студентъ Михайло Ломоносовъ, въ стихахъ и прозѣ льстили правительницѣ и ея сыну, въ выспреннихъ фразахъ пророчили императору жизнь долгую, царствованіе славное великими дѣяніями, безсмертіе въ потомствѣ и пр. * По случаю его вступленія на престолъ чеканена медаль, на которой видно изображеніе Іоанна: подымающаяся къ небесамъ императрица Анна Іоанновна ему подаетъ корону. **

Годомъ позже, маленькій императоръ превратился въ арестанта, и двадцатью четырьмя годами позже, этотъ арестантъ былъ убитъ въ Шлюссельбургѣ, потому что хотѣли освободить его изъ заключенія.

---

* См. статью Семевскаго въ *Отеч. Зап.* 1866, т. CLXV, стр. 531.

** См. изображеніе медали у Бюшинга VI, стр. 519.

Мы уже знаемъ о путешествіяхъ Іоанна изъ Петербурга въ Ригу и Дюнамюнде, оттуда въ Раненбургъ, затѣмъ въ Холмогоры и наконецъ въ 1756 году въ Шлюссельбургъ.

Въ публикѣ между тѣмъ, какъ видно изъ позднѣйшихъ разказовъ, ходили разные слухи о дѣтствѣ Іоанна. Такъ напримѣръ Сальдернъ разказываетъ въ своемъ сочиненіи о Петрѣ III что Іоаннъ до пятилѣтняго возраста находился въ какомъ-то монастырѣ подъ надзоромъ монаховъ, а затѣмъ его предоставили надзору одного вполнѣ преданнаго императрицѣ полковника. Этому полковнику было вмѣнено въ обязанность не обучать его грамотѣ. Чрезъ одного караульнаго солдата однако Іоаннъ узналъ о своемъ происхожденіи, послѣ чего императрица, получивъ извѣстіе чрезъ полковника о такомъ нарушеніи тайны, велѣла привезти Іоанна въ Москву, а оттуда онъ былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ. *

По другому разказу, Іоаннъ, между тѣмъ какъ его родственники были отправлены въ Холмогоры, оставался въ Раненбургѣ. Оттуда одинъ монахъ хотѣлъ увезти его за границу. Бѣглецы однако были остановлены въ Смоленскѣ, а послѣ этого Іоаннъ содержался въ Валдаѣ и наконецъ лишь отсюда былъ отправленъ въ Шлюссельбургъ. **

Фельдмаршалъ Минихъ въ своемъ сочиненіи *Ebauche sur la forme du gouvernement en Russie*, говоритъ что Іоанна уже въ 1746 году перевезли изъ Холмогоръ въ Шлюссельбургъ.

Изъ приведенныхъ нами выше данныхъ, основанныхъ на архивномъ матеріалѣ, видно что Іоаннъ въ 1744 году былъ отправленъ въ Холмогоры, гдѣ онъ содержался нѣсколько лѣтъ.

За нѣсколько лѣтъ до 1756 года мы имѣемъ очень мало данныхъ о Іоаннѣ. Въ приведенной выше *описи* бумагамъ относящимся къ Брауншвейгской фамиліи, встрѣчаются данныя о пребываніи Іоанна въ Холмогорахъ, относящіяся къ ноябрю 1751 года. Такъ какъ о подполковникѣ Миллерѣ и его пребываніи въ Холмогорахъ говорится еще въ декабрѣ 1753 года, то едва ли можетъ подлежать сомнѣнію что вмѣстѣ съ нимъ въ продолженіе всего этого времени въ Холмогорахъ находился и Іоаннъ, о которомъ г. Соловьевъ разказываетъ, на основаніи документовъ, что въ 1756 году его изъ Холмогоръ

---

* Saldern, *Histoire de la vie de Pierre III*, p. 17.

** Кастейра (нѣм. пер.) стр. 97. Также у Бюшинга VI, 529.

отправили въ Шлюссельбургъ. По всей вѣроятности несчастный юноша спокойно оставался въ Холмогорахъ непрерывно въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. За то совсѣмъ невѣроятнымъ кажется пребываніе Іоанна въ Валдаѣ или въ Москвѣ на пути въ Шлюссельбургъ, потому что ни то, ни другое мѣсто не находятся на пути между Холмогорами и Шлюссельбургомъ, и наконецъ потому что мы имѣемъ архивныя данныя о пребываніи Іоанна въ Шлюссельбургѣ въ 1757 году.

До чего доходила нелѣпость разказовъ относительно Іоанна, видно между прочимъ изъ замѣтки въ сочиненіи Сумарокова о Екатеринѣ II, будто „императрицѣ Елисаветѣ предлагали вступить съ Іоанномъ въ супружество, чтобы тѣмъ уничтожить на будущее время возстанія всякаго рода". * Елисавета родилась въ 1709 году, значитъ она была тридцатью однимъ годомъ старше Іоанна.

Нѣсколько странны кажутся разказы о томъ, что Елисавета въ 1756 году велѣла привезти Іоанна въ Петербургъ въ закрытомъ экипажѣ, что она видѣла его два раза: однажды въ домѣ Воронцова, а второй разъ въ домѣ графа Петра Шувалова, и что онъ, бесѣдуя съ императрицей, не зналъ съ кѣмъ онъ говорилъ. Трудно отрицать возможность такого свиданія; однако подробности въ разказахъ объ этомъ случаѣ, напримѣръ разныя данныя объ его красотѣ, красноречіи и слезахъ и т. д. весьма сомнительны. **

О темницѣ въ которой содержался Іоаннъ въ Шлюссельбургѣ распространены были самые мрачные разказы. У одного современнаго писателя встрѣчается слѣдующее описаніе: „Небольшія окна каземата были закрыты, дневной свѣтъ не проникалъ сквозь нихъ, свѣчи горѣли безпрестанно. Не имѣя при себѣ часовъ, арестантъ не зналъ времени дня и ночи. Было время когда офицерамъ сторожившимъ его было запрещено бесѣдовать съ нимъ или отвѣчать на его вопросы. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать; одиночество сдѣлало его задумчивымъ; мысли его не всегда были въ порядкѣ; тѣло его было очень нѣжно, потому что онъ не выходилъ на воз-

---

* Сумароковъ, *Обозрѣніе царствованія Екатерины II.* I, стр. 117.

** См. объ этихъ свиданіяхъ соч. Кастейра (нѣм. пер.) I, 97 и 192; біографію Іоанна въ сборникѣ Бюшинга, VI, 530. *Ebauche*, Мюнниха, стр. 163.

духъ; онъ весь оброс бородою и находилъ удовольствіе разчесывать ее и пр." *

Гораздо любопытнѣе чѣмъ такіе разказы современниковъ, не имѣвшихъ возможности знать подробно о пребываніи Іоанна въ Шлюссельбургѣ, нѣкоторые документы сообщенные г. Соловьевымъ въ двадцать второмъ томѣ его сочиненія *Исторія Россіи* и представляющіе ясное изображеніе житья-бытья бывшаго императора въ Шлюссельбургѣ.

Надзоръ за нимъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину, который получилъ такую инструкцію отъ Ал. Ив. Шувалова вѣдавшаго тайныя дѣла послѣ Ушакова: „Быть у онаго арестанта вамъ самому, и Ингерманландскаго пѣхотнаго полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Лукѣ Чекину въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ жь васъ и прапорщика въ ту казарму никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ, также арестанта изъ казармы не выпускать; когда жь для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами чтобъ его видѣть не могли. Гдѣ вы обрѣтаться будете, запрещается вамъ и командѣ вашей подъ жесточайшимъ гнѣвомъ ея императорскаго величества никому не писать; когда жь имѣть будете писать въ домъ вашъ, то не именуя изъ котораго мѣста при прочихъ репортахъ присылать, напротивъ которыхъ и къ вамъ обратно письма присылать будутъ отъ меня чрезъ майора Бередникова (шлюссельбургскаго коменданта). Арестанту пища опредѣлена въ обѣдъ по пяти и въ ужинъ по пяти жь блюдъ, въ каждый день вина по одной, полпива по шести бутылокъ, квасу потребное число. Въ которомъ мѣстѣ арестантъ содержится, и далеколь отъ Петербурга или отъ Москвы, арестанту не сказывать, чтобъ онъ не зналъ. Вамъ и командѣ вашей, кто допущенъ будетъ арестанта видѣть, отнюдь никому не сказывать каковъ арестантъ, старъ или молодъ, Русскій или иностранецъ, о чемъ подтвердить подъ смертною казнію коли кто скажетъ."

За болѣзнію Шубина отправленъ былъ капитанъ Овцынъ, къ которому Шуваловъ писалъ 30го ноября 1757 года: „Въ инструкціи вашей упоминается чтобы въ крѣпость, хотя бъ

* Бюшингъ, VI, 530.

и фельдмаршалъ и подобный имъ, никого не впущать и комнаты его императорскаго высочества великаго князя Петра Өедоровича камердинера Карновича въ крѣпость не пускать и объявить ему что безъ указа тайной канцеляріи пускать не велѣно.“ *

Въ этихъ инструкціяхъ заключается ясное доказательство что правительство опасалось появленія какой-либо партіи въ пользу Іоанна. То обстоятельство что въ Петербургѣ считали вѣроятнымъ появленіе у воротъ Шлюссельбургской крѣпости камердинера наслѣдника престола, заставляетъ думать что Петръ Өеодоровичъ нѣкоторымъ образомъ сочувствовалъ Іоанну Антоновичу. Мы увидимъ ниже что Петръ, вступивъ на престолъ, намѣревался значительно смягчить судьбу арестанта. Изъ инструкціи Овцыну видно что императрица Елисавета вѣроятно имѣла нѣкоторое основаніе безпокоиться на счетъ претендента содержавшагося въ Шлюссельбургѣ, и что поэтому чрезвычайныя мѣры предосторожности считались не лишними.

Перемѣняя мѣстопребываніе Іоанна, правительство, какъ мы видѣли, старалось оставлять публику въ невѣдѣніи относительно того мѣста гдѣ находился бывшій императоръ. ** Эта цѣль и была достигнута. Весьма лишь не многія лица знали о пребываніи Іоанна въ Шлюссельбургѣ. Изъ дѣла Мировича мы знаемъ что когда одинъ изъ подсудимыхъ, подпоручикъ Чефаридзевъ, спросилъ другаго, регистратора Безсонова, въ Шлюссельбургѣ, знаетъ ли онъ кто находится въ казематѣ подъ № 1, то Безсоновъ отвѣчалъ отрицательно. *** Авторъ сочиненія *Histoire d'Iwan III*, писавшій подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Іоанна, прямо говоритъ что очень долгое время не знали и слѣдовъ принца, такъ что даже начали думать что разказъ о существованіи его есть басня, пока наконецъ послѣ шлюссельбургской катастрофы не сдѣлалось извѣстнымъ мѣсто гдѣ онъ содержался*.*** Даже высокопоставленный санов-

---

* Соловьевъ, XXII, 101.

** „Ioann était sans cesse promené d'un bout de l'empire à l'autre, de forteresse en forteresse, afin que ses partisans, s'il en avait, ignorassent toujours où ils le pourraient trouver.“ Rulhière l. c. 7.

*** *Полн. Собр. Зак.* № 12.241.

**** *Vie d'Iwan.* Предисловіе, стр. XII—XIV.

никъ, сенаторъ Неплюевъ, описывая впечатлѣніе произведенное на него извѣстіемъ о кончинѣ Іоанна, увѣряетъ что „о томъ что тотъ несчастно рожденный принцъ былъ въ Шлюссельбургѣ, мы прежде и не вѣдали“. *

Публика, однако, хотя и не зная точно о мѣстопребываніи Іоанна, старалась составить себѣ понятіе о характерѣ и способностяхъ узника. Говорили о его красотѣ и любезности, о его талантахъ и о нравственномъ величіи съ которымъ онъ переносилъ свою судьбу, о ясности съ которою онъ размышлялъ о своемъ положеніи. Иные разказывали что вопреки всѣмъ запрещеніямъ, онъ научился грамотѣ у своего отца; по другимъ извѣстіямъ, его наставникомъ при обученіи грамотѣ былъ какой-то нѣмецкій офицеръ (ужь не Миллеръ ли?). Авторъ сочиненія *Histoire d'Iwan* уже изъ того обстоятельства что правительство считало принца опаснымъ, выводитъ заключеніе что Іоаннъ не только не былъ идіотомъ, какъ разглашали, а чрезвычайно способнымъ человѣкомъ. **

Но не безъ основанія правительство утверждало что Іоаннъ Антоновичъ идіотъ. Въ своемъ манифестѣ о кончинѣ Іоанна, Екатерина говорила о немъ что „онъ не зналъ ни людей, ни разсудка, не умѣлъ доброе отличить отъ худаго, такъ какъ и не могъ при томъ чтеніемъ книгъ жизнь свою пробавлять, а за едино блаженство себѣ почиталъ довольствоваться мыслями тѣми въ которыя лишеніе смысла человѣческаго его приводило“. *** Также и Панинъ разказывалъ англійскому посланнику что принцъ былъ въ совершенномъ помѣшательствѣ. ****

Все это подтверждается донесеніями офицеровъ находившихся при Іоаннѣ. Въ маѣ 1759 года Овцынъ писалъ: „Объ арестантѣ доношу что онъ здоровъ, и хотя въ немъ болѣзни

---

* Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, имъ самимъ описанная, въ *Русскомъ Архивѣ*, 1871, стр. 680.

** Разныя данныя на этотъ счетъ см. въ сочиненіи *Histoire d'Iwan III*, стр. VI, 20, 21, 75. Далѣе у Кастейра (нѣм. пер.), I, 192. У Бюшинга, VI, 529 и 530, сказано что до осьмаго года Антонъ Ульрихъ давалъ сыну уроки, но что послѣ этого Іоаннъ остался безъ всякаго обученія.

*** *П. С. З.* № 12.228.

**** Raumer, *Beiträge zur neueren Geschichte*, II, 551.

никакой не видно, только въ умѣ нѣсколько помѣшался, что его портятъ шептаньемъ, дутьемъ, пусканьемъ изо рта огня и дыма; кто въ постели лежа повернется или ногу переложитъ, за то сердится, сказываетъ шепчутъ и тѣмъ его портятъ; приходилъ разъ къ подпоручику чтобъ его бить и мнѣ говорилъ чтобъ его унять, и ежели не уйму, то онъ станетъ бить; когда я стану разговаривать (разубѣждать), то и меня такимъ же еретикомъ называетъ; ежели въ сѣняхъ и на галлереи часовой стукнетъ или кашлянетъ, за то сердится.“ Въ іюнѣ: „Арестантъ здоровъ, а въ поступкахъ также какъ и прежде не могу понять, воистину ль онъ въ умѣ помѣшался или притворничествуетъ. Сего мѣсяца 10го числа осердился что не далъ ему ножницъ; схвативъ меня за рукавъ, кричалъ что когда онъ говоритъ о порчѣ чтобы смотрѣть на лицо его прилежно, и будто я съ нимъ говорю грубо, а подпоручику, крича, говорилъ: смѣешь ли ты, свинья, со мною говорить? садился на окно: я опасенъ чтобы, разбивъ стекло, не бросился вонъ; и когда говорю чтобы не садился, не слушаетъ и многія безпокойства дѣлаетъ. Во время обѣда за столомъ всегда кривляетъ ротъ, головой и ложкой на меня, также и на прочихъ, взмахиваетъ и многія другія проказы дѣлаетъ. Стараюсь ему угождать, только ничѣмъ не могу, и что̀ болѣе угождаю, то болѣе безпокойствуетъ. 14го числа, по обыкновенію своему, говорилъ мнѣ о порчѣ; я сказалъ ему: „пожалуй оставь, я этой пустоты болѣе слушать не хочу“, потомъ пошелъ отъ него прочь. Онъ, схватя меня за рукавъ, съ великимъ сердцемъ рванулъ такъ что тулупъ изорвалъ. Я, боясь чтобъ онъ не убилъ, закричалъ на него: „что̀ ты меня бить хочешь! поэтому я тебя уйму“. И еслибъ я не вышелъ изъ казармы, онъ бы меня убилъ. Опасаюсь чтобы не согрѣшить, ежели не донести что онъ въ умѣ не помѣшался, однакожь весьма сомнѣваюсь, потому что о прочемъ обо всемъ говоритъ порядочно, доказываетъ Евангеліемъ, Апостоломъ, Минеею, Прологомъ, Маргаритою и прочими книгами, сказываетъ въ которомъ мѣстѣ и въ житіи котораго святаго пишется; когда я говорилъ ему что напраско сердится, чѣмъ прогнѣвляетъ Бога и много себѣ худа сдѣлаетъ, на что̀ говоритъ: ежелибъ онъ жилъ съ монахами въ монастырѣ, то бы не сердился, тамъ еретиковъ нѣтъ; и часто смѣется только весьма скрытно; нонѣшнее время предъ преж-

нимъ гораздо болѣе безпокойствуетъ.“ Въ іюлѣ: „Прикажите кого прислать, истинно возможности нѣтъ; я и о нихъ (офицерахъ) весьма сомнѣваюсь что нарочно раздражаютъ; не знаю что̀ дѣлать, всякій часъ боюсь что кого убьетъ; пока репортъ писалъ, нѣсколько разъ принужденъ былъ входить къ нему для успокоиванія, и много разъ старается о себѣ кто такой сказывать, только я, запрещая ему, выхожу вонъ.“

По приказанію Шувалова, Овцынъ спросилъ у арестанта кто онъ? Сначала онъ отвѣтилъ что онъ человѣкъ великій, и одинъ подлый офицеръ то у него отнялъ и имя перемѣнилъ; а потомъ назвалъ себя принцемъ. „Я ему сказалъ“, писалъ Овцынъ, „чтобъ онъ о себѣ той пустоты не думалъ и впредь того не вралъ, на что̀, весьма осердясь на̀ меня, закричалъ для чего я смѣю ему такъ говорить и запрещать такому великому человѣку. Я ему повторялъ чтобъ онъ этой пустоты конечно не думалъ и не вралъ и ему то приказываю повелѣніемъ, на что̀ онъ закричалъ: я и повелителя не слушаю, потомъ еще два раза закричалъ что онъ принцъ и пошелъ съ великимъ сердцемъ ко мнѣ; я, боясь чтобъ онъ не убилъ, вышелъ за дверь и опять, помедля, къ нему вошелъ: онъ, бѣгая по казармѣ въ великомъ сердцѣ, шепталъ что̀ не слышно. Видно что нонѣ гораздо болѣе прежняго помѣшался; дня три какъ въ лицѣ, кажется, нѣсколько почернѣлъ, и чтобъ отъ его не робѣть, въ томъ, высокосіятельнѣйшій графъ, воздержаться не могу; одинъ остаться не могу; когда станетъ шалить и сдѣлаетъ странную рожу, отъ чего я въ лицѣ измѣнюсь; онъ, то видя, болѣе шалитъ.“

Однажды Іоаннъ Антоновичъ началъ бранить Овцына неприличными словами и кричалъ: „Смѣешь ты на меня кричать: я здѣшней Имперіи принцъ и государь вашъ.“ По приказу Шувалова, Овцынъ сказалъ арестанту что „если онъ пустоты своей врать не отстанетъ, также и съ офицерами драться, то все платье отъ него отберутъ и пища ему не такая будетъ.“ Услыхавъ это, арестантъ спросилъ: „Кто такъ велѣлъ сказать?“ „Тотъ кто всѣмъ намъ командиръ“, отвѣчалъ Овцынъ. „Все это вранье“, сказалъ Іоаннъ, „и никого не слушаюсь, развѣ сама императрица мнѣ прикажетъ.“

Въ сентябрѣ 1759 года арестантъ велъ себя нѣсколько смирнѣе, потомъ опять сталъ браниться и драться и не было

спокойнаго часа; съ ноября опять сталъ смиренъ и послушенъ. Въ апрѣлѣ 1760 года Овцынъ доносилъ: „Арестантъ здоровъ и временемъ безпокоенъ, а до того всегда его доводятъ офицеры, всегда его дразнятъ." Въ 1761 году придумали средство лѣчить его отъ безпокойства, не давали чаю, не давали чулокъ крѣпкихъ, и онъ присмирѣлъ совершенно. *

Власьевъ и Чекинъ, находившіеся при Іоаннѣ Антоновичѣ восемь лѣтъ, показали послѣ кончины его, во время слѣдствія произведеннаго надъ Мировичемъ, что принцъ „обладалъ совершеннымъ здоровьемъ, но былъ косноязыченъ: не только произношеніе словъ съ крайнѣйшею трудностію и столь неразумительно производилъ что посторонним почти вовсе, а намъ, яко безотлучно при немъ находившимся, весьма трудно словъ его понять можно было; но еще для сего крайне неразумительнаго словопроизводства подбородокъ своей рукою поддерживалъ и къ верху привздымалъ; и къ тому принужденнымъ находился что безъ того и произносимыхъ словъ хоть мало понятными произвесть былъ не въ состояніи. При ѣдѣ былъ жаденъ и неразборчивъ. Ни единаго, во время 8 лѣтъ, нами момента не примѣчено въ коемъ бы онъ настоящимъ употребленіемъ разума пользовался. Не взирая на косноязычество, безпрестанно самъ вопросы себѣ чиня и отвѣтствуя, говорилъ такія коловратныя слова что всякому человѣку себя вообразить трудно, объявляя по часту о себѣ что онъ необыкновеннаго и преимущественнаго предъ нами и прочими людьми сложенія состоитъ, и что тѣло его есть принца Іоанна, назначеннаго предъ симъ императоромъ россійскимъ, который уже издавна отъ міра отшелъ, а самымъ дѣломъ онъ есть небесный духъ, а именно Св. Григорій, который на себя принялъ образъ и тѣло Іоанна, почему, презирая насъ и всѣхъ имъ видимыхъ человѣкъ, самомерзѣйшими тварями почиталъ. Сказывалъ что онъ часто въ небѣ бываетъ, что произносимыя нами слова и изнутри исходящій духъ—нечистый и огненный состоитъ, называлъ еретиками и опорочивалъ насъ въ томъ что какъ мы другъ предъ другомъ, такъ и предъ образами святыми поклоняемся, симъ мерзость и непотребство наше оказывается, а небесные де духи, изъ числа коихъ и онъ, никому покланяться не могутъ. Очень хотѣлось ему быть митрополитомъ." Власьевъ и Чекинъ возражали ему „что митрополитомъ быть

* Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXII. 100—103.

ему нельзя, потому что митрополитъ и образамъ и людямъ кланяется; Иванъ отвѣчалъ что испроситъ у Бога дозволенія временемъ и поклоны чинить. Былъ сердитаго, горячаго и свирѣпаго нрава и никакого противорѣчія не сносилъ.“ *

Вотъ каковъ былъ несчастный арестантъ, бывшій императоръ; онъ едва ли могъ считаться опаснымъ претендентомъ. Быть-можетъ онъ какъ-нибудь и научился грамотѣ. Знакомство съ духовною литературой можетъ, пожалуй, заставить думать что онъ, въ самомъ дѣлѣ, между 1754 и 1756 годами находился нѣкоторое время въ какомъ-нибудь монастырѣ. Хотя онъ, какъ видно, и зналъ о своемъ происхожденіи, и вѣроятно тѣмъ болѣе страдалъ отъ грубаго съ нимъ обращенія офицеровъ, однако велъ себя не какъ принцъ или вообще какъ представитель высокаго общества, а совершенно усвоилъ себѣ пріемы той среды въ которой онъ находился съ дѣтства. Къ тому же въ его помѣшательствѣ нельзя сомнѣваться.

Послѣ Елисаветы на престолъ вступилъ Петръ III. Чрезвычайно любопытно то обстоятельство что въ публикѣ тогда ходили слухи будто императрица въ послѣднее время своего царствованія хотѣла назначить наслѣдникомъ престола не Петра Ѳедоровича, а Іоанна Антоновича. По крайней мѣрѣ бывшій митрополитъ Ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ, содержавшійся арестантомъ въ Корельскомъ монастырѣ, осуждая образъ дѣйствій правительства въ отношеніи къ Мировичу и Іоанну, говорилъ между прочимъ о Елисаветѣ что она „бывшаго государя (Петра III) не любила и не хотѣла чтобъ онъ былъ послѣ нея преемникомъ престола. Ивана-то жь Антоныча поближе и привезли для того чтобъ онъ послѣ ея престолъ принялъ.“ Эти слова возбудили особенный гнѣвъ императрицы Екатерины. Въ „проектѣ указа объ Арсеніѣ“, составленномъ при содѣйствіи самой императрицы, сказано въ четвертомъ пунктѣ: „Оный же Арсеній *противу настоящаго и будущаго Россійской Имперіи благосостоянія* ложно жь разсѣвалъ, что яко бы въ Бозѣ усопшая государыня, Елисаветъ Петровна, намѣрена была возвести на престолъ, по кончинѣ своей, принца Ивана, однакожь въ томъ что и сіи слова вымышлены имъ самимъ, *по*

* См. *документы о Мировичѣ* въ сочиненіи Ег. Ковалевскаго о графѣ Блудовѣ, стр. 229 и 230.

самой его коварной и зломъ объятой совѣсти, а къ Государству явному недоброхоодству, не признался, а показалъ что будто бы отъ кого тѣ слова слышалъ не помнитъ, *чему по тому жъ вѣрить не можно, ибо какъ онъ сіи разглашенія ложныя дѣлалъ, то въ то время тѣмъ людямъ того чтобъ отъ кого онъ тѣ слова слышалъ нимало не упоминалъ, а выговаривалъ такимъ образомъ какъ бы въ самой истинѣ то ея величества намѣреніе онъ утвердительно вѣдалъ.*" *

Хотя въ народѣ и ходили слухи о таковомъ намѣреніи императрицы Елисаветы, нельзя однако считать вѣроятнымъ чтобъ она въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь могла имѣть такое намѣреніе. Мы знаемъ что между Елисаветою и ея племянникомъ иногда и былъ разладъ, но едва ли такія непріятности могли внушать Елисаветѣ мысль о лишеніи Петра правъ на престолъ. Петръ III безъ малѣйшаго препятствія вступилъ на престолъ, Іоаннъ же оставался въ заключеніи.

Чрезвычайно любопытно еще другое извѣстіе, будто въ 1749 году нѣкоторыми вельможами и сановниками былъ составленъ заговоръ съ цѣлью въ случаѣ скоропостижной кончины императрицы арестовать Петра Θеодоровича и его супругу Екатерину и провозгласить императоромъ Іоанна Антоновича. О таковомъ предположеніи писалъ въ своей депешѣ отъ $^{14}/_{25}$ декабря извѣстный дипломатъ Линаръ, который, между прочимъ, разказываетъ что заговорщиковъ было очень много, но что всѣ они дѣйствовали столь осторожно, что никто изъ нихъ не подвергнулся слѣдствію. **

---

* Приведенное нами курсивомъ зачеркнуто Екатериною. См. *Чтенія* 1862, III. *Смѣсь* 166 и 176.

** По важности этого извѣстія мы считаемъ не лишнимъ привести все мѣсто депеши относящееся къ этому дѣлу: „L'annèe passée, lorsque l'Impératrice eût á Moscow cette forte attaque de colique qui lui fit perdre toute connaissance et la mit à deux doigts de la mort, il y eût de très grands mouvements à la cour aussi bien qu'en ville. Pendant toute la nuit il n' y eût que des assemblées et des conférences secrètes, où il fut concerté parmi les principaux ministres et officiers, qu'aussitôt que l' impératrice aurait rendu l'âme, on s'assurerait de la personne du grand-duc et de la grande-duchesse, et proclamerait le prince Iwan empereur. Le nombre des personnes qui ont trempé là dedans est fort grand, quoique jusqu'ici, malgré les querelles particulières qui en divisent plusieurs, il ne se soit encore trouvé aucun qui ait trahi l'autre,

Нельзя при совершенномъ пока отсутствіи прочихъ данныхъ, опредѣлить точно, былъ ли дѣйствительно составленъ такой заговоръ или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Петръ Θеодоровичъ какъ наслѣдникъ престола не пользовался популярностью. Съ различныхъ сторонъ указывались опасные для него соперники. По случаю рожденія великаго князя Павла Петровича, Бестужевъ рѣшилъ, въ случаѣ кончины государыни, возвести на престолъ ея внука, а правительницею провозгласить Екатерину. Съ рожденіемъ правнука Петра Великаго, объ Іоаннѣ Антоновичѣ говорили менѣе.

Все это однако не помѣшало Петру вступить на престолъ. Послѣдній, освобождая многихъ ссыльныхъ и арестантовъ, возвращая ко двору разныхъ политическихъ преступниковъ, наказанныхъ при императрицѣ Елисаветѣ, вспомнилъ и объ Іоаннѣ Антоновичѣ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, намѣревался отправить его въ Германію, а по другимъ, даже мечталъ объ усыновленіи Іоанна и о назначеніи его наслѣдникомъ престола. Говорили также о намѣреніи Петра III женить Іоанна на принцессѣ Голштейнъ-Бекской, находившейся тогда въ С.-Петербургѣ. **

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что Петръ III серіозно мечталъ о средствахъ смягчить судьбу Іоанна Антоновича, несмотря на то что „арестантъ" и при Петрѣ III считался опаснымъ претендентомъ. Между лицами ожидавшими въ Россіи переворота въ пользу Іоанна Антоновича, мы встрѣчаемъ Фридриха Великаго.

Фридрихъ былъ весьма многимъ обязанъ Петру III, вступленіе на престолъ котораго было спасеніемъ для Пруссіи. Уже во время царствованія императрицы Елисаветы, наслѣдникъ престола тайно переписывался съ Прусскимъ королемъ, доно-

---

puisque étant tous complices, ils savent bien qu'il faudrait toujours commencer par souffrir le knouth, et qu'en rendant les autres malheureux, ils le deviendraient eux-mêmes. Je soupçonne beaucoup de gens d'avoir été du complot, surtont ceux qui ont raison de se méfier du grand-duc et qui naturellement se promettent plus de faveur de la part d'un prince, á l'élévation duquel ils auraient contribué." См. сочиненіе Геррманна *Geschichte des russ. Staats.* V. 166.

** См. депешу Брюля въ соч. Геррманна *Gesch. d. russ. Staats* V. 272, и біографію Екатерины, Кастейра (въ нѣм. перев.) I, 47.

силъ ему о намѣреніяхъ русскаго правительства, о состояніи русскаго войска, о приготовленіяхъ къ войнѣ и пр. Дружба между Петромъ III и Фридрихомъ Великимъ была поэтому довольно естественною. Фридрихъ Великій долженъ былъ желать чтобы Петръ не подвергалъ своего царствованія какимъ-либо опасностямъ. Для этой цѣли онъ постоянно сообщалъ ему свои на этотъ счетъ соображенія и былъ не только другомъ, но нѣкоторымъ образомъ и наставникомъ Русскаго императора.

Переписка между двумя государями недавно была напечатана въ *Русской Старинѣ*. Изъ нея мы видимъ какъ Фридрихъ Великій не совсѣмъ одобрялъ намѣренія Петра объявить войну Даніи, потому что война въ Голштиніи, требовавшая продолжительнаго отсутствія императора изъ Россіи, по мнѣнію Прусскаго короля, легко могла бы подать поводъ къ возстанію противъ Петра и въ пользу шлюссельбургскаго арестанта. Въ письмѣ отъ 23го апрѣля (4го мая), Фридрихъ представлялъ Петру что какой-нибудь авантюристъ, во время пребыванія императора за границею, легко могъ бы затѣять бунтъ, освободить Іоанна съ помощію чужихъ денегъ, собрать войско и возвести на престолъ Брауншвейгскаго принца и пр. Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо, Петръ III замѣтилъ что на счетъ Іоанна нѣтъ основанія безпокоиться, ибо онъ содержится подъ крѣпкимъ карауломъ, что онъ вообще довѣряетъ своимъ подданнымъ и не видитъ никакой опасности и пр. *

Скоро послѣ отправленія этого письма, Петръ III былъ въ Шлюссельбургѣ чтобы лично познакомиться съ Іоанномъ Антоновичемъ. Объ этомъ свиданіи мы имѣемъ два разказа, которые основаны оба на устномъ сообщеніи барона Корфа, сопровождавшаго Петра III въ Шлюссельбургъ и бывшаго свидѣтелемъ бесѣды между императоромъ и арестантомъ. Эти разказы помѣщены въ монографіи объ Іоаннѣ Антоновичѣ, напечатанной въ сборникѣ Бюшинга, и въ сочиненіи Кастейра о Екатеринѣ. Хотя оба автора черпали изъ одного общаго источника, ихъ показанія значительно расходятся во мно-

---

* См. переписку между Фридрихомъ и Петромъ, въ *Русской Старинѣ* 1871 года, мартъ.

тихъ частностяхъ. Гораздо болѣе правдоподобнымъ кажется разказъ въ сборникѣ Бюшинга. Онъ короче повѣствованія Кастейра, который очень любитъ сочинять анекдоты и книга котораго вообще наполнена многими неточными данными и произвольными предположеніями не подтверждаемыми фактами и не выдерживающими критики.

Сущность этихъ разказовъ, основанныхъ на сообщеніи того же самаго Корфа, который, какъ мы видѣли выше, по порученію императрицы Елисаветы, въ 1744 году провожалъ Брауншвейгскую фамилію изъ Раненбурга въ Холмогоры, * заключается въ слѣдующемъ:

Въ мартѣ 1762 года, однажды рано утромъ, императоръ, въ сопровожденіи генерала и полицеймейстера барона Корфа, Александра Нарышкина, Унгернъ-Штернберга и Волкова, тайно, въ извощичьихъ экипажахъ, отправился изъ Петербурга въ Шлюссельбургъ; даже дядя императора, герцогъ Георгъ Людвигъ, только въ полдень того дня узналъ объ отсутствіи государя. Какъ кажется и комендантъ шлюссельбургскій не долженъ былъ знать офиціально кто были посѣтители. Говорится о собственноручномъ приказаніи Петра Бередникову показать посѣтителямъ въ Шлюссельбургѣ все безъ исключенія.

Немного ранѣе Петра пріѣхалъ въ Шлюссельбургъ генералъ-адъютантъ Унгернъ - Штернбергъ, который осмотрѣлъ помѣщеніе служившее тюрьмою для Іоанна. Комната была большая, но нѣсколько темная, потому что имѣла лишь одно небольшое окно, предъ которымъ были поставлены дрова. На вопросъ Унгернъ-Штернберга арестанту, знаетъ ли онъ кто онъ такой, Іоаннъ отвѣчалъ что знаетъ и называлъ себя Іоанномъ Антоновичемъ; впрочемъ онъ оказался совершенно неспособнымъ мыслить ясно и говорить отчетливо. Когда пріѣхали императоръ и другіе гости, они передали Іоанну разные подарки, часы, табатерки, шелковый шлафрокъ. Принцъ

* У Бюшинга, VI, стр. 571 сказано въ концѣ разказа: „Ich habe alle obige Umstände von dem Besuche.... aus dem Munde seines Begleiters, des Generals von Korff, erfahren“. У Кастейра, I. 92 „Seine (Ioann's) uns durch den Baron Korff wörtlich mitgetheilten... Äusserungen gegen Peter III“. Германнъ заимствовалъ свой разказъ, V. 272, изъ заключающаго въ себѣ многія неточности сочиненія: *Biographie Peters III.* Tubingen, 1808. II. 77.

особенно былъ обрадованъ шлафрокомъ, положилъ его подъ подушку и замѣтилъ что надѣнетъ въ ближайшій будущій праздникъ. Его постель была совершенно простая, также и платья его были простыя, но онъ старался содержать ихъ опрятно и порядочно. Его кожа отличалась бѣлизною. На вопросъ Петра, почему арестантъ воображаетъ себя императоромъ и кто внушилъ ему эту мысль? Онъ отвѣчалъ что знаетъ объ этомъ отъ родителей и отъ солдатъ. На вопросъ что̀ онъ знаетъ о своихъ родителяхъ, заключенный отвѣчалъ что ихъ еще помнитъ. Затѣмъ жаловался на офицеровъ, но хвалилъ Корфа и т. д.

Все это намъ кажется болѣе или менѣе сомнительнымъ. Съ Корфомъ Іоаннъ Антоновичъ, какъ мы знаемъ изъ документовъ, имѣлъ дѣло лишь весьма короткое время, бывши четырехъ-лѣтнимъ ребенкомъ въ Раненбургѣ. На пути въ Холмогоры и въ Холмогорахъ, не Корфъ, а Миллеръ находился при Іоаннѣ. Значитъ разказы о благопріятныхъ отзывахъ Іоанна о Корфѣ не заслуживаютъ особеннаго довѣрія. Кастейръ разказываетъ даже что Унгернъ-Штернбергъ спросилъ мнѣнія принца о судьбѣ предстоявшей Петру III (!) и что Іоаннъ на это отвѣчалъ будто предположеніемъ что Петръ не будетъ царствовать долго, потому что Русскіе не любятъ иностранныхъ принцевъ и т. п. Авторъ біографіи Петра III разказываетъ другую нелѣпость, будто Іоаннъ изъявилъ Петру желаніе чтобы послѣдній царствовалъ дольше его. У Бюшинга встрѣчается замѣтка будто Іоаннъ, не знавшій что съ нимъ говоритъ императоръ, сказалъ Петру что онъ слыхалъ о Петрѣ и Екатеринѣ и что онъ непремѣнно велитъ казнить обоихъ тотчасъ послѣ своего вступленія на престолъ. Гораздо вѣроятнѣе подобныхъ анекдотовъ, разказъ что арестантъ, по предложенію Петра высказать свои желанія, просилъ свѣжаго воздуха, съ которымъ ознакомился чрезъ разбитое оконное стекло.

Императоръ предполагалъ построить для Іоанна особый домъ въ Шлюссельбургской крѣпости и предоставить ему болѣе свободы. Легаціонный секретарь при саксонскомъ посольствѣ, Гельбигъ, котораго Германнъ считаетъ авторомъ біографіи Петра III, напечатанной въ Тюбингенѣ въ 1808 году, разказываетъ будто тотъ домъ, строившійся до окончанія царствованія Петра, оставался въ послѣдствіи долгое время въ неоконченномъ видѣ. Онъ же замѣчаетъ что въ

этотъ же самый домъ Петръ хотѣлъ заключить и свою супругу императрицу. Сальдернъ разказываетъ что Петръ приказалъ обучать Іоанна грамотѣ, пріучать его къ нахожденію на свѣжемъ воздухѣ, но не отвѣчать на его вопросы о происхожденіи. Довольно смѣшною оказывается замѣтка у Кастейра, будто посѣщеніе Іоанна Петромъ усилило въ послѣднемъ желаніе назначить Іоанна наслѣдникомъ престола. Кастейра далѣе говоритъ о намѣреніи императора окружить Іоанна въ Шлюссельбургѣ придворнымъ штатомъ и пр. Нѣсколько правдоподобнѣе замѣтка, встрѣчающаяся и у Кастейра и въ біографіи Іоанна у Бюшинга, будто дядя Петра III, принцъ Георгъ Людвигъ Голштейнскій убѣждалъ императора отправить и Іоанна и родственниковъ его за границу.

Всѣ эти данныя могутъ считаться шаткими. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ что Петръ вообще имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ въ Шлюссельбургѣ, о частностяхъ же того свиданія не знаемъ ничего положительнаго.

Еще одинъ вопросъ обращаетъ на себя наше вниманіе. Кастейра, авторъ біографіи Петра III (Гельбигъ) и авторъ біографіи Іоанна у Бюшинга, разказываютъ будто бы Іоаннъ въ 1762 году находился нѣсколько недѣль въ Кексгольмѣ. Кастейра говоритъ: „Петръ пока довольствовался отправленіемъ Іоанна въ Кексгольмъ, находившійся гораздо ближе къ Петербургу нежели Шлюссельбургъ. Мы при этомъ не можемъ не упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ, доказывающемъ что судьба неумолимо преслѣдовала всюду несчастнаго Іоанна. Какъ скоро Іоаннъ взошелъ на судно, на которомъ онъ долженъ былъ переѣхать въ Кексгольмъ, сдѣлалась жестокая буря, такъ что судно его едва не потонуло.“ Въ этомъ разказѣ утверждается будто Кексгольмъ ближе къ Петербургу нежели Шлюссельбургъ, между тѣмъ какъ разстояніе между Петербургомъ и Кексгольмомъ въ четыре раза значительнѣе чѣмъ разстояніе между Петербургомъ и Шлюссельбургомъ. Гельбигъ разказываетъ что „по смерти Петра III Іоаннъ на нѣсколько недѣль былъ отправленъ въ Кексгольмъ, а затѣмъ возвратился въ свою прежнюю темницу въ Шлюссельбургѣ. О тайномъ перевозѣ Іоанна на короткое время въ Кексгольмъ, въ первое время царствованія Екатерины, говоритъ и авторъ біографіи Іоанна у Бюшинга. * При отсутствіи документальныхъ

---

* Кастейра I, 137. *Biographie Peters des Dritten* II, 79. *Büsching's Magazin* VI, 532.

данныхъ обо этомъ дѣлѣ, вопросъ о пребыванiи Iоанна въ 1762 году въ Кексгольмѣ долженъ пока оставаться открытымъ.

Лѣтомъ 1762 года Екатерина II вступила на престолъ. Мы видѣли что при Петрѣ III Фридрихъ Великiй считалъ Iоанна Антоновича опаснымъ соперникомъ императора. При Екатеринѣ II Вольтеръ выразилъ такого рода опасенiя въ письмѣ къ графу д'Аржанталю, отъ 28 сентября 1762 года: „Я немного безпокоюсь насчетъ моей императрицы Екатерины. Вы знаете что она поручила мнѣ просить энциклопедистовъ чтобъ они перенесли печатанiе своего словаря къ ней въ Россiю. Эта пощечина, данная изъ Скиѳiи глупцамъ и бездѣльникамъ, доставила мнѣ высочайшее удовольствiе, которое и вы должны раздѣлять со мною, но я крѣпко боюсь чтобъ Iоаннъ не свергъ съ престола нашей благодѣтельницы, а вѣдь этотъ молодой человѣкъ, воспитанный въ Россiи монахами, далеко, вѣроятно, не будетъ философомъ.“ * Повидимому Вольтеръ не надѣялся на прочность образовавшагося въ Россiи новаго правительства. При неожиданности и быстротѣ перемѣнъ на русскомъ престолѣ онъ считалъ возможнымъ новый переворотъ, а именно въ пользу шлюссельбургскаго узника. Любопытно что и Вольтеръ говорилъ о воспитанiи Iоанна монахами.

Екатерина вступила на престолъ вслѣдствiе государственнаго переворота. Начало ея царствованiя въ этомъ отношенiи было сходно съ началомъ царствованiя Елисаветы. Мы видѣли какъ послѣдняя въ первое время считала свое положенiе не достаточно обезпеченнымъ, какъ она безпокоилась и принимала разныя мѣры для сохраненiя новаго порядка. Современники сообщаютъ о подобныхъ опасенiяхъ и въ первое время царствованiя Екатерины. Иностранный дипломатъ Беранже пишетъ: „Малѣйшее приключенiе возбуждаетъ сильныя опасенiя императрицы. Часто она безпокоится безъ всякаго основанiя, и только съ большимъ трудомъ можно разсѣять ея опасенiя.“

Мы имѣемъ лишь неполныя данныя о мѣрахъ принятыхъ Екатериною въ первое время ея царствованiя въ отношенiи къ Iоанну Антоновичу. Намъ неизвѣстно откуда г. Семевскiй заимствовалъ слѣдующую замѣтку: „Екатерина II, по вос-

---

* См. статью Шугурова о Дидро въ сборникѣ *Осьмнадцатый Вѣкъ* I, 338.

шествіи своемъ на престолъ, нашла нужнымъ, по отношенію къ Іоанну, возобновить прежнія о немъ распоряженія Елисаветы: запретила выводить его изъ каземата, говорить съ окружающими, читать, писать и вообще заниматься чѣмъ бы то ни было что̀ только служитъ къ развитію умственныхъ способностей.“ * Та́кія мѣры не согласуются съ тѣми данными которыя заключаются въ манифестѣ о кончинѣ Іоанна Антоновича. Онѣ не согласуются и съ характеромъ Екатерины. Столь тяжелое обвиненіе императрицы едва ли имѣетъ основаніе. Вотъ что̀ говоритъ она сама въ манифестѣ о кончинѣ шлюссельбургскаго арестанта: „Когда... Богъ благословилъ вступить намъ на престолъ.. и мы, вѣдая въ живыхъ еще находящагося тогда принца Іоанна.... то первое намъ было, по принесеніи хвалы Богу Всемогущему, желаніе и мысль, по природному нашему человѣколюбію, чтобы сему судьбою Божіею низложенному человѣку сдѣлать жребій облегченный въ стѣсненной его отъ младенчества жизни. Мы тогда же положили сего принца сами видѣть, дабы, узнавъ его душевныя свойства, и жизнь ему по природнымъ его качествамъ и по воспитанію которое онъ до того времени имѣлъ опредѣлить спокойную. Но съ чувствительностію нашею увидѣли въ немъ кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго. Всѣ бывшіе тогда съ нами видѣли сколько наше сердце сострадало жалостію человѣчеству. Всѣ напослѣдокъ и то увидѣли что намъ не оставалось сему нещастно-рожденному, а нещастнѣйше еще взросшему, иной учинить помощи, какъ оставить его въ томъ же жилищѣ въ которомъ мы его нашли затвореннаго, и дать всякое человѣческое возможное удовольствіе, что̀ и дѣломъ самимъ немедлено учинить повелѣли, и т. д.“ **

Изъ этого документа видно что Екатерина, подобно Петру III, посѣтила Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ. Когда именно состоялось это свиданіе, мы не знаемъ. Нигдѣ мы не находимъ данныхъ относящихся къ этому случаю. ***

* См. статью г. Семевскаго въ *Отеч. Зап.* т. 165, стр. 537.

** *Полное Собраніе Законовъ*, № 12.228.

*** Въ біографіи Іоанна напечатанной у Бюшинга сказано, IV, 532: „Um dieselbe Zeit (то-есть когда Іоаннъ изъ Кексгольма отправленъ былъ въ Шлюссельбургъ) war auch die Kaiserin neugierig ihn zu

Между записками Екатерины относящимися къ первому времени ея царствованія встрѣчается слѣдующая записка къ Н. И. Панину. Мы не знаемъ, о какомъ лицѣ говорится, однако содержаніе записки можетъ относиться къ Іоанну Антоновичу. Императрица пишетъ: „Мое мнѣніе есть чтобъ.... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался, только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленный монастырь, особливо въ такой гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ какъ и нынѣ; еще справиться можно нѣтъ ли посреди Муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ". *

Впрочемъ кромѣ Іоанна Антоновича въ то время находился въ заключеніи еще другой важный арестантъ, а именно бывшій митрополитъ Ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ. Но записка не можетъ относиться къ послѣднему. Арсеній уже былъ монахомъ; нельзя было писать что слѣдуетъ его „постричь".

Мы говорили выше о странной мысли женить Іоанна Антоновича на императрицѣ Елисаветѣ. Изъ статьи о Іоаннѣ помѣщенной въ Сборникѣ Бюшинга мы узнаемъ что въ первое время царствованія Екатерины подобная мысль возникла и въ отношеніи къ ней. Тамъ сказано: „Скоро послѣ кончины Петра III, нѣкоторыя лица сдѣлали императрицѣ нелѣпое предложеніе вступить въ бракъ съ принцемъ Іоанномъ. Я называю такое предложеніе нелѣпымъ потому что принцъ не только былъ гораздо моложе императрицы, но и совершенный невѣжда и идіотъ. Тѣмъ не менѣе Синодъ былъ склоненъ къ осуществленію этой мысли: однако монархиня не согласилась на такое предложеніе." **

Былъ, какъ извѣстно, слухъ что императрица въ началѣ своего царствованія желала вступить въ бракъ съ Григоріемъ Орловымъ, но что нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ старались убѣдить Екатерину въ неудобствѣ такой мѣры. Въ публикѣ ходили толки и слышались неблагопріятные отзывы.

Между лицами распускавшими слухи о намѣреніи императрицы вступить въ бракъ съ однимъ изъ своихъ подданныхъ

---

sehen; ich weiss aber weder wo sie ihn gesehen hat, noch was bei dieser Gelegenheit vorgefallen ist. Es wird aber im Namen der Monarchin etwas davon in ihrem Manifest erzählt."

* См. *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества,* т. VII, стр. 364.

** Büsching, *Magazin* IV, стр. 532.

былъ камеръ-юнкеръ Хитровъ, довольно богатый человѣкъ, имѣвшій родственныя связи со знатными людьми, впрочемъ, какъ кажется, легкомысленный и сверхъ того лично оскорбленный гордостью Орловыхъ. Онъ вздумалъ собрать *патріотовъ* и предлагалъ имъ: „явиться всѣмъ вмѣстѣ къ государынѣ, представить ей что бракъ съ Орловымъ будетъ гибеленъ для нея и отечества, что если ей угодно выйти замужъ, то лучше ей избрать въ супруги одного изъ *Иванушкиныхъ* братьевъ, или же выдти за какого-нибудь иностраннаго принца“.

Все это сдѣлалось извѣстнымъ правительству. Хитровъ однако не былъ строго наказанъ; съ него взята подписка о храненіи всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла въ глубочайшей тайнѣ, а кромѣ того онъ удаленъ отъ двора и столицы. *

Мы уже не разъ упоминали объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, тогда находившемся въ ссылкѣ въ Корельскомъ Николаевскомъ монастырѣ. Онъ же говаривалъ слова такія о Екатеринѣ: „Ея де величество наша не природная, и она де не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало де ей россійскаго престола принимать, а слѣдовало Ивану Антоновичу, или бы лучшее было кабы ея величество за него вступила въ супружество, то бы де ей уже и престолъ слѣдовалъ, а ея де величество съ нимъ не въ ближнемъ родствѣ, а въ шестомъ колѣнѣ, а для такихъ бы персонъ Синодъ бы дозволить могъ“. При допросѣ Арсеній сказалъ что говорилъ это со словъ подпрапорщика Алексѣевскаго, ибо оный сказывалъ ему что государыня объявила въ Сенатѣ что̀ она вступаетъ въ супружество за Орлова и тогда де всѣ сенаторы вставъ просили государыню чтобы того не было, на что̀ онъ тогда Алексѣевскому и сказалъ: „Такъ де лучше ей за Ивана Антоныча итти, нежели за Орлова, да и Синодъ бы въ томъ позволилъ“. **

Изъ этого дѣла видно что вопросъ о бракѣ Екатерины интересовалъ публику и что съ этимъ вопросомъ было тѣсно сопряжено имя Іоанна.

При такомъ настроеніи умовъ въ отношеніи къ Іоанну, не мудрено что правительство считало нѣсколько опасными разные толки о бывшемъ императорѣ. Французскій публицистъ и астрономъ Шаппъ д'Отерошъ, въ своемъ сочиненіи *Путешествіе въ Сибирь*, разказываетъ слѣдующее: „Въ бытность

---

* *Осьмнадцатый Вѣкъ* I, 77—78.

** См. *Чтенія Моск. Общ. Истор. и Др.* 1862. III. Смѣсь. 165 и слѣд.

мою въ Петербургѣ, мнѣ случилось быть у служащаго иностранца. Изъ любознательности я спросилъ умеръ ли принцъ Иванъ или еще живъ; мнѣ отвѣтили шопотомъ на ухо что объ этомъ принцѣ въ Россіи не говорятъ. Насъ однако въ комнатѣ было только три Француза, и она имѣла болѣе тридцати футовъ въ квадратѣ". *

Мы знаемъ что самъ Іоаннъ не могъ быть опаснымъ. Но его имя было опасно. Онъ оставался претендентомъ. Лица недовольныя правительствомъ легко могли надѣяться на него при какой-либо попыткѣ произвести государственный переворотъ. Первое время царствованія Екатерины представляло цѣлый рядъ затрудненій, съ которыми боролось новое правительство. У нея было много противниковъ. Зная ея энергію, нѣкоторые современники считали вѣроятнымъ что она сдѣлаетъ все возможное дабы избавиться отъ вѣчно грозившей опасности со стороны Іоанна Антоновича. Чрезвычайно любопытно на этотъ счетъ замѣчаніе въ сочиненіи Германна, основанное, безъ всякаго сомнѣнія, на депешѣ одного изъ иностранныхъ дипломатовъ, что въ первое время царствованія Екатерины, по случаю разныхъ манифестацій противъ новаго правительства, люди знающіе при дворѣ говорили что Іоанну никакъ нельзя миновать смерти. **

---

* См. *Voyage en Sibérie,* par Chappe d'Auteroche. Amsterdam, 1769. I.192. Екатерина впрочемъ старалась объяснить этотъ случай слѣдующимъ образомъ, въ своемъ сочиненіи *Antidote,* написанномъ для опроверженія Шаппа д'Отероша: „Былъ особый случай въ 1762 году когда аббатъ проѣзжалъ чрезъ Петербургъ: три Француза искатели приключеній понадѣялись заслужить большую награду доносомъ на рѣчи противъ правительства, веденныя въ знатномъ домѣ, въ которомъ они состояли на службѣ. Фактъ этотъ сдѣлался гласнымъ, очень можетъ быть что хозяинъ дома въ которомъ находился аббатъ зналъ эту исторію и не былъ особенно хорошаго мнѣнія о двухъ Французахъ находившихся въ комнатѣ, по словамъ аббата. Итакъ, опасаясь послѣ приведеннаго случая, происшедшаго весьма недавно, чтобы не было дано вредное толкованіе опрометчивымъ рѣчамъ его собесѣдника и его собственнымъ отвѣтамъ, онъ чтобъ отдѣлаться отъ аббата, сказалъ ему на ухо то что онъ передаетъ." См. *Осьмнадцатый Вѣкъ* IV, 323.

** Äusserung eines mit der Geheimgeschichte jener Zeit vertrauten Diplomaten.... der instruirte Theil des Hofes habe davon gesprochen, dass Ioann werde sterben müssen. Herrmann V, 647.

Двумя годами позже, Мировичъ сдѣлалъ попытку освободить Іоанна изъ Шлюссельбурга и возвести его на престолъ, и при этомъ случаѣ развѣнчанный императоръ былъ убитъ. Пошли слухи будто императрица желая имѣть случай для умерщвленія Іоанна принимала нѣкоторое тайное участіе въ заговорѣ Мировича.

При довольно богатомъ архивномъ матеріалѣ которымъ мы располагаемъ въ настоящее время относительно этого мрачнаго эпизода царствованія Екатерины, можно доказать что слухи о тайномъ участіи Екатерины въ дѣлѣ Мировича лишены всякаго основанія, хотя и вѣрили этимъ слухамъ не только нѣкоторые современники Екатерины, а именно нѣкоторые дипломаты и публицисты, но и нѣкоторые позднѣйшіе историки, а между ними осторожный и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный авторъ сочиненія *Geschichte des russischen Staats*, профессоръ Марбургскаго университета Эрнстъ Германнъ. Въ пятомъ томѣ этого сочиненія катастрофѣ Іоанна посвящено нѣсколько страницъ, однако этотъ разказъ, основанный исключительно на сообщеніяхъ дипломатовъ-современниковъ, не согласуется съ тѣми данными которыя заключаются въ доступномъ намъ архивномъ матеріалѣ.

Прежде всего наша задача заключается въ разборѣ тѣхъ источниковъ которые впервые говорили о заговорѣ Мировича и объ убіеніи Іоанна какъ о результатѣ сложной и хитрой интриги императрицы Екатерины. Эти писатели именно Кастейра̀, Сальдернъ и Гельбигъ.

Кастейра̀ разказываетъ что Екатерина желала освободиться отъ опаснаго соперника и въ то же время старалась дать всему дѣлу такой оборотъ чтобъ участіе ея ни въ чемъ не было замѣчено. Потому будто бы сказали Мировичу что онъ предпринимая освобожденіе Іоанна легко можетъ сдѣлать карьеру. Екатерина знала де обо всемъ уже отправляясь въ Прибалтійскій край, въ то время когда Мировичъ приступилъ къ исполненію дѣла. Поэтому она обнаруживала во время своего пребыванія въ Ригѣ сильное безпокойство и съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстія о совершившемся преступленіи. Даже ночью она иногда вставала, спрашивая не пріѣхалъ ли курьеръ изъ Петербурга. Рижскій губернаторъ Браунъ приписывалъ безпокойство императрицы какому-то сверхестественному предчувствію. Кровавое происшествіе въ Шлюссельбургѣ, утверж-

даетъ Кастейра, сдѣлало Екатерину ненавистною въ глазахъ ея подданныхъ; въ публикѣ собирали мельчайшія данныя о преступленіи Мировича, подвергали всѣ эти данныя строгому разбору, и пришли де къ такому результату что Екатерина до отъѣзда въ Лифляндію приняла всѣ мѣры къ осуществленію столь коварнаго предпріятія. По случаю ея возвращенія въ Петербургъ, народъ, бывшій свидѣтелемъ ея въѣзда, старался будто бы видѣть въ чертахъ ея лица доказательство ея вины, однако она казалась де совершенно спокойною и ни малѣйшимъ знакомъ не обнаружила что совѣсть ея обременена сознаніемъ тяжелаго преступленія. По случаю процесса Мировича, небрежность съ которою произведено было слѣдствіе, самонадѣянность, нахальство и шутки Мировича при допросахъ доказывали де явно что онъ дѣйствовалъ по соглашенію съ органами правительства. Вездѣ разказывали что Мировичъ положительно не ожидалъ казни, но что онъ сдѣлался жертвою своего легковѣрія, что на эшафотѣ спѣшили казнить Мировича, вопервыхъ, чтобъ этимъ разсѣять слухъ о томъ „будто Екатерина пригласила его къ умерщвленію Іоанна“, а вовторыхъ, чтобъ избавиться этимъ самымъ отъ свидѣтеля который каждую минуту могъ компрометтировать высокихъ соучастниковъ. *

Такъ разказываетъ Кастейра, очевидно основываясь на слухахъ и толкахъ. Не трудно открыть въ этомъ разказѣ противорѣчія. Въ началѣ сказано что Мировичъ дѣйствуя за одно съ высокопоставленными лицами хотѣлъ *освободить* Іоанна для того чтобы возвести его на престолъ, а въ концѣ разказа что Екатерина не желала показывать вида будто она пригласила Мировича къ *умерщвленію* Іоанна. Авторъ, очевидно, желаетъ представить все дѣло въ такомъ видѣ будто сообразно съ проектомъ интриги, Мировичъ долженъ былъ сдѣлать попытку освободить Іоанна лишь съ тою цѣлью чтобы тѣмъ самымъ подать поводъ къ убіенію его сторожившими его офицерами. Далѣе Кастейра разказываетъ что Мировичъ видя неудачу, то-есть видя трупъ Іоанна Антоновича, ужаснулся, и наконецъ повѣствуетъ о томъ какъ Мировичъ зная что все дѣло ни болѣе ни менѣе какъ комедія, разыгрывающаяся по заранѣе составленной программѣ, нагло шутилъ при допросахъ.

---

* Кастейра (нѣм. пер.) I. 196—199.

Довольно сходенъ съ разказомъ Кастейра разказъ Сальдерна, заключающійся главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Лица окружавшія Екатерину совѣтовали де императрицѣ для того чтобъ освободиться отъ Іоанна воспользоваться инструкціею данною при императрицѣ Елисаветѣ и въ силу которой офицерамъ находящимся при Іоаннѣ вмѣнялось въ обязанность убить принца въ ту же минуту когда кѣмъ бы то ни было будетъ сдѣлана попытка къ его освобожденію. Петръ III отмѣнилъ де эту инструкцію, но Екатерина, до поѣздки въ Лифляндію, возобновила оную; а затѣмъ старалась оправдаться тѣмъ что будто забыла отмѣнить это распоряженіе существовавшее со времени Елисаветы. Мировичъ дѣйствительно де желалъ освободить Іоанна и надѣялся возвести его на престолъ, но этотъ проектъ былъ составленъ не имъ самимъ, а нѣкоторыми высокопоставленными лицами, обѣщавшими ему во всякомъ случаѣ освобожденіе отъ всякой отвѣтственности и отъ всякаго наказанія. Сальдернъ допускаетъ что согласно съ отзывами сторонниковъ императрицы Мировичъ дѣйствовалъ по собственному побужденію, но къ этому прибавляетъ—и при этомъ случаѣ обнаруживается вся несостоятельность гипотезы о сложной сѣти придворныхъ интригъ—что Мировичъ не могъ дѣйствовать безъ высокихъ покровителей, потому что иначе не могъ надѣяться на успѣхъ. Еслибы, продолжаетъ Сальдернъ, Мировичъ дѣйствовалъ по собственной инціативѣ, онъ очевидно былъ бы сумашедшимъ и потому слѣдовало бы не казнить его, а заключить въ домъ умалишенныхъ. Вмѣсто наказанія Мировичъ ожидалъ будто бы награжденія. Подымаясь на эшафотъ, онъ во всемъ этомъ видѣлъ фарсъ, смѣялся отъ души, пока наконецъ не отрубили ему головы. Въ доказательство злобы Екатерины, Сальдернъ разказываетъ что она возвратившись изъ Лифляндіи, значитъ осенью 1764 года, велѣла уничтожить всѣ монеты на которыхъ находилось изображеніе Іоанна. *

Изъ этого послѣдняго показанія мы можемъ вывести заключеніе относительно достовѣрности повѣствованій Сальдерна вообще. Мы знаемъ что при императрицѣ Елисаветѣ,

---

* Saldern l. c, 225—235.

въ сороковыхъ годахъ, принимались разныя мѣры для уничтоженія бумагъ, монетъ и пр. напоминавшихъ царствованіе Іоанна Антоновича. О подобныхъ мѣрахъ въ 1764 году ничего неизвѣстно. Значитъ послѣднее обвиненіе Екатерины оказывается лишеннымъ всякаго основанія. Разказъ объ интригѣ, жертвами которой сдѣлались Іоаннъ и Мировичъ, также оказывается построеннымъ на произволѣ и на предубѣжденіи гипотезою. Мировичъ могъ совершенно обладать умственными способностями и все-таки составить по собственной инціативѣ планъ освобожденія и воцаренія Іоанна. Чрезвычайно многіе претенденты и заговорщики затѣивали подобное не сошедши съ ума и не располагая бо́льшими средствами чѣмъ какими располагалъ Мировичъ. Все это предпріятіе, какъ увидимъ, было возможно и безъ тайнаго участія высокопоставленныхъ лицъ.

Въ сочиненіи *Russische Günstlinge*, приписываемомъ саксонскому секретарю Гельбигу, въ біографіи Григорія Николаевича Теплова, сказано что именно послѣдній былъ изобрѣтателемъ „адскаго" плана устранить вышеозначеннымъ образомъ на всегда опасность грозившую Екатеринѣ со стороны Іоанна. Гельбигъ разказываетъ слѣдующее:

Такъ какъ не знали какимъ путемъ избавиться приличнымъ образомъ отъ Іоанна, то обратились къ Теплову, коварство и злость котораго были извѣстны, и онъ изобрѣлъ программу дѣйствій, осуществленіе которой удалось вполнѣ. И въ разказѣ Гельбига вопросъ о томъ зналъ ли Мировичъ что цѣль заключается не въ освобожденіи, а въ умерщвленіи Іоанна, остается не рѣшеннымъ. Далѣе Гельбигъ подробно разказываетъ о томъ какъ Мировичъ, когда его арестовали, велъ себя очень спокойно, какъ онъ былъ веселъ во время слѣдствія и какъ онъ смѣялся на эшафотѣ, пока наконецъ не отрубили ему головы, такъ что „не ранѣе", какъ выражается Гельбигъ, „чѣмъ послѣ своей казни, несчастный могъ убѣдиться въ своей ошибкѣ и въ коварствѣ своихъ палачей." *

Гельбигъ, равно какъ и вышеприведенные авторы, не приводитъ источника своего разказа. Онъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ восемнадцатью годами позже событія. Многіе анекдоты разказанные въ сочиненіи *Russische Günstlinge* ни болѣе

---

* *Russische Günstlinge*, 315 и 316.

ни менѣе какъ пустыя сплетни. Чрезвычайно многія данныя въ его сочиненіяхъ вообще не выдерживаютъ критики и оказываются искаженіемъ истины. Извѣстій подтверждающихъ показаніе Гельбига относительно Теплова мы не имѣемъ, за то многіе документы и матеріалы прямо противорѣчатъ его разказу.

Такимъ образомъ изъ разказовъ Кастейра, Сальдерна и Гельбига мы не узнаемъ ничего положительно о томъ какъ происходила катастрофа въ Шлюссельбургѣ, но получаемъ любопытныя свѣдѣнія о слухахъ ходившихъ тогда въ обществѣ.

И изъ другихъ современныхъ данныхъ мы узнаемъ какіе толки появились тотчасъ же послѣ страшнаго эпизода разыгравшагося въ Шлюссельбургѣ.

Вотъ что̀ разказываетъ, напримѣръ, неизвѣстный авторъ біографіи Іоанна въ сборникѣ Бюшинга: „Многіе видѣли въ необыкновенномъ мужествѣ выказанномъ Мировичемъ во время слѣдствія, при допросахъ и на эшафотѣ, доказательство что какіе-то тайные соучастники обнадежили его совершеннымъ помилованіемъ, однако это мужество легко можетъ быть чертою его эксцентрическаго характера, выказаннаго имъ при разныхъ случаяхъ. Подозрѣніе будто дворъ нѣкоторымъ образомъ покровительствовалъ его предпріятію уничтожается, вопервыхъ, его публичною казнью, а вовторыхъ, ужаснымъ манифестомъ составленнымъ имъ вмѣстѣ съ Ушаковымъ и найденнымъ у него въ карманѣ.“ *

И въ народѣ говорили о происшествіи. Въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ „монахъ“ Арсеній, то-есть бывшій митрополитъ ростовскій, говорилъ: „Какъ де Мировичъ приступалъ къ Ивану Антонычу, то де нельзя чтобъ онъ это вздумалъ одинъ, а конечно де много было и большихъ господъ согласниковъ, то де въ такомъ случаѣ подлежало его пытать, то бъ де истинную правду узнали“. **

Въ народѣ все еще думали что при судопроизводствѣ пытка необходимое средство для приведенія въ ясность фактовъ относящихся къ совершенному преступленію. Мы увидимъ ниже что императрица не желала подвергнуть

---

* Büsching, *Magazin* VI. 536.

** См. дѣла Арсенія Мацѣевича въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1862. III. Смѣсь стр. 166.

Мировича пыткѣ. Публика въ этомъ видѣла доказательство что слѣдствіе производится не съ цѣлію открыть истину, а лишь въ видѣ пустой формальности. О томъ что происходило во время слѣдствія надъ Мировичемъ и прочими подсудимыми, въ публикѣ ходили слухи подтверждавшіе вышеупомянутые толки о существованіи какой-то таинственной связи между Мировичемъ и дворомъ.

Членамъ суда и самой императрицѣ было хорошо извѣстны слухи распространявшіеся о слѣдствіи. Мы узнаемъ объ этомъ изъ слѣдующихъ данныхъ.

Кастейра разказываетъ: „Судьи относились къ дѣлу весьма небрежно и, казалось, только опасались раскрыть настоящую тайну всего дѣла. Только одинъ сенаторъ, добросовѣстнѣе другихъ, жаловался на такой образъ дѣйствій своихъ товарищей. Однако его рвеніе заслужило ему рѣзкое порицаніе, ему грозили лишеніемъ мѣста и дворянскаго достоинства и этимъ самымъ заставили его молчать.“ *

Изъ самаго дѣла Мировича, насколько документы къ нему относящіеся сдѣлались извѣстными, видно что дѣйствительно во время слѣдствія случился эпизодъ который легко могъ служить къ распространенію разныхъ толковъ. Когда дѣло шло о сентенціи, то оберъ-прокуроръ Соймоновъ началъ говорить президенту медицинской коллегіи барону Черкасову что нѣкоторые изъ духовенства приговариваютъ Мировича пытать. Тутъ князь Вяземскій подошелъ и повелительнымъ образомъ запретилъ Соймонову продолжать разговоръ о мнѣніи духовенства, а у Черкасова спросилъ чтобы немедленно дать отвѣтъ, должно ли приступить къ сентенціи. Черкасовъ въ торопяхъ отвѣчалъ что должно, но потомъ представилъ письменное мнѣніе что Мировича надобно пытать съ цѣлью открыть сообщниковъ или наустителей. „Намъ необходимо нужно жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо предъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами, а то опасаюсь чтобы не имѣли причины почитать насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися, или и комедіантами.“

Особенно послѣднія выраженія сильно оскорбили собраніе, которое озлобилось и просило императрицу о защитѣ отъ

---

* Кастейра (нѣм. пер.). I. 198.

оскорбленій Черкасова. Черкасовъ извинился что онъ сожалѣетъ что такія слова въ добромъ намѣреніи употребилъ которыми собраніе огорченнымъ себя почло.

Екатерина однако узнала объ этомъ случаѣ, и въ слѣдующей запискѣ къ генералъ-прокурору Вяземскому также говорила о разныхъ толкахъ ходившихъ по городу по поводу дѣла Мировича. Она писала: „Князь Александръ Алексѣевичъ, пріѣхалъ ко мнѣ Черкасовъ и сказываетъ мнѣ что цѣлымъ собраніемъ на него жаловаться хотятъ мнѣ. Я его голоса видѣла и въ немъ иного не написано какъ то что̀ ему чистое и не лицемѣрное усердіе диктовало. А какъ съ другой стороны чужестранные недоброжелательныхъ дворовъ министры по городу разсѣеваютъ что я сама въ семъ дѣлѣ заставляю собраніе для закрывательства истины комедію играть; сверхъ того и у насъ уже партіи дѣйствуютъ: того ради повелѣваю вамъ впредь болѣе не присовѣтывать, ни отговаривать отъ пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную волю.“ *

Императрица, значитъ, приписывала распространеніе такихъ слуховъ недоброжелательству нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатовъ. Зная что по городу ходятъ нелѣпые разказы, она остается спокойною, безпристрастною. Она какъ бы привыкла къ такимъ сплетнямъ.

При важныхъ политическихъ процессахъ, очень часто являются ложные слухи о тайныхъ сношеніяхъ подсудимыхъ съ разными партіями или вліятельными лицами, о продажности судей, о нарушеніи законнаго порядка судопроизводства и пр.

При довольно глубокомъ впечатлѣніи произведенномъ на публику извѣстіемъ о Шлюссельбургскомъ событіи, появленіе и распространеніе ложныхъ слуховъ о Мировичѣ, о его сторонникахъ и т. д. не представляетъ ничего особеннаго. До этого въ публикѣ ничего не знали о Мировичѣ. Самая таинственность окружавшая личность Іоанна Антоновича должна была возбуждать воображеніе. Такимъ образомъ случаи въ родѣ эпизода съ Черкасовымъ превращались въ устахъ разкащиковъ въ цѣлую систему интригъ и преступленій и выдумывались самыя странныя сказки, самаго нелѣпаго свойства.

Современники разказывали еще о другомъ эпизодѣ случившемся во время процесса Мировича, эпизодѣ, который также

* *Осьмнадцатый Вѣкъ*, III. 386—387, 365.

очень легко могъ служить матеріаломъ для сочиненія разныхъ исторій о связи высокопоставленныхъ лицъ съ Мировичемъ. Анекдотъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Когда спросили Мировича, кто подалъ ему мысль предпринять такое ужасное дѣло, Мировичъ отвѣчалъ: г. гетманъ, графъ К. Г. Разумовскій. Какъ? вскрикнули всѣ и самъ графъ, тутъ же находившійся. Мировичъ объяснилъ что во время измѣны еще Мазепы предки его были невинно оговорены и имѣнія у нихъ отобраны. По окончаніи изслѣдованія они найдены невинными, возвращена имъ свобода и честь, положено было отдать и имѣніе, но за разными справками и т. п. дѣло было безъ конца забыто и брошено вовсе. Мировичъ просилъ де гетмана Разумовскаго разсмотрѣть его права и хотя часть возвратить. Графъ обратилъ просьбу его въ шутку; сказалъ: мертваго изъ гроба не ворочаютъ; ты молодой человѣкъ, самъ себѣ прокладывай дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ и будешь такимъ же паномъ какъ и другіе. Эти слова графа подали де ему мысль искать счастія въ возведеніи принца Іоанна Антоновича на престолъ. *

Понятно что разказъ объ этомъ фактѣ при передачѣ далѣе и далѣе легко могъ превратиться въ миѳъ о вельможахъ которые будто совѣтовали Мировичу отважиться на освобожденіе изъ Шлюссельбурга Іоанна Антоновича.

Затѣмъ мы не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство что въ разказахъ многихъ другихъ современниковъ нѣтъ упоминанія о слухахъ относительно мнимой интриги Екатерины и ея совѣтниковъ. Донесенія посланниковъ, въ изданіи Раумера *Beiträge zur neueren Geschichte*, депеши Бокингама, въ изданіи *La cour de Russie, il y a cent ans*, не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека о подозрѣніи падавшемъ будто бы на императрицу. Одинъ изъ дипломатовъ, между прочимъ, писалъ 11го сентября 1764 года: „Процессъ Мировича еще не оконченъ. Въ продолженіе его многое было очень непріятно императрицѣ, такъ напримѣръ ревность нѣкоторыхъ судей пытавшихся поднять вопросъ о томъ правы ли были офицеры убивая Іоанна. Лица посѣщавшія Екатерину въ это время ясно замѣчали ея встревоженный видъ; она убѣдилась что дѣло Мировича далеко не

* Записка о Мировичѣ, Квитки, въ *Русскомъ Архивѣ* 1863, стр. 478.

такъ маловажно какъ думала о немъ при первомъ извѣстіи. Все, однако, въ чемъ ее можно упрекнуть, состоитъ въ томъ что она не освободила Брауншвейгскую фамилію, какъ ей предлагали это при вступленіи на престолъ.“ * Изъ депеши Бокингама также видно что онъ не думалъ объ участіи двора въ дѣлѣ Мировича. Онъ писалъ о распространившемся тогда слухѣ, будто княгиня Дашкова была участницею въ этомъ дѣлѣ. **

Сама княгиня Дашкова въ то время находилась въ нѣкоторомъ разладѣ съ Екатериною. Тѣмъ не менѣе она считала себя обязанною защитить Екатерину отъ лишеннаго всякаго основанія упрека. Говоря въ своихъ запискахъ о дѣлѣ Мировича, она писала: „Вообще думали и писали въ Европѣ что все это дѣло ни больше ни меньше какъ ужасная интрига Екатерины, которая будто бы подкупила Мировича на это злодѣяніе и потомъ пожертвовала имъ. Во время моего перваго путешествія, въ 1770 году, мнѣ часто случалось говорить объ этомъ заговорѣ и защищать императрицу отъ двойной клеветы. Особенно Франція убѣдила меня въ томъ что народы съ завистью взирающіе на колоссальную силу Россіи обратили ее какъ бы для политическаго равновѣсія въ предметъ всякой клеветы противъ ея образованной и дѣятельной царицы. Помнится, разговаривая объ этомъ происшествіи въ Парижѣ, я выразила удивленіе, подобно тому какъ прежде господину и госпожѣ Неккеръ, въ Спа, что трудно понять какимъ образомъ Французы, имѣвшіе министромъ кардинала Мазарини, затрудняются въ объясненіи этого факта, когда ихъ собственныя лѣтописи полны подобныхъ тайнъ и трагическихъ придворныхъ событій.“ ***

Авторъ сочиненія *Histoire d'Iwan III*, столь рѣзко осуждающій убіеніе Іоанна, кажется, ничего не знаетъ объ обвиненіи Екатерины въ столь ужасной интригѣ.

Слухи поддерживались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ что въ публикѣ были убѣждены въ существованіи инструкціи офицерамъ находившимся при Іоаннѣ, убить его въ случаѣ попытки освободить его изъ заключенія.

Была ли на самомъ дѣлѣ такая инструкція?

Неизвѣстный авторъ біографіи Іоанна въ сборникѣ Бюшинга

---

* Raumer, *Beiträge* III, 381.

** Тамъ же II, 553.

*** *Записки княгини Г. Р. Дашковой*, Лондонъ, 1859, стр. 94.

замѣчаетъ что еще при императрицѣ Елисаветѣ была дана такая инструкція, оставшаяся въ силѣ до самой катастрофы Іоанна. Онъ къ этому прибавляетъ что такое приказаніе „имѣло политическое основаніе". * Также и Сальдернъ говоритъ о существованіи этой инструкціи и при Елисаветѣ и при Екатеринѣ. **

Арсеній Мацѣевичъ говорилъ: „У приставленныхъ де къ нему (Іоанну) офицеровъ была дана инструкція отъ покойной государыни, въ коей велѣно было что если кто для взятья его приступать будетъ, то бъ его живаго не отдавать, а умертвить; да конечно де, она забыла, а то бы при кончинѣ ту инструкцію отобрала, затѣмъ что бывшаго государя она не любила и не хотѣла чтобъ онъ былъ послѣ ея преемникомъ престола."

Екатерина, весьма недовольная Арсеніемъ Мацѣевичемъ, въ проектѣ указа о его наказаніи утверждала что всѣ разказы объ этой инструкціи ни что иное какъ ложь. Тамъ именно сказано: „оный Арсеній, забывъ всѣ покойныя государыни, Елисаветъ Петровны, монаршія милости, по врожденной своей злости, безбожно и безсовѣстно не устыдился причитать убивство принца Іоанна яко бы данной караульнымъ офицерамъ отъ нея инструкціи, чѣмъ не только доказалъ къ ней свою неблагодарность, но и въ Бозѣ опочивающей благочестивой государынѣ сдѣлался оскорбителемъ, а на протопопа клеветникомъ, на коего показывалъ онъ Арсеній что будто сіи слова слышалъ онъ отъ него, а наконецъ въ очной уже съ тѣмъ протопопомъ ставкѣ съ того сговорилъ; однакожь и тутъ по всегдашней его и довольно доказанной ко злу и къ возмущеніямъ склонности, чистосердечно въ томъ не признался что сіи слова имъ самимъ вымышлены, а закрывая собственную злость и вину свою, показалъ что отъ кого слышалъ, не помнитъ, чему однако же повѣрить не можно, ибо важность таковыхъ словъ заставляетъ всегда помнить кѣмъ оныя говорены были." ***

Очевидно, правительство, утверждая что Арсеній Мацѣевичъ выдумалъ сказку объ инструкціи, отрицало самымъ рѣшительнымъ образомъ существованіе инструкціи. И въ манифестѣ о кончинѣ Іоанна Антоновича разумѣется не говорится о

* Büsching VI, 530 и 536.
** Saldern *l. c.* 17 и 227.
*** *Чтенія* 1862, III. Смѣсь, 176.

томъ что офицеры убившіе принца дѣйствовали сообразно съ данными имъ порученіями, а просто сказано что Власьевъ и Чекинъ „увидя предъ собою совсѣмъ силу непреодолѣнную и неизбѣжно предтекшее погубленіе (ежели бы сей ввѣренной былъ освобожденъ) многаго невиннаго народа отъ послѣдующаго чрезъ то въ обществѣ мятежа, приняли между собою крайнѣйшую резолюцію, пресѣчь оное пресѣченіемъ жизни одного къ несчастію рожденнаго. И такъ (въ разсужденіи томъ что ежели бы они столь великимъ озартомъ отъемлемаго у нихъ арестанта изъ рукъ своихъ упустили, то бы сами подвержены быть могли строгости законовъ) умертвили его" и т. д. *

„Упустить изъ рукъ арестанта" дѣйствительно значило: взять на себя чрезвычайно тяжелую отвѣтственность. Власьевъ и Чекинъ и безъ инструкціи могли поступить какъ поступили. Принимая однако въ соображеніе всѣ обстоятельства катастрофы и постоянныя опасенія правительства что въ пользу Іоанна будетъ дѣйствовать какая-либо партія, мы считаемъ весьма естественнымъ, совершенно сообразнымъ съ политическими правилами тогдашняго времени и вообще довольно вѣроятнымъ существованіе такой инструкціи, несмотря на то что правительство не желало чтобъ о ней знали въ публикѣ и поэтому отрицало существованіе оной.

При содержаніи въ заключеніи весьма опасныхъ политическихъ арестантовъ такія предписанія не разъ являлись печальною необходимостью вызываемою требованіями государственной безопасности, и правительство въ сущности не было компрометтировано такимъ распоряженіемъ, которое однако нѣкоторымъ образомъ давало пищу распространеннымъ въ публикѣ слухамъ о мнимой интригѣ двора, имѣвшей будто бы цѣлью покончить съ несчастнымъ Іоанномъ Антоновичемъ.

Приступимъ къ изложенію самого событія—заговора Мировича и убіенія Іоанна. Мы увидимъ что всѣ ходившіе толки лишены основанія, что Мировичъ дѣйствовалъ исключительно по своей собственной иниціативѣ и что вообще это событіе вовсе не требуетъ какого-либо искусственнаго толкованія.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на личность Мировича, на его характеръ, на его способности, на его положеніе.

* П. С. З. 12.228.

Василій Яковлевъ Мировичъ происходилъ изъ довольно знатной малороссійской фамиліи. Его дѣдъ находился въ связи съ Мазепою и участвовалъ въ его измѣнѣ въ 1709 году. Вслѣдствіе этого были конфискованы имѣнія Мировичей. Какъ кажется, и отецъ Мировича при какомъ-то случаѣ столкнулся съ правительствомъ, потому что Василій Мировичъ названъ во время процесса „внукомъ и сыномъ измѣнниковъ". * Въ манифестѣ отъ 17го августа 1764 года, о случившемся въ Шлюссельбургѣ сказано что Мировичъ „перваго измѣнника съ Мазепою внукъ, по крови своей, какъ видно, отечеству вѣроломный". **

Лѣтомъ 1764 года, когда Мировичъ рѣшился на отважное предпріятіе, ему было не болѣе 24 лѣтъ. Его экономическое положеніе было разстроено. Въ качествѣ подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка онъ получалъ лишь весьма скудное жалованье. Къ тому же онъ былъ расточителенъ, склоненъ къ мотовству, любилъ карточную игру, дѣлалъ долги и безпрестанно нуждался въ деньгахъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Екатерина говоритъ что онъ былъ характера вѣтренаго, легкомысленнаго, чрезмѣрно и безразсудно самолюбивъ ***. У него были три сестры, лишенныя, какъ и онъ самъ, всякихъ средствъ.

Не разъ онъ обращался къ правительству съ прошеніями объ отдачѣ ему конфискованнаго имущества, но тщетно. Эти документы недавно были изданы въ сборникѣ г. Кашпирева *Памятники новой русской исторіи.* Такъ напримѣръ въ апрѣлѣ 1764 года было подано Мировичемъ прошеніе въ которомъ онъ говоритъ: „особливо принудили меня несносности трехъ неимущихъ родныхъ сестеръ, которыя въ дѣвичествѣ въ Москвѣ странствуютъ и на себѣ всю бѣдность какъ предъ симъ сносили, такъ и по нынѣ носятъ, единственно носятъ отъ давняго приключенія злосчастнаго и вреднаго намъ предка нашего" и т. д.

Когда въ первый разъ Мировичъ просилъ объ отдачѣ имѣнія, собственноручная конфирмація Екатерины была слѣдующая: „По прописанному здѣсь просители никакого права не имѣютъ и для того надлежитъ Сенату отказать имъ". Послѣ втораго прошенія резолюція, также собственноручная импера-

* *Сборникъ Русск. Ист. Общ.* VII, стр. 366.

** *Полное Собраніе Законовъ* № 12.228.

*** См. бумаги Баудова въ соч. Ковалевскаго, стр. 222.

трицы, была: „довольствоваться прежнею резолюціею“. * Это рѣшеніе послѣдовало 9го іюня 1764 года, значитъ, четыре недѣли до катастрофы въ Шлюссельбургѣ.

Мы почти ничего не знаемъ о сношеніяхъ Мировича съ вельможами до Шлюссельбургскаго дѣла. Изъ записокъ княгини Дашковой мы узнаемъ что Мировичъ весною 1764 года бывалъ часто у Петра Панина, дяди княгини. Прежде Мировичъ служилъ въ полку у Панина и даже былъ его адъютантомъ. Къ Панину онъ ходилъ, какъ говоритъ Дашкова, „по своему дѣлу производившемуся въ Сенатѣ“. Послѣ катастрофы въ Шлюссельбургѣ, Екатерина, узнавъ о знакомствѣ Панина съ Мировичемъ, подозрѣвала что существуетъ какая-то таинственная связь между Мировичемъ и княгинею Дашковою: Ей донесли будто бы Мировича часто видѣли приходившимъ рано по утру въ домъ княгини Дашковой. Елагинъ, выслушавъ императрицу, замѣтилъ что это ложь. „Невозможно“, сказалъ онъ, „чтобы Дашкова жившая въ уединеніи стала заговаривать съ такимъ лицомъ какъ Мировичъ, она должна была принять его за дурака, еслибы только коротко знала“. Затѣмъ Елагинъ замѣтилъ что если государыня желала подробно познакомиться съ этимъ загадочнымъ характеромъ, никто не въ состояніи удовлетворить ея любопытству въ такой степени какъ онъ, потому что Мировичъ долго служилъ въ его полку. Государыня послала за Панинымъ и послѣдній представилъ ей самый отвратительный портретъ Мировича. Дашкова замѣчаетъ: „Въ человѣкѣ безъ всякаго воспитанія, надменномъ своимъ невѣжествомъ и неспособномъ даже оцѣнить послѣдствій своего предпріятія, трудно ей (Екатеринѣ) было не узнать разительную характеристику Григорія Орлова“. ** Немногимъ дальше Дашкова говоритъ что она никогда и не видѣла Мировича.

Дѣйствительно Петръ Панинъ въ бесѣдѣ съ императрицею не хвалилъ Мировича. Екатерина въ запискѣ къ графу Никитѣ Ивановичу Панину замѣтила: „братъ вашъ сказываетъ про него что онъ лжецъ и безстыдный человѣкъ и при томъ трусъ великій“. ***

---

* См. Кашпирева, *Памятники новой русской исторіи*, I. 308 и 309. Тотъ самый Тепловъ который Гельбигомъ считался изобрѣтателемъ вышеупомянутой интриги составилъ докладную записку о прошеніи Мировича.

** *Записки Дашковой*, стр. 93.

*** *Осьмнадцатый Вѣкъ*, II, 359.

Эта характеристика Мировича едва ли въ точности соотвѣтствуетъ истинѣ. При исполненіи своего предпріятія, во время слѣдствія и на эшафотѣ, Мировичъ не казался трусомъ, а напротивъ, человѣкомъ рѣшительнаго характера. Однако умственныя способности его во всякомъ случаѣ были посредственными. Неясность въ мысляхъ, суевѣріе, легкомысліе— вотъ что̀ явно бросается въ глаза въ образѣ дѣйствій Мировича. Самое благочестіе его имѣло эксцентрическій характеръ. Такъ напримѣръ между его бумагами найдены двѣ записки его руки, гдѣ онъ даетъ обѣтъ Николаю Чудотворцу, болѣе въ карты не играть, табаку не курить и пр. * Современники считали его фанатикомъ. ** Изъ бумагъ его было видно что онъ намѣревался убить Екатерину. Объ этомъ пишетъ сама Екатерина, занявшаяся еще во время своего пребыванія въ Прибалтійскомъ краѣ просмотромъ этихъ бумагъ. *** Разумѣется не должно обращать слишкомъ много вниманія на отзывы о Мировичѣ въ манифестахъ правительства о кончинѣ Іоанна Антоновича, гдѣ между прочимъ онъ названъ „чудовищемъ въ родѣ человѣческомъ“, говорится о его „звѣрской окаменѣлости“, сказано что „лишась всѣхъ способовъ къ законному достиженію чести и счастія, напослѣдокъ отступилъ отъ закона Божія и присяги своей“ и т. д. За то и въ частныхъ кругахъ тогдашняго общества разказывали разныя черты о странностяхъ въ характерѣ Мировича, о томъ какъ онъ въ своемъ предпріятіи надѣялся на помощь святыхъ и т. п. ****

Мировичъ не зналъ и никогда не видѣлъ принца Іоанна Антоновича. Не раньше какъ въ октябрѣ 1763 года онъ узналъ отъ отставнаго барабанщика Шлюссельбургскаго гарнизона что въ крѣпости содержится бывшій императоръ, и желая какимъ бы то ни было средствомъ возвыситься и обогатиться а съ тѣмъ вмѣстѣ отмстить императрицѣ за двоекратный отказъ возвратить ему часть имѣнія его предковъ, Мировичъ вздумалъ произвести перемѣну въ правленіи, вывести принца Іоанна изъ крѣпости и провозгласить императоромъ. Причины наиболѣе его къ тому побудившія, какъ онъ самъ показалъ

---

* См. Ковалевскаго I, с. 222.

** Büsching, *Magaizn* VI. 536.

*** *Сборникъ Русск. Ист. Общ.* VII. 370.

**** *Записки Порошина*, стр. 53. Разказы Строгонова и И. Панина, 9-го октября.

при допросѣ, были слѣдующія: „1) что онъ не имѣлъ свободнаго входа при высочайшемъ дворѣ въ тѣ комнаты гдѣ ея императорское величество присутствовать изволитъ и въ кои только штабъ-офицерскаго ранга люди допускаются. 2) Что въ тѣ оперы въ которыхъ ея императорское величество сама пресутствовать изволила, онъ равномѣрно допущаемъ не былъ. 3) Что въ полкахъ штабъ-офицеры не такое почтеніе какое слѣдуетъ офицерамъ по своей чести отдаютъ, и что тѣхъ кои изъ дворянъ съ тѣми кои изъ разночинцевъ сравниваютъ и ни въ чемъ преимущества первымъ противъ послѣднихъ не отдаютъ. 4) Что по поданной имъ ея императорскому величеству челобитной о выдачѣ ему изъ отписанныхъ предковъ его имѣній, сколько изъ милости ея императорскаго величества пожаловано будетъ ему, въ резолюціи отъ ея величества, апрѣля 19го дня, надписано было: какъ по прописанному здѣсь проситель никакого права не имѣетъ, для того Сенату отказать, и что на вторичное ея императорскому величеству поданное письмо, коимъ онъ просилъ о награжденіи изъ предковыхъ имѣній или о пожалованіи пенсіи сестрамъ его, въ резолюціи отъ ея величества подписано: чтобъ довольствоваться прежнею резолюціею. *

Мировичъ говоритъ здѣсь о второй резолюціи Екатерины. Мы знаемъ что эта резолюція была дана не раньше 9го іюня. Однако уже въ маѣ мѣсяцѣ, какъ мы увидимъ ниже, Мировичъ былъ занятъ приготовленіями къ исполненію своего замысла. Очень вѣроятно что онъ, быть-можетъ чрезъ Панина, за нѣсколько недѣль до резолюціи зналъ о несомнѣнной безуспѣшности своей просьбы.

Къ сожалѣнію мы только изъ записки Екатерины ко графу Никитѣ Панину узнаемъ о намѣреніи Мировича убить императрицу. Она писала 16го іюля 1764 года: „я прочла календарь и записки онаго злодѣя, изъ которыхъ единомышленныхъ не видится, но только изъ одного листа видно что онъ меня убить хотѣлъ, а чтобъ они по Петербургу не разглашали свои намѣренія, тому кажется вѣрить не можно, понеже со Святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были, которые моимъ неуваженіемъ презрѣны.“ **

---

* Ковалевскій, *Блудовъ*, стр. 222—223.

** *Сборникъ Р. Ист. Общ.* VII, 370.

О „единомышленныхъ“ Мировича можно сказать слѣдующее. Всѣ лица судившіяся вмѣстѣ съ Мировичемъ и болѣе или менѣе строго наказанныя за участіе въ его заговорѣ, за исключеніемъ одного придворнаго лакея Касаткина, принадлежали къ военному сословію.

О Касаткинѣ въ приговорѣ сказано что онъ „имѣлъ непозволенные и ему неприличные разговоры съ Мировичемъ, по важности которыхъ ему надлежало безъ всякаго времени отлагательства всемѣрно о томъ донесть, чего онъ не учинилъ, а сверхъ того и собственное изъявилъ продерзостію негодованіе свое.“ * Когда именно происходили эти разговоры между Касаткинымъ и Мировичемъ мы не знаемъ. Вѣроятно это случилось весною, до отправленія Мировича въ Шлюссельбургскую крѣпость. Изъ бумагъ дѣла Мировича, собранныхъ графомъ Блудовымъ и напечатанныхъ въ біографіи сего послѣдняго, видно что Касаткинъ, изъявляя неудовольствіе на дворъ, прибавлялъ что есть толки въ народѣ будто принца Іоанна возведутъ на престолъ. ** Можетъ-быть что эти разговоры съ Касаткинымъ навели Мировича на мысль освободить Іоанна. Во всякомъ случаѣ придворный лакей не могъ считаться важнымъ соучастникомъ Мировича. Мы даже не знаемъ было ли ему извѣстно намѣреніе Мировича свергнуть съ престола Екатерину и возвести Іоанна.

Гораздо важнѣе было участіе въ заговорѣ поручика Великолуцкаго полка Аполлона Ушакова, принимавшаго прямое участіе въ приготовленіяхъ къ заговору. Мировичъ искалъ себѣ сообщника на котораго могъ бы положиться. Давнишняя дружба и сходство въ нравахъ съ Ушаковымъ побудили его открыть Ушакову свое намѣреніе. *** Это случилось 8го или 9го мая. Онъ получилъ согласіе Ушакова помогать ему во всемъ, пошелъ съ нимъ 13го мая въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ *отслуживъ по себѣ акавистъ и панихиду какъ бы надъ умершими*, они условились никому другому о семъ не говорить и сообщниковъ болѣе не искать. Послѣ сего ѣздили осматривать Шлюссельбургскую крѣпость и мѣсто на

---

* П. С. З. № 12.241.

** Ковалевскій, 229.

*** Откуда Германнъ, V. 649, заимствовалъ извѣстіе будто не Мировичъ, а Ушаковъ впервые возымѣлъ мысль освободить Іоанна?

Выборгской Стороне гдѣ былъ артиллерійскій лагерь; тутъ дали обѣщаніе, въ случаѣ успѣшнаго исполненія ихъ предпріятія, построить церковь.

Первый планъ Мировича и Ушакова былъ слѣдующій: на третій день или не позднѣе недѣли послѣ отъѣзда императрицы въ Лифляндію, Мировичу должно было стараться быть посланнымъ въ караулъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, а Ушакову, одѣвшись въ штабъ-офицерскій мундиръ, пріѣхать ночью на шлюпкѣ въ сію крѣпость подъ именемъ *ордонанса* ея величества подполковника Арсеньева и предъявить Мировичу, какъ караульному офицеру, будто совершенно ему незнакомому, ложный, приготовленный ими отъ имени ея величества, указъ: взять подъ арестъ коменданта крѣпости и, сковавъ, вмѣстѣ съ арестантомъ везти въ Петербургъ въ Сенатъ. Мировичъ, чтобъ удобнѣе обмануть солдатъ, долженъ былъ имъ прочесть сей указъ и потомъ, взявъ восемь человѣкъ рядовыхъ, арестовать и сковать коменданта, а Ушакову между тѣмъ итти къ содержавшимъ при Іоаннѣ Антоновичѣ особый караулъ офицерамъ и объявить имъ что онъ присланъ отъ ея императорскаго величества съ указомъ къ караульному офицеру, который теперь арестуетъ коменданта; а *чтобъ они между тѣмъ убирались.* Потомъ, освободивъ Іоанна Антоновича, взять крѣпостную шлюпку и посадя также съ собою барабанщика для битія тревоги, немедленно отправиться въ Петербургъ, гдѣ, приставъ къ Выборской Сторонѣ, представить Іоанна Антоновича артиллерійскому лагерю, а еслибы лагерь не былъ еще поставленъ, то артиллерійскому пикету стоящему на Литейной.

Барабанщику было бы приказано ударить тревогу, и собравшемуся народу былъ бы прочтенъ приготовленный Мировичемъ и Ушаковымъ манифестъ, и объявлено: „что представляющаяся особа есть дѣйствительно государь Іоаннъ Антоновичъ, который, по семилѣтнемъ въ крѣпости Шлюссельбургской содержаніи, оттуда ими освобожденъ“. Мировичъ и Ушаковъ надѣялись что послѣ сего артиллерійскіе служители и народъ пристанутъ къ нимъ, и хотя не имѣли никакихъ сношеній съ офицерами артиллерійскаго корпуса, но полагали что по многолюдству сего корпуса, они найдутъ въ немъ себѣ сообщниковъ.

По учиненіи присяги новому императору, была бы послана

команда для занятія С.-Петербургской крѣпости и произведена съ оной пушечная пальба, дабы собрать еще болѣе народа и привесть его въ страхъ. Также были бы поставлены пикеты къ мостамъ, чтобъ имѣть повсюду свободное сообщеніе; изъ присягнувшихъ офицеровъ нѣкоторые отправились бы въ Сенатъ, Синодъ и коллегіи и во всѣ состоящіе въ С.-Петербургѣ полки, для приведенія ихъ къ присягѣ; въ случаѣ же нужды, одному изъ заговорщиковъ надлежало туда ѣхать самому, но другому находиться безотлучно при Іоаннѣ Антоновичѣ, которому оставаться до времени въ артиллерійскомъ корпусѣ. Императрицу и великаго князя Павла Петровича полагали заточить въ какое-либо отдаленное мѣсто.

Для исполненія сего плана были приготовлены Мировичемъ: 1) означенный выше ложный указъ отъ имени императрицы на имя караульнаго офицера Шлюссельбургской крѣпости. 2) Письмо къ принцу Іоанну. 3) Манифестъ отъ его имени. 4) Форма клятвеннаго обѣщанія. *

Таковъ былъ планъ заговорщиковъ, по показаніямъ Мировича. Очевидно и онъ самъ и Ушаковъ не имѣли представленія о затрудненіяхъ съ какими сопряжено подобное рискованное предпріятіе. Нельзя не удивляться легкомыслію которое заставляло Мировича и Ушакова надѣяться на легковѣріе солдатъ, офицеровъ, чиновниковъ и всего народа. Съ другой стороны, нельзя отрицать что въ продолженіе восемнадцатаго вѣка были случаи удавшихся переворотовъ произведенныхъ съ незначительными силами. Въ 1741 году престолъ Іоанна былъ опрокинутъ горстью солдатъ: въ 1764 году Мировичъ надѣялся опять-таки горстью солдатъ возстановить престолъ Іоанна. Самое вступленіе на престолъ Екатерины было однимъ изъ такихъ переворотовъ. Въ немъ участвовали люди до того не имѣвшіе почти никакого политическаго значенія. Княгиня Дашкова прямо говоритъ въ своихъ запискахъ что „конечно вслѣдствіе необыкновенной удачи послѣдняго переворота Мировичу казалось низверженіе Екатерины предпріятіемъ легкимъ, и вообразивъ прослыть героемъ, онъ рѣшился предоставить корону сумашедшему принцу“. **

Участіе Ушакова въ предпріятіи Мировича ограничивалось обѣщаніемъ содѣйствовать предпріятію и помощью при ре-

* *Блудовъ* 223—225.

** *Записки Дашковой*, 94.

дакціи вышеупомянутыхъ документовъ, содержаніе которыхъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Когда по случаю арестованія Мировича были отобраны всѣ его бумаги, сама Екатерина занялась просмотромъ этихъ бумагъ, и въ отношеніи къ документамъ составленнымъ съ цѣлію заговора, писала къ Панину: „Извольте примѣчать еще въ семъ дѣлѣ что три руки есть: манифесты мелкимъ письмомъ писаны; письмо—крупнымъ письмомъ, а Ушакова рука третья, и только одна подписка его имени". * Спрашивается: кто могъ быть третьимъ участникомъ въ составленіи этихъ бумагъ? Во время слѣдствія о такомъ лицѣ не говорится.

О содержаніи письма къ Іоанну намъ ничего не извѣстно. Вѣроятно оно было составлено какъ бы отъ имени Сената. О содержаніи манифеста здѣсь и тамъ встрѣчаются намеки. Онъ былъ подписанъ Мировичемъ и Ушаковымъ и заключалъ въ себѣ ужасную критику царствованія Екатерины съ цѣлью сдѣлать ее ненавистною народу и доказать необходимость государственнаго переворота. ** Кастейра разказываетъ будто въ манифестѣ было сказано что Сенатъ приглашаетъ Іоанна Антоновича на царство вслѣдствіе того что императрица удалилась въ Лифляндію съ намѣреніемъ вступить въ бракъ съ польскимъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ и чрезъ это лишила себя всѣхъ правъ на русскій престолъ. *** Намъ неизвѣстно откуда профессоръ Германнъ заимствовалъ слѣдующее содержаніе этого подложнаго сенатскаго указа: „Такъ какъ Екатерина не желаетъ болѣе управлять варварскими и неблагодарными народами, не понимающими ея стремленій къ высокимъ цѣлямъ, она рѣшилась оставить Имперію и вступить въ бракъ съ графомъ Орловымъ, передавая императорскую корону несчастному Іоанну. Поэтому Сенатъ приказываетъ Мировичу освободить Іоанна изъ заключенія и привезти его въ Петербургъ." ****

Въ „сентенціи по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ" сказано что Мировичъ „сочинилъ и подписалъ и составилъ въ ужасномъ злодѣйствѣ возмутительныя сочиненія, наполненныя неизрѣчимыми непристойностями какъ въ оскорбленіи освященной ея императорскаго величества особы,

---

* *Сборникъ Р. Ист. Общ.* VII 366.

** Büsching, VI стр. 533 и П. С. З. 12.241.

*** Кастейра, I. 195.

**** Herrmann, V. стр. 650.

такъ и въ разсужденіи спокойствія и тишины государства, чѣмъ онъ себя учинилъ оскорбителемъ же величества“ и пр. * Къ тому же въ біографіи Іоанна напечатанной въ сборникѣ Бюшинга сказано что Панинъ между бумагами Мировича нашелъ столь „ядовитыя и страшныя клеветы противъ императрицы что предпочелъ препроводить къ ней самой для собственноручнаго уничтоженія этихъ бумагъ.“ ** Все это гораздо вѣроятнѣе разказовъ будто Ушаковъ и Мировичъ выдумали сказку о намѣреніи Екатерины вступить въ бракъ съ Орловымъ или Понятовскимъ. Поношенія направленныя противъ императрицы очень хорошо согласуются съ показаніями Мировича въ допросѣ о его неудовольствіи и съ намѣреніемъ его убить Екатерину.

Ушаковъ еще до приведенія въ исполненіе программы заговора быстро сошелъ со сцены. 25го мая онъ былъ посланъ военною коллегіей изъ С.-Петербурга съ казною къ генералу князю М. Н. Волконскому. Онъ надѣялся что возвратится до предпринятія государынею путешествія въ Лифляндію, и что отлучка его не помѣшаетъ исполнить ихъ намѣренія, но на дорогѣ утонулъ въ рѣкѣ. *** Этотъ фактъ, случившійся весною, во время разлива рѣкъ, не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго. Однако здѣсь и тамъ встрѣчаются разныя предположенія о какой-то тайнѣ сопряженной съ кончиною Ушакова. Германнъ замѣчаетъ что Ушаковъ погибъ „загадочнымъ образомъ“, **** а Кастейера даже говоритъ что Ушаковъ самъ искалъ смерти. †

Лишившись товарища, Мировичъ рѣшился одинъ непремѣнно привести въ исполненіе свое предпріятіе. Вѣроятно въ это время онъ открылъ свое намѣреніе подпоручику изъ Грузинцевъ Семену Чефаридзеву, не сообщая ему однако ничего точнаго въ какое именно время онъ хотѣлъ исполнить свое намѣреніе. Мировичъ разказалъ Чефаридзеву о предполагаемомъ освобожденіи и привозѣ Іоанна Антоновича въ Петербургъ къ артиллерійскому корпусу, о томъ что „къ сожалѣнію солдатство не согласны и не скоро ихъ на то проведешь“.

* П. С. З. № 12.241.

** Бюшингъ, VI, стр. 536

*** См. статью Кочубея въ *Чтеніяхъ* 1860 III, стр. 151.

**** Herrmann, *Gesch. d. russ Staats.* V. 649.

† Кастейра, I, стр. 192. Екатерина сначала не знала о кончинѣ Ушакова. См. *Сборникъ Р. Ист. Общ.* VII. 365.

Вина Чефаридзева заключалась въ томъ что онъ не донесъ тотчасъ же о сообщеніяхъ Мировича своему начальству и что спросилъ регистратора Безсонова въ Шлюссельбургѣ знаетъ ли онъ кто содержится въ заключеніи въ первомъ нумерѣ. Знать о нахожденіи Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургскомъ казематѣ тогда считалось дѣломъ до того опаснымъ, что Безсоновъ въ отвѣтъ на сообщеніе Чефаридзева ударилъ его въ голову и отвѣтилъ: „дуракъ, да у дурака спрашиваешь". Чефаридзевъ, наказаніе котораго состояло въ шестимѣсячномъ заключеніи въ тюрьму и написаніи въ солдаты, нисколько не участвовалъ въ предпріятіи Мировича: онъ только зналъ о немъ. *

Другихъ товарищей знавшихъ о намѣреніи Мировича въ столицѣ не было. Съ офицерами артиллерійскаго корпуса на Выборгской Сторонѣ Мировичъ не имѣлъ никакихъ сношеній, хотя и предполагалъ впервые туда повезти изъ Шлюссельбурга освобожденнаго Іоанна Антоновича. **

Тогда однако ходили слухи о содѣйствіи какихъ-то тайныхъ заговорщиковъ въ Петербургѣ. Они подтверждались слѣдующимъ разказомъ, о которомъ въ статьѣ у Бюшинга встрѣчаются довольно любопытныя показанія. Неизвѣстный біографъ Іоанна пишетъ: „въ Петербургѣ занимались вопросомъ могъ ли Мировичъ приступить къ дѣлу только располагая горстью солдатъ и не имѣя сообщниковъ. Существованіе послѣднихъ считали тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что по разказамъ современниковъ въ роковую ночь 4го на 5е іюля были замѣчены нѣкоторыя лодки наполненныя людьми. Эти лодки подымались вверхъ по Невѣ въ направленіи къ Шлюссельбургу, остановились въ близкомъ отъ крѣпости разстояніи и, какъ полагали, имѣли назначеніе повезти освобожденнаго принца въ Петербургъ." Авторъ однако прибавляетъ къ этому: „Я впрочемъ на счетъ этого обстоятельства не могъ узнать ничего достовѣрнаго, а Мировичъ до казни утверждалъ что кромѣ шлюссельбургскихъ солдатъ не имѣлъ никакихъ сообщниковъ." ***

Чрезвычайно важно то обстоятельство что объ этихъ лодкахъ упомянуто и въ одной изъ записокъ императрицы къ Панину. Она писала изъ Риги 14го іюля 1764 года: „Я получила сегодня курьера отъ выборгскаго губернатора съ репор-

* См. П. С. З. 12.241.

** Ковалевскій, *Блудовъ*, стр. 224.

*** Büsching, VI. 536.

тами, кои при семъ къ вамъ посылаю. Вы можете по онымъ приказать генералъ-поручику Веймарну чтобъ онъ отыскалъ того унтеръ-офицера который будучи при шлюзахъ доносилъ своему командиру, ассессору Бекоу, что онъ видѣлъ прибывшія изъ Петербурга въ Шлюссельбургъ шлюпки съ людьми въ маскахъ, его допросилъ, подлинно ли онъ видѣлъ, и старался бы всячески развѣдывать не откроется ли чрезъ это какихъ сообщниковъ извѣстному бунту.“ *

Другаго намека объ этихъ шлюпкахъ съ людьми въ маскахъ мы нигдѣ не находимъ. Но едва ли можно считать вѣроятнымъ чтобы заговорщики отправились въ Шлюссельбургъ „въ маскахъ“. Въ то время года ночи бываютъ почти совершенно свѣтлыя. Путешественники въ маскахъ должны были обратить на себя вниманіе случайныхъ зрителей находившихся на берегу Невы. Кто желалъ оставаться незамѣченнымъ, едва ли могъ рѣшиться на такую мѣру. Унтеръ-офицеръ о которомъ говорится въ письмѣ Екатерины можетъ-быть увлекся сильнымъ воображеніемъ и видѣлъ маски которыхъ не было.

За то мы знаемъ что въ ту роковую ночь дѣйствительно происходило сообщеніе лодками между Шлюссельбургомъ и столицею. Какъ мы увидимъ ниже, въ Шлюссельбургѣ въ ту ночь получена была во второмъ часу депеша, а также изъ Шлюссельбурга отправлены депеши къ графу Панину. Для этого было необходимо отправленіе лодокъ, потому что Шлюссельбургская крѣпость находится на островѣ. Въ этихъ лодкахъ однако находились не заговорщики-сообщники Мировича, а курьеры правительственныхъ мѣстъ.

Когда на другое утро распространился слухъ о случившемся въ Шлюссельбургѣ, воображеніе публики легко могло разыграться. Замѣченныя ночью на Невѣ лодки съ курьерами легко могли подать поводъ къ разказамъ объ ѣхавшихъ къ Шлюссельбургу столичныхъ заговорщикахъ въ маскахъ.

Мы къ сожалѣнію не имѣемъ тѣхъ писемъ Панина и выборгскаго губернатора на которыя Екатерина отвѣчала изъ Риги. Въ нихъ можетъ-быть мы нашли бы болѣе подробныя данныя объ этомъ слухѣ о маскахъ. Во всякомъ случаѣ пока мы не знаемъ ничего положительнаго на счетъ этого обстоятельства и не имѣемъ основанія придавать ему особенное

---

* *Сборникъ Р. Ист. Общ.*, VII. 370.

значеніе. Во всякомъ случаѣ замѣчанія Екатерины относящіяся къ этому предмету подтверждають наше мнѣніе о томъ что императрица не могла имѣть никакого отношенія къ заговорщикамъ и совершенно неожиданно узнала объ этомъ происшествіи.

Принимая во вниманіе всѣ вышеприведенныя данныя о сообщникахъ Мировича, мы не имѣемъ основанія предполагать чтобы въ столицѣ, кромѣ Чефаридзева и Касаткина, кто-либо еще былъ посвященъ въ тайну заговора. Даже и Кастейра говоритъ что „Мировичъ не мало гордился тѣмъ что предпринимаетъ это дѣло безъ помощи кого-либо“.

20го іюня императрица отправилась изъ Петербурга въ Прибалтійскій край. Тотчасъ же послѣ этого Мировичъ явился въ Шлюссельбургѣ въ качествѣ караульнаго офицера Смоленскаго полка. Караульные офицеры въ Шлюссельбургѣ оставались недѣлю и затѣмъ смѣнялись другими. Въ продолженіе этой недѣли, пока Мировичъ былъ на очереди, онъ долженъ былъ приступить къ дѣлу.

Мировичъ началъ съ того что однажды, во время прогулки по крѣпостному валу, онъ ознакомился подробно съ положеніемъ того помѣщенія гдѣ содержался Іоаннъ Антоновичъ. * Однако недѣля прошла и Мировичъ не могъ приступить къ исполненію своего предпріятія. Желая выиграть время, онъ, 3го іюля, выпросился не въ очередь оставаться караульнымъ офицеромъ въ Шлюссельбургской крѣпости. Мы не знаемъ о причинѣ заставившей Мировича отложить приведеніе въ исполненіе замысла. Біографъ Іоанна въ сборникѣ Бюшинга полагаетъ что обстоятельства въ продолженіе этой недѣли не благопріятствовали исполненію плана. Кастейра приписываетъ отсрочку малодушію Мировича, и изъ того обстоятельства что онъ просилъ дозволенія еще долѣе оставаться въ Шлюссельбургѣ выводитъ заключеніе что „можетъ-быть тѣ которые за кулисами дѣйствовали заодно съ Мировичемъ старались ободрить его“. Германнъ находитъ весьма страннымъ что комендантъ Шлюссельбургской крѣпости, Бередниковъ, согласился оставить Мировича внѣ очереди въ крѣпости и вообще удивляется тому что Мировичъ

* Въ біографіи Іоанна у Бюшинга, VI, стр. 533, сказано что Мировичъ велѣлъ обозначить это мѣсто незамѣтнымъ для постороннихъ образомъ „№ 1“.

не встрѣтилъ важныхъ препятствій. Мы увидимъ ниже что послѣднее замѣчаніе лишено основанія и что Мировичъ приступая къ дѣлу встрѣтилъ цѣлый рядъ весьма значительныхъ затрудненій. Германнъ усматриваетъ въ согласіи Бередникова оставить Мировича еще недѣлю въ Шлюссельбургѣ указаніе что комендантъ дѣйствовалъ какъ бы за одно съ Мировичемъ. Это предположеніе нельзя не назвать опрометчивымъ, необдуманнымъ. *

Какъ бы то ни было, въ ту минуту когда Мировичъ рѣшился дѣйствовать, онъ былъ внѣ очереди караульнымъ офицеромъ въ Шлюсельбургѣ. Не ранѣе какъ въ самые послѣдніе дни и часы до катастрофы онъ старался уговорить нѣкоторыхъ капраловъ и солдатъ къ участію въ бунтѣ. Въ „сентенціи" сказано что „Мировичъ всевозможнымъ образомъ старался злоковарною хитростью своею и искушеніемъ опутать и другихъ несмысленныхъ и простыхъ людей въ свои измѣнническія сѣти и предуспѣлъ простѣйшихъ команды своей людей склонить въ сообщество измѣнническаго своего предпріятія, другихъ же лестью и обманомъ, а иныхъ насильствомъ и умертвить стращая" и пр. ** Далѣе сказано въ „сентенціи" о нѣкоторыхъ капралахъ что они „за нѣсколько часовъ до начинанія Мировичемъ злаго его предпріятія имъ самимъ къ тому соглашены и подговорены", что они „при первомъ Мировичемъ согласованіи отъ сообщества усильно отговаривались и желанія своего отнюдь не оказывали, но напротивъ того, его самого отъ того отвращали, и что потомъ болѣе по простотѣ и несмысленности своей на сіе злодѣйство злоковарною хитростью онаго Мировича подговорены, и повидимому точно сего имъ Мировичемъ предпріятаго злодѣйства въ тотъ же день въ дѣйство произведеннымъ быть иногда не уповали, и на размышленіе о семъ брали себѣ время; къ тому же состоя подъ его командою, опасались дабы за непослушаніе ихъ отъ него не послѣдовало имъ истязанія, а паче съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы скорѣе отъ него отойтить, болѣе къ тому и склонными себя объявили." О большей части солдатъ, участвовавшихъ послѣ въ перестрѣлкѣ съ гарнизонною командой, сказано въ „сентенціи" что они „о намѣреніи

---

* *Herrmann*, V. 649 и 650.

** П. С. З. № 12.241.

Мировича заранѣе свѣдѣнія никакого не имѣли и стрѣляли повинуясь просто командѣ своего офицера". *

Германнъ замѣчаетъ что Мировичъ, вѣчно до того нуждавшійся деньгами, на этотъ разъ былъ снабженъ деньгами и подкупомъ дѣйствовалъ на капраловъ и солдатъ. Указанія на какой-либо источникъ этого свѣдѣнія мы у г. Германна не находимъ и нигдѣ не встрѣчается малѣйшаго намека о томъ будто денежныя средства находившіяся въ распоряженіи какой-то таинственной партіи склонили солдатъ и капраловъ принимать участіе въ бунтѣ.

Какъ не осторожно и не обдуманно дѣйствовалъ Мировичъ въ послѣднія минуты до начала предпріятія, видно изъ его попытки склонить на свою сторону капитана Власьева. О бесѣдѣ между Мировичемъ и Власьевымъ мы изъ бумагъ о дѣлѣ Мировича узнаемъ слѣдующее.

4го іюля Мировичъ прохаживался по галлереѣ крѣпости съ гарнизоннымъ капитаномъ Власьевымъ, бывшимъ караульнымъ при Іоаннѣ Антоновичѣ, и замѣтивъ что Власьевъ старается отклонить прогулку ихъ близь мѣста пребыванія Іоанна Антоновича, пожелалъ было тогда открыться Власьеву въ своемъ предпріятіи, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и спросилъ его: „*Не погубитъ ли онъ его прежде предпріятія?*" Власьевъ, прервавъ Мировича, отвѣчалъ: „*Когда предпріятіе такое чтобы къ погибели Мировича слѣдовало, то онъ не токмо внимать, но даже и слышать не хочетъ*". Послѣ сего Мировичъ не рѣшился объясниться Власьеву. Они однакожь прохаживались и еще на пристани и напослѣдокъ разошлись, не говоря болѣе о семъ предметѣ. **

Мировичъ, возвратившись въ офицерскую караульню, ототкрылъ свое намѣреніе своему вѣстовому, *** и съ помощію его пригласилъ на свою сторону нѣсколькихъ своей команды солдатъ, которые однакожь дали въ томъ слово одни изъ подчиненности, а другіе думая что Мировичъ оставитъ сіе дѣло какъ невозможное. **** Затѣмъ Мировичъ написалъ еще указъ отъ имени Іоанна Антоновича командиру Смоленскаго пѣхот-

---

* П. С. З. 12.241.

** См. біографію Блудова, соч. Ковалевскаго, стр. 225 и статью Кочубея въ *Чтеніяхъ* 1860. III. Смѣсь, стр. 151.

*** Очевидно Писклов о которомъ говорится въ П. С. З. 12.241 подъ № III и который у Кастейра названъ Писковымъ.

**** *Чтенія* 1860, III, 161.

наго полка полковнику Корсакову, гдѣ будто новый императоръ, жалуя его (Корсакова) генераломъ, приказываетъ немедленно привести полкъ къ присягѣ и слѣдовать съ онымъ въ С.-Петербургъ къ Лѣтнему Дворцу.*

Отрывистая бесѣда съ Мировичемъ между тѣмъ очевидно испугала Власьева, который въ тотъ же вечеръ рѣшился извѣстить графа Н. И. Панина о случившемся. Въ своемъ „репортѣ“ онъ доноситъ слѣдующее: „Сего іюля 4го дня, послѣ полудня, въ 5 часу, вышелъ я для прогулки въ крѣпости и сошелся со мною находящійся въ Шлюссельбургской крѣпости караульный оберъ-офицеръ Смоленскаго пѣхотнаго полка и началъ мнѣ говорить: „Ежели дозволите мнѣ вамъ говорить и не погубите меня“. „Примѣтилъ я изъ тѣхъ разговоровъ что клонился до нашей коммиссіи.“ ** Послѣднее выраженіе техническій терминъ относящійся къ порученію караулить арестанта. Это же выраженіе употребляется часто въ отношеніи къ Брауншвейгской фамиліи въ Холмогорахъ.

Кажется Мировичъ сначала не предполагалъ приступить къ дѣлу въ ту же ночь которая слѣдовала разговору съ капитаномъ Власьевымъ; мы имѣемъ основаніе думать что слѣдующія обстоятельства принудили его, не теряя времени, рѣшиться на отважное предпріятіе. Онъ хотя и призвалъ къ себѣ изъ стоявшихъ съ нимъ въ караулѣ нѣсколькихъ капраловъ и рядовыхъ, убѣждалъ ихъ помогать ему, *** но не сказалъ имъ, какъ мы уже видѣли, когда именно онъ намѣрекъ исполнить злой умыселъ; самъ же онъ раздѣлся и легъ въ постель.

Ночью во второмъ часу, отъ коменданта Бередникова присланъ былъ къ Мировичу унтеръ-офицеръ Лебедевъ, чтобы въ крѣпость пропущены были гребцы. Чрезъ нѣсколько минутъ, а именно въ половинѣ втораго же часа, сей унтеръ-офицеръ пришелъ опять съ объявленіемъ что велѣно пропустить канцеляриста. Когда же пришелъ въ третій разъ съ повелѣніемъ отъ коменданта пропустить гребцовъ опять изъ крѣпости, то Мировичъ заключилъ изъ отправленія курьера въ Петер-

---

* Ковалевскій, стр. 225.

** *Осьмнадцатый Вѣкъ*, III, стр. 385.

*** Нѣкоторые изъ нихъ уговаривали его оставить эту мысль, другіе отвѣчали: „Ежели солдатство будетъ согласно, то и мы согласны.“ Ковалевскій, стр. 229.

бургъ что можетъ-быть Власьевъ донесъ коменданту о разговорѣ его съ нимъ, и положилъ болѣе не терять ни минуты.

Предположеніе Мировича было справедливо. Мы знаемъ что Власьевъ написалъ рапортъ и просилъ коменданта немедленно отправить его съ нарочнымъ въ С.-Петербургъ. * По всей вѣроятности тѣ же самые гребцы, только-что прибывшіе въ Шлюссельбургъ съ „канцеляристомъ", были отправлены обратно въ Петербургъ. Эти же гребцы, какъ мы изложили выше, можетъ-быть и подали поводъ къ слухамъ о маскированныхъ заговорщикахъ.

Однако тутъ раждается вопросъ: почему не арестовали Мировича послѣ того какъ онъ компрометтировалъ себя въ бесѣдѣ съ капитаномъ Власьевымъ?

Тѣ историки которые, какъ напримѣръ Германнъ, считаютъ вѣроятною какую-то таинственную связь между Мировичемъ и дворомъ и по мнѣнію которыхъ событія въ Шлюссельбургѣ совершились сообразно съ заранѣе приготовленною программою, въ томъ обстоятельствѣ что Мировичъ не былъ арестованъ вечеромъ 4го іюля легко могли видѣть подтвержденіе предположеній компрометтирующихъ Екатерину и ея совѣтниковъ.

Съ другой стороны, нельзя сказать чтобы Мировичъ своимъ краткимъ отрывистымъ вопросомъ былъ компрометтированъ до того чтобы Власьевъ могъ настаивать на его арестованіи. Власьевъ не далъ ему кончить, остановилъ его именно въ ту минуту когда Мировичъ былъ готовъ открыть ему свое намѣреніе. Предположеніе Власьева что слова Мировича относятся къ Іоанну Антоновичу было справедливо, однако оно было лишь предположеніемъ и не могло оправдать крутыхъ мѣръ противъ Мировича. Можетъ-быть въ депешѣ къ Панину Власьевъ испрашивалъ инструкцію арестовать ли Мировича или нѣтъ. Мы не знаемъ всего содержанія депеши. Въ такихъ случаяхъ подчиненные не любили дѣйствовать рѣшительно и самостоятельно. Обыкновенно наказы начальства направляли всѣ дѣйствія Выкдомскаго и Миллера въ Холмогорахъ, Власьева и Чекина въ Шлюссельбургѣ. Къ тому же мы не знаемъ сообщилъ ли капитанъ Власьевъ коменданту Шлюссельбургской крѣпости о бесѣдѣ съ Мировичемъ.

---

* См. Ковалевскаго *Біографія Блудова*, стр. 226, и Кочубея статью въ *Чтеніяхъ* 1860, III, 151.

Бывало что люди которымъ поручались коммиссіи въ родѣ той какую имѣли Власьевъ и Чекинъ переписывались непосредственно съ высокопоставленными лицами въ Петербургѣ, сохраняя многое въ тайнѣ даже предъ непосредственнымъ мѣстнымъ начальствомъ.

Какъ бы то ни было, Мировичъ имѣлъ возможность приступать къ дѣлу. Послѣ троекратной посылки къ нему унтеръ-офицера Лededева, Мировичъ, будучи уже раздѣтъ, схватилъ въ руки свой мундиръ, шляпу, шпагу, шарфъ и пр., сбѣжалъ внизъ въ солдатскую караульню и закричалъ: *къ ружью!* Пославъ въ разныя мѣста собирать всю команду, самъ одѣлся, вышелъ предъ фронтъ, велѣлъ зарядить ружья боевыми патронами и отправилъ одного капрала и двухъ солдатъ къ воротамъ и калиткѣ съ приказаніемъ: никого въ крѣпость не впускать и никого изъ нея не выпускать. *

Все это происходило чрезвычайно быстро, какъ видно изъ письма Чекина къ графу Панину: „Какъ сего 4го іюля посланный мною рапортъ для отправленія вашему высокопревосходительству я персонально господину полковнику Бередникову послѣ полуночи во второмъ часу вручалъ и оный того жь числа отправилъ съ нарочно посланнымъ при маѣ, и я пошелъ къ своему мѣсту и еще до того не дошелъ, и вдругъ вскричали на гауптвахтѣ: къ ружью! и тотчасъ всѣмъ фронтомъ приступили къ нашему посту“. **

Приказаніе не выпускать никого изъ крѣпости могло имѣть цѣлью остановить отправленіе курьера съ депешами къ Панину. Что же касается до запрещенія впускать кого-либо въ крѣпость, то мы въ запискахъ Екатерины находимъ слѣдующую замѣтку: „Написано въ допросѣ что окромя маленькихъ шлюпокъ впускать злодѣй не велѣлъ, что подаетъ причины думать будто онъ сикурса ждалъ“. *** Во всякомъ случаѣ такого „сикурса“ не было, и Мировичъ, располагая исключительно своею командой Смоленскаго полка, долженъ былъ сражаться съ гарнизонною командой, находившеюся около каземата служившаго тюрьмою для Іоанна Антоновича. Изъ „сентенціи“ можно вывести заключеніе что команда Мировича участвовавшая въ дѣлѣ состояла изъ 45 человѣкъ.

---

* *Чтенія* 1860, III. *Смѣсь*, стр. 151—152. Ковалевскій, стр. 226.

** *Осьмнадцатый Вѣкъ*, III, 385.

*** *Сборникъ Ист. Общ.* VIII. 366.

Гарнизонная команда была менѣе многочисленна. Если Мировичъ могъ разсчитывать на своихъ подчиненныхъ, онъ былъ сильнѣе мѣстной власти. Въ перестрѣлкѣ, которая началась около тюрьмы Іоанна Антоновича, участвовало не болѣе 16ти солдатъ гарнизонной команды, какъ сказано въ статьѣ г. Кочубея, составленной по архивнымъ матеріаламъ. Гарнизонная команда исполнила свой долгъ добросовѣстно и поэтому не могла подлежать наказанію. О томъ какъ вели себя другіе солдаты, находившіеся въ Шлюссельбургской крѣпости, въ дѣлѣ Мировича, а именно въ „сентенціи", встрѣчаются самыя подробныя данныя. Особенно достойными наказанія считались пять артиллерійскихъ солдатъ которые, по приказанію Мировича, притащили пушку, зарядили оную и направили противъ гарнизонной команды, затѣмъ одинъ фуріеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ которые безъ ружей были поставлены Мировичемъ для караула при арестованномъ полковникѣ Бередниковѣ. Наконецъ еще упомянуто о 17ти солдатахъ которые были на часахъ на разныхъ болѣе отдаленныхъ отъ театра дѣйствій пунктахъ и никакого въ дѣлѣ не принимали участія.

Что касается до капитана Власьева и поручика Чекина, то въ манифестѣ о кончинѣ Іоанна Антоновича о нихъ говорится почти какъ объ инвалидахъ, то-есть что имъ „по долговременной военной службѣ и изнуренномъ здоровьѣ, а при томъ и неимуществу, надобно было дать вмѣсто награжденія покой и пропитаніе до конца ихъ жизни", и что потому имъ поручили надзоръ надъ Іоанномъ Антоновичемъ. Они оборонялись ихъ дѣйствія были стѣснены необходимостью сторожить Іоанна именно въ столь роковыя минуты. Мировичъ, дѣйствуя наступательно, располагая бо́льшимъ числомъ солдатъ, нападая на гарнизонную команду совершенно неожиданно, находился въ сравнительно выгодномъ положеніи.

Какъ только Мировичъ закричалъ: *къ ружью!* и собралъ свою команду съ намѣреніемъ приступить къ каземату Іоанна Антоновича, комендантъ Бередниковъ вышелъ на крыльцо и спросилъ Мировича, для чего онъ собираетъ команду; но Мировичъ, вмѣсто отвѣта, съ ружьемъ въ рукахъ бросился на коменданта и, сказавши ему: „Ты здѣсь держишь невиннаго государя", ударилъ его ружейнымъ прикладомъ такъ что разбилъ лобъ, повредя и черепъ, потомъ схватилъ его за

воротъ халата, отдалъ командѣ подъ караулъ. Солдаты, бѣжавшіе безъ ружей съ одними тесаками, повиновались и сторожили раненаго Бередникова. * Никто изъ присутствовавшихъ не защитилъ коменданта. Очевидно Мировичъ въ эту минуту своею рѣшимостью сдѣлался обладателемъ крѣпости. Солдаты, не ожидавшіе ничего подобнаго, не понимавшіе хода дѣла, скорѣе были готовы оставаться зрителями, нежели остановить предпріятіе Мировича.

Всѣ эти свѣдѣнія основаны на допросахъ участвовавшихъ въ дѣлѣ. Не совсѣмъ согласны эти данныя съ показаніями историковъ, которымъ, разумѣется, архивныя дѣла были недоступны. Кастейра, напримѣръ, разказываетъ что Мировичъ на вопросъ коменданта почему онъ собираетъ людей, тихонько похлопалъ его прикладомъ по плечу и затѣмъ отдалъ его солдатамъ, и что комендантъ чрезвычайно спокойно далъ арестовать себя. Этому разказу слѣдуетъ и Германнъ, находящій въ томъ обстоятельствѣ что комендантъ не спалъ еще во второмъ часу ночи, подтвержденіе своего убѣжденія что всѣ эти событія совершились по заранѣе составленной программѣ, и что поэтому Бередниковъ, когда его взяли подъ стражу, не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Мы однако знаемъ что комендантъ еще во второмъ часу былъ занятъ отправленіемъ депешъ въ Петербургъ, и что онъ послѣ удара прикладомъ въ лобъ едва ли былъ въ состояніи противиться арестованію.

Выстроивъ своихъ солдатъ въ три шеренги, Мировичъ пошелъ къ казармѣ гдѣ жилъ Іоаннъ Антоновичъ. Гарнизонная команда, не получивъ на окликъ отвѣта, кромѣ „*идемъ* васъ брать“, а изъ устъ Мировича: „*иду* къ государю“, начала стрѣлять. Сначала выстрѣлилъ одинъ изъ солдатъ гарнизонной команды, затѣмъ, по приказанію Чекина, выстрѣлили изъ четырехъ ружей. Мировичъ съ своей стороны приказалъ также выстрѣлить фронтомъ, а гарнизонная команда отвѣчала ему залпомъ. Послѣ этого солдаты Мировича отступили.

Въ статьѣ графа Блудова, составленной по архивнымъ матеріаламъ, сказано что съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано 124 выстрѣла. Никто не убитъ и не раненъ, вѣроятно, какъ ска-

* Въ „сентенціи“ сказано: „уязвя“ коменданта. Мы слѣдуемъ разказу Кочубея. Въ статьѣ Блудова о раненіи Бередникова не упомянуто.

зано въ экстрактѣ изъ дѣла, „по причинѣ бывшаго тогда большаго тумана и потому отчасти что фронтовая команда на высокомъ, а гарнизонная въ низкомъ и нѣсколько покрытомъ мѣстѣ стояли, болѣе же оттого что люди отъ сна не вовсе въ настоящую память вошли".

На сторонѣ Мировича и на сторонѣ Чекина вмѣстѣ едва ли могло быть болѣе 60 человѣкъ солдатъ. При 124 выстрѣлахъ, каждый долженъ былъ выстрѣлить по два раза. По вышеизложенному разказу однако каждый выстрѣлилъ только разъ. Значитъ въ нашихъ данныхъ тутъ встрѣчается нѣкоторая несообразность. Къ сожалѣнію и въ рапортѣ Чекина не встрѣчается ничего подробнѣе объясняющаго ходъ дѣла. Тамъ только сказано: „Всѣмъ фронтомъ приступили къ нашему посту, наши отбили непріятеля". * Кастейра, во всемъ происшествіи видя только фарсъ, полагаетъ что ружья имѣли лишь холостые заряды. Германнъ, слѣдуя неизвѣстному намъ, но очевидно не особенно надежному источнику, разказываетъ что по словамъ офицера находившагося де въ Шлюссельбургѣ до Мировича и послѣ него, вообще не было сдѣлано никакихъ выстрѣловъ.

Однако отступленіе солдатъ команды Мировича объясняется лишь выстрѣлами команды Чекина. Солдаты Мировича разсыпались и собравшись поодаль отъ казармы, „противъ мѣста гдѣ лежали пожарные инструменты", требовали *вида* по чему онъ такъ поступаетъ. Мировичъ отвѣчалъ что онъ имѣетъ вѣрный видъ и, сходивши въ кордегардію, принесъ оттуда хранившійся въ расщелинѣ лжесоставленный манифестъ и прочиталъ изъ онаго тѣ мѣста коими надѣялся возбудить въ солдатахъ ревность. По прочтеніи же поздравилъ ихъ съ государемъ. Солдаты въ послѣдствіи на допросахъ показали что не разслышали и не поняли что̀ имъ читалъ Мировичъ.

Послѣ сего Мировичъ, подойдя снова къ казармѣ, самъ требовалъ чтобы болѣе не стрѣляли, а сдались и впустили его; потомъ нѣсколько разъ съ тѣми же предложеніями посылалъ гарнизоннаго сержанта.

Видя что угрозы его не дѣйствуютъ, онъ взялъ изъ комендантскихъ покоевъ ключи и съ нѣсколькими солдатами и артиллерійскими служителями пошелъ на бастіонъ за пушкою,

---

* *Осьмнадцатый Вѣкъ*, III, 385.

артиллерійскому капралу велѣлъ достать изъ погреба пороху и снарядовъ и между тѣмъ кричалъ какъ стоящему на томъ бастіонѣ человѣку, такъ и прочимъ: *Заряжайте ружья и не пускайте никого изъ крѣпости и въ крѣпость!* Поставивъ шестифунтовую пушку предъ казармой и велѣвъ зарядить ее ядромъ, Мировичъ снова послалъ сержанта сказать гарнизонной командѣ чтобы болѣе не противились, или онъ откроетъ огонь изъ пушки.

Тогда-то именно настала минута предусмотрѣнная въ инструкціи Власьева и Чекина. „Они видѣли что привезена пушка, что она заряжена и что имъ невозможно противиться Мировичу, и чтобы спасти команду отъ напрасной и безполезной смерти, должны были, какъ означено въ ихъ показаніи, *сему внутреннему и сугубо злѣйшему непріятелю уступить;* они отвѣчали Мировичу чрезъ его сержанта что стрѣлять не будутъ, но въ то жь время закололи Іоанна Антоновича.“ Такъ разказываетъ графъ Блудовъ, слѣдуя документамъ всего дѣла.

Въ донесеніи Чекина графу Панину очень кратко говорится: „Наши отбили непріятеля, они вторично наступать начали и взяли пушку, и мы, видя превосходную силу, арестанта обще съ капитаномъ умертвили.“ * Столь краткое донесеніе, не заключающее въ себѣ ни одного слова о причинахъ побудившихъ Власьева и Чекина приступить къ этой крайности, нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ наше предположеніе о существованіи инструкціи. Въ манифестѣ же о кончинѣ Іоанна Антоновича сказано слѣдующее: „Вышеупомянутые капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ, увидя предъ собою совсѣмъ силу непреодолѣнную и неизбѣжно предтекущее погубленіе (ежели бы сей ввѣренной былъ освобожденъ) многаго невиннаго народа отъ послѣдующаго чрезъ то въ обществѣ мятежа, приняли между собою крайнѣйшую резолюцію, пресѣчь оное пресѣченіемъ жизни одного къ несчастію рожденнаго. Итакъ (въ разсужденіи томъ что ежели бы они столь великимъ азартомъ отъемлемаго у нихъ арестанта изъ рукъ своихъ упустили, то бы сами подвержены быть могли строгости законовъ) умертвили его, не устрашась что тѣмъ же самымъ животъ свой подвергали мучительной смерти отъ отчаяннаго злодѣя.“ **

* *Восьмнадцатый Вѣкъ*, III, 385.
** *Полн. Собр. Закон.*, № 12.228.

Въ официальныхъ бумагахъ нѣтъ никакихъ данныхъ о подробностяхъ убіенія Іоанна. Тамъ просто сказано что оба офицера вмѣстѣ „умертвили“ его. Въ статьѣ графа Блудова сказано что они „закололи“ его. Въ статьѣ Кочубея что „тиранство сіе произвелъ своими руками капитанъ Власьевъ“, но въ донесеніи Чекина къ Панину прямо говорится и о его, Чекина, участіи въ этомъ дѣлѣ.

На современниковъ извѣстіе объ убіеніи Іоанна произвело чрезвычайно глубокое впечатлѣніе. Неудивительно поэтому что въ разказахъ объ этомъ происшествіи сообщались разныя болѣе или менѣе вымышленныя подробности.

Сальдернъ разказываетъ что Іоаннъ очень скоро былъ убитъ однимъ ударомъ кинжала. Біографъ Іоанна въ сборникѣ Бюшинга говоритъ что сперва его ранили въ ногу, затѣмъ въ руку, что принцъ защищался, но умеръ вслѣдствіе ранъ нанесенныхъ ему въ грудь. Самый оживленный разказъ, какъ обыкновенно, встрѣчается въ сочиненіи Кастейра. Тутъ подробно говорится о томъ какъ несчастный арестантъ, разбудившійся вслѣдствіе ружейныхъ выстрѣловъ, просилъ пощадить его, какъ на него бросились офицеры, какъ онъ отчаянно боролся съ ними и, покрытый ранами, сломалъ еще шпагу, пока наконецъ не закололи его штыкомъ. Послѣдній разказъ, какъ кажется, былъ распространенъ въ публикѣ, по крайней мѣрѣ и въ донесеніи Бокингама находятся нѣкоторыя соотвѣтствующія данныя. Самыя неточныя данныя встрѣчаются въ сочиненіи *Histoire d'Iwan III*, гдѣ напримѣръ сказано что комендантъ Бередниковъ сначала попытался убить Іоанна, но что онъ, не бывши въ состояніи справиться съ арестантомъ, призвалъ еще другаго палача, что затѣмъ трупъ Іоанна былъ выброшенъ изъ окна и пр.* И Сальдернъ разказываетъ что трупъ Іоанна, брошенный изъ окна, упалъ въ глазахъ Мировича**.

Дѣло въ томъ что кромѣ Власьева и Чекина никто не присутствовалъ при этой сценѣ, что они одни могли сообщать подробности объ этомъ происшествіи и что, по всей вѣроятности, все это происходило весьма быстро, потому что два офицера, къ тому же вооруженные, легко могли покончить съ погруженнымъ въ сонъ и разслабленнымъ многолѣтнимъ нахожденіемъ въ тюрьмѣ юношею.

* *Histoire d'Iwan III*, стр. 33.

** *Vie de Pierre III*, стр. 226.

8

Въ „сентенціи“ сказано: „Какъ приневоленное умерщвленіе къ несчастію рожденнаго принца Іоанна есть единственно слѣдствіемъ его, Мировичева, отчаяннаго предпріятія, то всемѣрно его же первоначальною причиной смерти и самимъ сего безсчастнаго принца убійцомъ признать должно, въ чемъ онъ, Мировичъ, и самъ предъ собраніемъ признался.“ * Очевидно, правительство не хотѣло сознаться что Власьевъ и Чекинъ дѣйствовали на основаніи данной имъ заранѣе инструкціи. Между тѣмъ разказывали будто Власьевъ и Чекинъ убѣждали Мировича оставить свое предпріятіе, ибо де иначе они, въ силу данной имъ инструкціи, должны убить принца, ** а о Екатеринѣ ходили слухи что ей досаждала „ревность нѣкоторыхъ судей пытавшихся поднять вопросъ о томъ правы ли были офицеры убивая Іоанна“. ***

Между тѣмъ какъ внутри казармы происходило убіеніе Іоанна, Мировичъ, получивъ извѣстіе что гарнизонная команда сдается, вбѣжалъ немедленно на галлерею, схватилъ поручика Чекина за руку и тащилъ въ сѣни, спрашивая: „Гдѣ государь?“ Чекинъ сказалъ: „У насъ государыня, а не государь!“ Мировичъ, толкнувъ его въ затылокъ, кричалъ: „Поди, укажи государя и отпирай двери.“ Чекинъ отперъ ихъ. Въ комнатѣ было темно; пошли за огнемъ. Между тѣмъ Мировичъ, держа Чекина лѣвою рукой за воротъ, а въ правой ружье со штыкомъ, говорилъ: „Другой бы, каналья, давно заколол тебя.“ Наконецъ онъ вошелъ въ казарму и увидѣлъ на полу мертвое тѣло Іоанна.

„Ахъ, вы, безсовѣстные!“ вскричалъ онъ на караульныхъ офицеровъ. „Боитесь ли Бога! За что̀ вы пролили кровь такого невиннаго человѣка?“ Офицеры отвѣчали „что не знаютъ кто былъ сей человѣкъ, а знаютъ только что онъ арестантъ, и кто надъ нимъ это сдѣлалъ, тотъ поступилъ по присяжной должности“.

Нѣкоторые изъ ворвавшихся въ казарму солдатъ требовали у Мировича дозволенія заколоть Власьева и Чекина, но Мировичъ не допустилъ ихъ, говоря: „Теперь помощи намъ никакой нѣтъ, и они правы, а мы виноваты“. Затѣмъ онъ подошелъ къ мертвому тѣлу, поцѣловалъ онаго руку и ногу,

---

* *Полн. Собр. Зак.*, 12.241.

** Raumers *Beiträge*, II, 552.

*** Тамъ же, III, 381.

приказалъ вынести тѣло на кровати изъ казармы на гауптвахту. Это было сдѣлано въ сопровожденіи всей команды, при которой веденъ былъ и капитанъ Власьевъ. Тѣло было поставлено предъ фронтомъ. Тогда команда, по приказанію Мировича, построилась въ четыре шеренги, а Мировичъ велѣлъ бить утренній пробудокъ, потомъ сдѣлать въ честь скончавшагося на караулъ и бить полный походъ; поцѣловалъ у покойника руку и сказалъ: „Вотъ нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ и теперь мы не столько счастливы, какъ безсчастны, и я болѣе всѣхъ! За то я все и перетерплю; вы не виноваты, вы не вѣдали что̀ я хотѣлъ сдѣлать, и я за всѣхъ васъ буду отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить.“ Съ сими словами онъ проходилъ всѣ шеренги и сталъ цѣловать всѣхъ солдатъ. Когда онъ подходилъ къ послѣднимъ солдатамъ четвертой шеренги, то капралъ Мироновъ, по приказанію тутъ же бывшаго подъ арестомъ коменданта Бередникова, подойдя сзади, схватилъ его шпагу; Мировичъ, осмотрѣвшись, сказалъ чтобы самъ комендантъ пришелъ взять оную, но Мироновъ, съ помощію другихъ, отнялъ шпагу. Между тѣмъ подошелъ и комендантъ, сорвалъ съ него офицерскій знакъ; тѣмъ же солдатамъ которые, по приказу Мировича, арестовали его, онъ въ свою очередь приказывалъ содержать Мировича подъ арестомъ, и солдаты повиновались.

Въ то самое время прибылъ съ командою Смоленскаго пѣхотнаго полка полковникъ Римскій-Корсаковъ, и когда онъ съ майоромъ Кудрявцевымъ подошелъ къ фронту, Мировичъ сказалъ ему: „Можетъ-быть вы не видали живаго Ивана Антоновича, такъ нынѣ мертваго можете посмотрѣть. Онъ кланяется вамъ теперь не духомъ, а тѣломъ.“ *

Въ этомъ разказѣ составленномъ по офиціальнымъ документамъ, на основаніи допросовъ, главнымъ образомъ два обстоятельства обращаютъ на себя наше вниманіе: вопервыхъ, появленіе въ Шлюссельбургской крѣпости Римскаго-Корсакова съ Кудрявцевымъ и командою солдатъ, а вовторыхъ, нѣкоторая театральность, нѣкоторый странный паѳосъ въ поведеніи Мировича.

Что касается до появленія на театрѣ дѣйствія Римскаго-Корсакова, то мы не знаемъ ничего положительнаго о томъ

* См. статью Кочубея въ *Чтеніяхъ*, 1860. III, 153, и гр. Блудова, стр. 227.

какимъ образомъ онъ былъ приглашенъ явиться въ Шлюссельбургъ неожиданно для многихъ и ночью. Можетъ-быть комендантъ Бередниковъ или же и капитанъ Власьевъ нашли средство извѣстить командира Смоленскаго полка о томъ что въ крѣпости происходитъ нѣчто чрезвычайное. Смоленскій полкъ стоялъ въ мѣстечкѣ Шлюссельбургѣ, значитъ въ ничтожномъ отъ крѣпости разстояніи.

Что же касается до образа дѣйствій Мировича, то современники прежде всего удивлялись тому что онъ нисколько не противился своему арестованію и не сдѣлалъ попытки къ бѣгству или къ лишенію себя жизни. Германнъ въ такомъ поведеніи Мировича видитъ даже доказательство что онъ во всемъ дѣлѣ былъ однимъ лишь слѣпымъ орудіемъ другихъ. „Ничто“, сказано въ *Geschichte des russischen Staats*, „не мѣшало Мировичу спастись бѣгствомъ; при немъ были ключи крѣпости, которые наканунѣ не были должнымъ образомъ отданы коменданту, что̀ не случилось бы еслибы сей послѣдній хотѣлъ исполнить свою обязанность какъ слѣдуетъ. Еслибы Мировичъ по собственному побужденію рѣшился на свобожденіе Іоанна, если онъ въ самомъ дѣлѣ былъ виноватымъ, если онъ не совсѣмъ такъ же какъ и убійцы Іоанна имѣлъ право ссылаться на полученныя свыше инструкціи — онъ непремѣнно попытался бы бѣжать“. *

На это можно возразить что бѣгство было сопряжено съ большими затрудненіями. Смѣлость съ которою капралъ Мироновъ схватилъ шпагу Мировича заставляетъ думать что между солдатами команды Мировича были многіе которые не одобряли его предпріятія. Солдаты, особенно послѣ неудачи при попыткѣ освободить Іоанна, знали что они, какъ участвовавшіе въ столь опасномъ дѣлѣ, находились въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи; они могли ожидать что будутъ подвергнуты слѣдствію. Въ нихъ въ случаѣ попытки бѣжать со стороны Мировича легко могла родиться мысль остановить его, какъ зачинщика всего дѣла, вовлекшаго ихъ въ бѣду. Выдавъ его, они могли разчитывать на смягченіе собственной участи. Кромѣ того мы знаемъ что Мировичъ былъ эксцентрическаго характера увлекался мыслью какого-то героизма. Когда онъ вмѣстѣ съ Ушаковымъ отслужилъ въ

---

* *Herrmann*, V, 651.

Казанскомъ соборѣ по себѣ панихиду „какъ надъ умершими“, онъ очевидно считалъ себя способнымъ играть роль мученика. Къ тому же и сознаніе о томъ что онъ чрезъ свое предпріятіе погубилъ многихъ солдатъ, дѣйствительно понесшихъ въ послѣдствіи строгое наказаніе, могло мучить его. Однимъ словомъ, поведеніе Мировича, по нашему мнѣнію, достаточно объясняется его характеромъ, положеніемъ въ которомъ онъ находился, и не представляетъ собою доказательства того чтобъ онъ дѣйствовалъ по внушенію другихъ, по какой-то тайной программѣ.

Тотчасъ же послѣ арестованія Мировича Власьевъ и Чекинъ отправили донесеніе о случившемся въ Шлюссельбургѣ къ графу Н. И. Панину, у котораго они въ вѣдѣніи состояли. Панинъ же отправилъ немедленно въ Шлюссельбургъ подполковника Кашкина для наблюденія за сохраненіемъ въ крѣпости тишины и для составленія протокола о происходившемъ. Одновременно же графъ Панинъ, находившійся тогда въ Царскомъ Селѣ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, далъ знать въ Ригу императрицѣ о Шлюссельбургскомъ событіи. *

Между тѣмъ нужно было распорядиться погребеніемъ Іоанна. Авторъ біографіи его въ сборникѣ Бюшинга разказываетъ что тѣло было выставлено въ крѣпостной церкви въ Шлюссельбургѣ, но что чрезмѣрное стеченіе публики заставило мѣстное начальство распорядиться о закрытіи гроба и погребеніи тихомолкомъ. ** Онъ прибавляетъ что трупъ убитаго юноши былъ и въ гробѣ одѣтъ въ тотъ самый бараній тулупъ въ которомъ онъ лежалъ на постелѣ въ минуту нападенія на него Власьева и Чекина. Кастейра говоритъ о матросскомъ платьѣ въ которомъ выставлено де было тѣло и о бараньей шкурѣ въ которую будто бы завернули трупъ при погребеніи. Германнъ разказываетъ, по неизвѣстному источнику, что трупъ былъ одѣтъ въ русскую синюю обшитую красною лентой крестьянскую рубашку, что маленькая рыжая борода и необыкновенно бѣлая кожа покойника обращали на себя вниманіе зрителей. *** Кастейра говоритъ что Іоаннъ былъ очень высокаго роста и имѣлъ 6 футовъ вышины.

---

* П. С. З. 12.228.

** Büsching, VI, 335.

*** Herrmann V, 651.

О мѣстѣ гдѣ былъ похороненъ Іоаннъ Антоновичъ существуютъ разныя преданія. Нѣкоторые источники говорятъ что Іоаннъ былъ погребенъ безъ всякой церемоніи въ Тихвинскомъ монастырѣ. А. П. Башуцкій, долго бывшій послушникомъ въ томъ монастырѣ, говоритъ что онъ никогда не слыхалъ тамъ о могилѣ принца Іоанна Антоновича, что, впрочемъ, ничего не доказываетъ, потому что его могли похоронить не называя покойника. * Въ статьѣ графа Блудова сказано что тѣло Іоанна погребено, какъ доносилъ комендантъ, въ Шлюссельбургской крѣпости, въ особенномъ мѣстѣ. ** Это извѣстіе подтверждается замѣткою въ письмѣ Екатерины къ графу Н. И. Панину изъ Риги отъ 9го іюля: „Безымяннаго колодника велите хоранить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки." ***

О глубокомъ впечатлѣніи произведенномъ на публику катастрофою въ Шлюссельбургѣ мы знаемъ лишь чрезъ немногіе намеки въ современныхъ источникахъ. Такъ напримѣръ разказываетъ авторъ статьи о Іоаннѣ въ сборникѣ Бюшинга что извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи въ тотъ же самый день распространилось въ С.-Петербургѣ и что скорбь и негодованіе были общими. „Нельзя выразить", сказано далѣе въ той статьѣ, „какъ смѣло и рѣзко даже и простолюдины разсуждали публично объ томъ событіи." ****

Мы уже знаемъ что тогда же распространился слухъ о таинственной связи существовавшей будто между Мировичемъ и дворомъ. Нѣтъ сомнѣнія что этотъ слухъ былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ разговоровъ въ столицѣ.

Арестованіе Мировича, предварительное слѣдствіе въ Шлюссельбургѣ, приготовленія къ слѣдствію въ Петербургѣ—все это происходило безпрепятственно и спокойно. Однако въ одномъ изъ источниковъ говорится о нѣкоторомъ замѣчекномъ тогда волненіи въ войскѣ. Въ статьѣ о Іоаннѣ у Бюшинга сказано: „Въ гвардейскихъ полкахъ убіеніе Іоанна произвело большое движеніе, которое ночью 13го на 14е іюля усилось до того что можно было ожидать самыхъ крайнихъ послѣдствій. Князь Александръ Голицынъ предотвратилъ зло

* Семевскій, *Отеч: Зап.* т. 165, стр. 546.

** Ковалевскій l. c. стр. 230.

*** *Сборникъ Р. Ист. Общ.* VII. 365. Сальдернъ, l. c., говоритъ о погребеніи въ монастырѣ Александро-Невскомъ въ С.-Петербургѣ.

**** Büsching, VI. 535.

тѣмъ что онъ велѣлъ раздать свинцу и пороху армейскимъ полкамъ и этимъ самымъ привелъ въ страхъ гвардейцевъ, такъ что все успокоилось." * Объ этомъ эпизодѣ изъ другихъ источниковъ ничего не извѣстно.

Какъ кажется, правительство не считало нужнымъ объявить всенародно о шлюссельбургскомъ событіи до 17го августа. Тогда только, значитъ, четыре недѣли послѣ возвращенія Екатерины изъ прибалтійскаго края въ С.-Петербургъ, былъ публикованъ манифестъ о кончинѣ Іоанна Антоновича, въ которомъ довольно подробно было изложено все событіе и который напечатанъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ* **.

Однако уже до этого, тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о заговорѣ Мировича и объ убіеніи Іоанна, были приняты разныя административныя мѣры, вызванныя событіемъ.

Въ запискахъ сенатора Неплюева, тогда во все время отсутствія императрицы Екатерины бывшаго главнокомандующимъ въ Петербургѣ и имѣвшаго свою квартиру во дворцѣ, подробно разказано о полученіи извѣстія о шлюссельбургскомъ происшествіи. Неплюевъ говоритъ что получилъ это извѣстіе 20го іюля. Это несправедливо, потому что Екатерина уже въ письмѣ отъ 11го іюля къ Панину говоритъ о полученіи письма отъ Неплюева о состояніи столицы послѣ распространившагося тамъ слуха о происшествіи въ Шлюссельбургѣ ***. Да и наконецъ, нельзя считать возможнымъ чтобы Панинъ увѣдомилъ Неплюева объ этомъ событіи двумя недѣлями послѣ полученія имъ самимъ донесенія отъ Власьева и Чекина, и далѣе чтобы Неплюевъ, живя въ столицѣ, гдѣ уже 5го іюля говорили столько о Мировичѣ и Іоаннѣ, не узналъ бы ничего до 20го. Неплюевъ пишетъ: „20го числа іюля мѣсяца, а въ оное по полуночи во 2мъ часу, былъ я разбуженъ, по случаю присланнаго ко мнѣ изъ Сорскаго Села, отъ Никиты Ивановича Панина, бригадира Савина, черезъ котораго онъ на словахъ приказалъ мнѣ слѣдующее: что нѣкто изъ Малороссіянъ, именемъ Мировичъ, дослужившись до офицерства, и былъ въ Слюссельбургской крѣпости на караулѣ, предпріялъ злодѣйскій умыселъ сдѣлать возмущеніе, при коемъ

---

* Büsching, VI, 535.

** 12.228. Еще разъ напечатано въ сборникѣ *Осьмнадцатый Вѣкъ* III, стр. 361—364.

*** *Сборникъ Русс. Ист. Общ.* VII, 366.

несчастно-рожденный принцъ Іоаннъ лишился жизни, и хотя онъ, Мировичъ, и его сообщники всѣ переловлены и содержатся подъ карауломъ, но потребно взять и въ столицѣ по сему случаю должную предосторожность и, сіе объявя, онъ, Савинъ, отъ меня обратно въ Сорское Село поѣхалъ, а я того жь моменту послалъ къ себѣ позвать правящаго генералъ-прокурорскую должность генералъ-майора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, и пока онъ ко мнѣ не пріѣхалъ, отправилъ нарочнаго на почтѣ черезъ Новгородъ къ моему сыну, чтобъ онъ по полученіи моего письма, тотъ бы часъ и ни для чего не отлагая, всевозможно поспѣшилъ скорѣе ко мнѣ возвратиться. По пріѣздѣ онаго князя сдѣлали мы совѣтъ что публиковать о семъ происхожденіи не было нужды, а за нужное признали увѣдомить всѣхъ командъ командировъ; а о томъ что тотъ несчастно-рожденный принцъ былъ въ Слюссельбургѣ, мы прежде и не вѣдали, почему и послалъ я къ себѣ звать князя Александра Михайловича Голицына Ѳеодора Ивановича Ушакова, Ѳеодора Ивановича Вадковскаго, Семена Ивановича Мордвинова и Николая Ивановича Чичерина, и о семъ имъ сообща, рекомендовалъ чтобы каждый въ своей командѣ дѣлалъ примѣчанія о порядкѣ и о спокойствіи имѣлъ бы попеченіе. Съ самой той минуты какъ я Савинымъ разбуженъ былъ, находился я въ превеликомъ безпокойствіи, ибо самъ Богъ сердца моего зритель, что я здравіе и благополучіе всемилостивѣйшей государыни моей въ тысячу кратъ дороже считалъ моей жизни, а о происхожденіи и намѣреніи сего злодѣянина я болѣе, какъ выше сказалъ, ничего не вѣдалъ и пр.“ *

Въ нѣкоторыхъ кругахъ петербургскаго общества тогда разказывали что Екатерина считала весьма вѣроятнымъ какой-нибудь бунтъ и поэтому при отъѣздѣ въ Прибалтійскій край приняла разныя мѣры для отвращенія опасности и для подавленія мятежа. Говорили даже что она считала графа Панина способнымъ къ какому-либо направленному противъ нея предпріятію. Ходили слухи что ближайшимъ приверженцамъ императрицы, оставшимся въ столицѣ, было поручено въ случаѣ бунта тотчасъ взять великаго князя Павла и везти его къ матери и что для этой цѣли въ продолженіе всего времени отсутствія императрицы были готовы лошади и экипажи. Тол-

* *Русскій Архивъ*, 1871, стр. 680—681.

ковали о томъ будто императрица для устраненія опасности взяла съ собою въ Прибалтійскій край нѣкоторыхъ лицъ которыхъ она считала способными сдѣлать революцію и пр. *

Изъ другихъ источниковъ мы не только ничего не узнаемъ о такихъ опасеніяхъ Екатерины, но даже знаемъ что она была спокойна и тогда когда получила извѣстіе о заговорѣ Мировича. Въ этомъ отношеніи весьма любопытны ея письма къ Панину, въ которыхъ довольно подробно говорится о шлюссельбургскомъ дѣлѣ и изъ которыхъ мы узнаемъ о ея взглядѣ на это событіе.

Екатерина писала 9го іюля: „Никита Ивановичъ! Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы происшедшія въ Шлюссельбургѣ: руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ весьма хорошимъ распоряженіямъ инаго прибавить не могу, какъ только что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ винными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (понеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухъ сотъ человѣкъ (sic) имѣя въ немъ участіе).... Мнѣ разсудилось что есть ли неравно искра кроется въ пеплѣ, то не въ Шлюссельбургѣ, но въ Петербургѣ, и весьма желала бы чтобъ это не скоро до резиденціи дошло; а кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично; и того ради велѣла заготовить указъ къ генералъ-поручику той дивизіи Веймарну, дабы онъ слѣдствіе произвелъ, который вы ему отдадите; онъ же человѣкъ умный и далѣе не пойдетъ какъ ему повелѣно будетъ. Вы ему сообщите тѣ бумаги которыя для его извѣстія надобны, а прочія у себя храните до моего прибытія; я весьма любопытна знать, арестованъ ли поручикъ Ушаковъ и нѣтъ ли болѣе участниковъ? Кажется у нихъ планъ былъ. Сіе письмо или нужное изъ онаго покажите Веймарну, дабы оно служило ему въ наставленіе. Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣетъ обнадежить нашею милостію за ихъ вѣрность.... Весьма, кажется, нужно смотрѣть, въ какой дисциплинѣ находится Смоленскій полкъ.“ **

Изъ этого письма ясно видно что извѣстіе о заговорѣ Мировича было совершенною неожиданностію для Екатерины.

---

* Herrmann, *Gesch. d. russ. Staats*, V, 648—649.

** *Сборн. Истор. Общ.*, VII, 965.

Выраженія надежды что Веймарнъ при слѣдствіи „не пойдетъ далѣе какъ ему повелѣно будетъ“ не можетъ служить признакомъ какого-то искусственнаго руководства надъ дѣйствующими лицами въ процессѣ съ цѣлью сохранить что-то въ тайнѣ, а скорѣе можетъ служить доказательствомъ что Екатерина въ такихъ случаяхъ любила дѣйствовать съ умѣренностью, осторожностью, не увлекаясь лишнею недовѣрчивостью. Въ такихъ случаяхъ лица которымъ поручалось произведеніе слѣдствія иногда увлекались чрезмѣрнымъ рвеніемъ. Мы увидимъ ниже что сенаторъ Неплюевъ хотѣлъ арестовать не менѣе сорока человѣкъ въ Петербургѣ, которыхъ онъ, безъ всякаго основанія, подозрѣвалъ въ участіи въ заговорѣ Мировича.

Такъ напримѣръ безъ всякаго основанія въ публикѣ говорили что княгиня Дашкова находилась въ какихъ-то сношеніяхъ съ Мировичемъ. Сама Дашкова разказываетъ въ своихъ *Запискахъ* что Алексѣй Орловъ писалъ императрицѣ въ Ригу о дѣлѣ Мировича и что въ концѣ письма было упомянуто что Мировича часто видѣли приходившимъ рано утромъ въ домъ княгини Дашковой, и продолжаетъ: „Грустно и жалко было видѣть ложное вліяніе отуманившее мозгъ Екатерины до того что она готова была подозрѣвать самыхъ истинныхъ патріотовъ и самыхъ преданныхъ ей друзей; и когда казнили Мировича, я не имѣя причинъ оплакивать участь его, благословила свою судьбу за то что никогда не видѣла его“ и пр.*

Въ письмахъ Екатерины къ Панину, ежедневно въ это время отправляемыхъ въ столицу, мы не находимъ намековъ о томъ что императрица подозрѣвала свою прежнюю подругу въ участіи въ заговорѣ Мировича. За то мы узнаемъ изъ этихъ писемъ въ какой мѣрѣ Екатерина слѣдила за ходомъ процесса.

Императрица узнавала обо всемъ и старалась вести дѣло въ одно и то же время рѣшительно и осторожно. Очень скоро успѣли Панинъ и Неплюевъ доставить ей всѣ нужныя свѣдѣнія относящіяся къ заговору Мировича. Съ необыкновенною проницательностью она обращала вниманіе на самыя мелкія частности во всемъ дѣлѣ.

11го іюля она писала къ Панину: „Вчерашняго числа г. Каткинъ сюда пріѣхалъ и подалъ мнѣ первый допросъ злодѣя Мировича (сынъ и внукъ бунтовщиковъ) и показанія съ

---

* *Записки Дашковой*, стр. 94.

нимъ бывшихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, а сегодня я получила отъ г. Неплюева письмо о состояніи города по сему случаю, съ приложеннымъ рапортомъ отъ Шлюссельбургской артиллеріи команды къ главной ихъ командѣ, въ которомъ я нашла нѣсколько несходства съ первымъ допросомъ. Хотя по вашимъ примѣчаніямъ съ основаніемъ видится будто у Мировича сообщниковъ нѣтъ, однако полагаться не можно на злодѣя, такого твердаго въ семъ предпріятіи, но должно съ разумною строгостью изслѣдовать сіе дѣло. Я тѣмъ менѣе каюся что я вамъ послала указъ для г. Веймарна, что уже сіе дѣло не тайна, а онъ, какъ дивизіонный командиръ, онсе производство натурально сдѣлать можетъ. Написано въ допросѣ что окромя маленькихъ шлюпокъ впускать злодѣй не велѣлъ, что̀ подаетъ причины думать будто онъ сикурса ждалъ. Брата утопшаго Ушакова тоже допросить надобно, не вѣдалъ ли онъ братниныхъ мыслей? Еще упоминается въ артиллерійскомъ рапортѣ о канцеляристѣ который приказывалъ пушку съ зарядами везти, о чемъ въ разспросахъ не упомянуто. Я нынѣ болѣе спѣшу какъ прежде возвратиться въ Петербургъ, дабы сіе дѣло скорѣе покончить и тѣмъ дальныхъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь.

„Если вы заблагоразсудите чтобы Кашкина придать Веймарну, то я на сіе согласна.... Еще же знать желаю въ артиллеріи (куда они вести намѣрены были) нѣтъ ли сообщниковъ, тѣмъ болѣе что командиръ у нихъ весьма не любимъ, о чемъ неоднократно уже до меня доходило эхо.“

Въ тотъ самый день Екатерина изъявила удовольствіе Неплюеву сдѣланными имъ распоряженіями „по шлюссельбургской нелѣпѣ“, надежду на скорое окончаніе „сего безумнаго дѣла“ и сожалѣніе „что Аполлонъ Ушаковъ утонулъ“. „Сумнительно чтобы братъ его зналъ его мысли, однако хорошо сдѣлано что онъ арестованъ.“

Далѣе Екатерина писала между прочимъ къ Панину: „Господинъ Кашкинъ“ (бывшій въ Шлюссельбургѣ въ первый день послѣ катастрофы и сообщившій лично императрицѣ въ Ригѣ о результатахъ предварительнаго слѣдствія) „повезъ къ вамъ три мои письма, а вчерашній день я получила отъ васъ еще письмо съ репортами изъ Шлюссельбурга и также вашу корреспонденцію съ господиномъ Неплюевымъ. Я надѣюсь что нынѣ уже все сіе пресѣчется, понеже до вашихъ рукъ неотмѣнно дошелъ уже указъ мой къ Веймарну, которому

придайте Кашкина, дабы никакое несходство не произошло. *Никто лучше сего послѣдняго* дѣла изъяснить не можетъ“ *.

Къ Неплюеву Екатерина писала 13го іюля: „Репорты ваши отъ 10го числа сего мѣсяца получены исправно. Что принадлежитъ до извѣстнаго шлюссельбургскаго происшествія, къ оному дѣлу надлежащія мѣры уже отъ меня не только приняты, но и съ довольнымъ наставленіемъ къ Никитѣ Ивановичу о томъ писано, а для слѣдствія и генералъ-поручикъ Веймарнъ въ Шлюссельбургъ отправленъ по именному моему указу. Буде уже въ городѣ слухи точные о томъ носятся, то смотрѣть только того чтобъ они не имѣли никакого вреднаго слѣдствія и тишина бы пребывала ненарушимо.“

14го іюля Екатерина писала къ Панину о необходимости допросить унтеръ-офицера видѣвшаго будто людей въ маскахъ въ шлюпкахъ; 16го о прочтеніи бумагъ Мировича и о намѣреніи сего послѣдняго убить Екатерину. Между прочимъ въ этомъ письмѣ сказано: „Изъ письма вашего отъ 12го числа іюля я усмотрѣла что господинъ Веймарнъ уже вступилъ въ дѣйство. Теперь ожидать надобно что̀ выйдетъ. Сколь я желаю чтобы Богъ вывелъ, есть ли есть, сообщниковъ, столь я Всевышняго молю дабы невинныхъ людей въ семъ дѣлѣ не пропадало.“ Къ Неплюеву и Вяземскому императрица писала 18го іюля: „Я изъ письма вашего, отъ 14го числа іюля, усмотрѣла сколь вы встревожены шлюссельбургскимъ дѣломъ. Осторожность вашу не инако какъ похвалить могу что вы за Мировичами“ (родственниками Василія) „приказали безъ огласки подсматривать; однако если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, понеже пословица есть: „братъ мой, а умъ свой“. Все же я никакъ не желаю чтобы невинные пострадали.“

18го іюля Екатерина писала къ Панину: „Кажется Веймарнъ съ умомъ взялся за дѣла, чему свидѣтельствуетъ приказъ въ крѣпость Шлюссельбургскую имъ отданный.“ На дорогѣ въ Петербургъ, въ Гостилицахъ, Екатерина писала Панину о полученіи между Нарвою и Гостилицами вопросовъ и отвѣтовъ извѣстнаго злодѣя чрезъ подполковника Кашкина и замѣтила: „Кажется дѣло гладко; я весьма господину Кашкину рекомендовала чтобы безъ крайности не прибѣгнуть къ стро-

* Письмо это безъ числа; можно полагать что оно писано 13го іюля; въ концѣ письма сказано о полученіи письма Панина отъ 10го.

гости; я надѣюсь что вы остальные вопросы для ясности предпишите господину Веймарну окончить какъ (благоразуміе) скорѣе дозволитъ, понеже я думаю что молва народная лишь концомъ всего дѣла пресѣчется."

Изъ этихъ писемъ * видно что Екатерина относилась ко всему дѣлу безъ всякой задней мысли, что для нея всѣ эти событія были неожиданными и что не можетъ быть и рѣчи о какой-то таинственной связи между Екатериною и Мировичемъ.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ тотчасъ же послѣ вступленія на престолъ Екатерины получилъ порученіе имѣть надзоръ надъ Іоанномъ Антоновичемъ. Поэтому съ нимъ, какъ мы видѣли, находились въ перепискѣ Власьевъ и Чекинъ. Онъ долженъ былъ принять первыя мѣры по случаю катастрофы Іоанна. Въ его распоряженіи находились, какъ кажется, особыя денежныя средства, которыми онъ располагалъ и въ данномъ случаѣ. ** Послѣ возвращенія Екатерины изъ Прибалтійскаго края онъ сдѣлалъ императрицѣ предложеніе увѣдомить о случившемся находившихся за границею русскихъ дипломатовъ.

Въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея найдено черновое письмо Панина къ императрицѣ, въ которомъ сказано: „Какъ безъ сумнѣнія полагать можно что теперь уже во всѣ стороны писано о Шлюссельбургскомъ происшествіи и что притомъ каждой писатель въ изъясненіи неизвѣстныхъ публикѣ обстоятельствъ слѣдовалъ единственно своимъ гаданіямъ и пристрастію: то, дабы раждающіеся въ Европѣ при такихъ многообразныхъ, отъ большей части неосновательныхъ, а отчасти можетъ-быть и злостныхъ еще описаній, всякіе предосудительные и развращенные толки и разглашенія могли благовременно и надежно въ самомъ корени ихъ уничтожаемы быть, почелъ я по долгу моего всеподданнѣйшаго къ службѣ вашего императорскаго величества усердія за нужно сдѣлать

* Почти всѣ эти письма уже были напечатаны въ третьемъ томѣ сборника *Осьмнадцатый Вѣкъ*, стр. 358 и слѣд. Одно изъ нихъ уже прежде было издано въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей.* Недавно всѣ письма, и еще два, три до того неизвѣстныя, были напечатаны въ *Сборникѣ Русскаго Истор. Общества*, VII. 365 и слѣд.

** См. Herrmann, V, 651, о взятіи Панинымъ изъ крѣпости 60.000 червонцевъ и о невыдачѣ ему другой суммы въ размѣрѣ 600.000 р.

всѣмъ вашего величества министрамъ другое сходственное описаніе, дабы они на основаніи онаго отзывы свои располагать и пустые слухи истреблять въ состояніи были.“ Панинъ затѣмъ просилъ „апробаціи“ Екатерины для приложеннаго имъ проекта циркулярнаго письма. Въ этомъ послѣднемъ сказано: „Случившееся въ ночи съ 4го на 5е число въ Шлюссельбургской крѣпости происшествіе хотя и не имѣетъ по себѣ никакихъ слѣдствій, но въ самомъ существѣ своемъ столь странно что по неизвѣстности въ публикѣ прямыхъ дѣла обстоятельствъ, безъ сумнѣнія должно изъ онаго ожидать многихъ пустыхъ, а можетъ-быть и ненавистнѣйшихъ еще толковъ между тѣми кои благополучію россійскому завидуютъ. Для предупрежденія сего неудобства и отвращенія по тому всѣхъ худыхъ дѣйствій, кои могли бы иногда противники клеветами своими, по крайней мѣрѣ на первое время, возпричинствовать, не хотѣлъ я оставить чтобъ не увѣдомить васъ предварительно объ истинности происшествія и его причинѣ, что̀ и будетъ уже служить вамъ основаніемъ и руководствомъ къ испровержепію всякихъ затѣваемыхъ лжей. Содержался отъ нѣкотораго времени въ той крѣпости одинъ арестантъ подъ именемъ Безъименнаго, который въ причинѣ такого своего ареста соединялъ со штатскимъ резономъ резонъ и совершеннаго юродства * въ своемъ умѣ, и потому былъ порученъ особливому храненію двухъ состарѣвшихся въ службѣ оберъ-офицеровъ, при которыхъ подъ ихъ командою былъ малый отъ гарнизона пикетъ. Стоящій же въ крѣпости на недѣльномъ караулѣ подпоручикъ, узнавъ то мѣсто гдѣ арестантъ содержится, принялъ безполезное, но отчаянное намѣреніе освободить его; и для того, встревожа ночью весь свой караулъ и объявя солдатамъ имъ самимъ сочиненный подложный ея императорскаго величества имянной указъ, который будто скорѣйшаго требовалъ исполненія, повелъ ихъ къ квартирѣ коменданта и его арестовалъ, а потомъ атаковалъ оружіемъ и мѣсто арестантово; но, получа такое супротивленіе своему измѣнническому предпріятію, какого только отъ вѣрныхъ и заслуженныхъ офицеровъ ожидать было должно, наконецъ взятъ и арестованъ тою собственною командою коя тогда изъ супротивленія ясно увидѣла что командиръ ихъ начиналъ свое-

* Въ поправкѣ Панина въ черновой рукописи этого письма стоитъ: уродства.

вольно дѣло безотвѣтственное и противное должности и присягѣ его. Какъ и по сему главному, такъ и по всѣмъ другимъ обстоятельствамъ, видно весьма что предпріятіе караульнаго подпоручика не было слѣдствіемъ какого-либо знатнаго заговора, но единственно происходило отъ собственнаго его побужденія или, лучше сказать, отъ отчаянія молодаго, промотавшагося и оттого въ фанатизмъ впавшаго человѣка, каковъ онъ оказался и по другимъ его нынѣ открытымъ приватнымъ дѣламъ. Сообщая вамъ сіе, прошу я васъ дѣлать изъ онаго такое употребленіе какое разсудите вы за полезнѣе для службы его императорскаго величества и уничтоженія всякихъ ложныхъ разглашеній, въ коихъ конечно не будетъ недостатковъ. А что далѣе иногда откроется, о томъ не премину я васъ въ свое время извѣстить.“ *

Нельзя понять какимъ образомъ графъ Панинъ могъ считать редакцію этой циркулярной депеши цѣлесообразною. Вопервыхъ, въ ней не сказано что арестантъ былъ Іоаннъ Антоновичъ и не упомянуто о намѣреніи Мировича возвести его на престолъ. Умалчивать въ такомъ документѣ о столь важныхъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ значило дать новую „пищу толкамъ распространившимся о шлюссельбургскомъ событіи. Эта депеша на каждаго читателя должна была дѣйствовать какъ доказательство что правительство не хотѣло говорить всю правду. Между тѣмъ какъ въ публикѣ разказывали подробно о кончинѣ Іоанна, въ этой депешѣ ни слова не сказано о томъ что Іоаннъ погибъ вслѣдствіе попытки Мировича освободить его. Именно для кабинетовъ европейскихъ дворовъ, при которыхъ были аккредитованы получатели этой депеши, самымъ важнымъ обстоятельствомъ была смерть бывшаго императора, члена Брауншвейгской фамиліи, состоявшей въ родствѣ съ разными дворами.

Мы не знаемъ согласилась ли Екатерина на отправленіе этой депеши или нѣтъ, но два обстоятельства заставляютъ насъ сильно сомнѣваться въ „апробаціи“ Екатерины. Вопервыхъ, мы знаемъ изъ другаго источника что въ то время о кончинѣ Іоанна Антоновича сообщили официально нѣкоторымъ иностраннымъ дворамъ, вовторыхъ же, въ манифестѣ отъ 17го августа, который былъ публикованъ, ясно излагаются

---

* *Русскій Архивъ* 1871, стр. 1.421—1.424.

всѣ обстоятельства шлюссельбургскаго дѣла, такъ что изложеніе въ проектѣ депеши Панина въ сравненіи съ манифестомъ кажется ничтожнымъ, неяснымъ, скорѣе скрывающимъ нежели объясняющимъ.

Авторъ сочиненія *Histoire d'Iwan III* разказываетъ что императрица о кончинѣ Іоанна дала знать Прусскому двору, браунпівейгскимъ родственникамъ убитаго и Генеральнымъ Штатамъ, то-есть Голландской республикѣ. Онъ къ этому прибавляетъ что находившійся тогда въ голландской службѣ герцогъ Браунпівейгъ-Вольфенбюттельскій, какъ родственникъ умершаго Іоанна, носилъ трауръ. *

Можетъ-быть Екатерина сама участвовала въ редакціи манифеста 17го августа. Она по крайней мѣрѣ писала князю Волконскому въ это время: „Продолжавшійся болѣе нежели я думала возвратный мой путь изъ Риги и между тѣмъ воспослѣдовавшее въ Шлюссельбургѣ злоключительное происшествіе съ несчастно-рожденнымъ принцомъ Іоанномъ, о чемъ вы на сихъ дняхъ публичное и обстоятельное извѣстіе имѣть будете, не допустили мнѣ по сіе время ни на представленія ваши дать резолюціи, ниже отвѣтствовать на ваши ко мнѣ послѣднія письма." **

Въ манифестѣ, на которомъ показано число 17го августа, который однако былъ изданъ двумя днями позже, прежде всего говорится о Іоаннѣ „который былъ незаконно во младенчествѣ опредѣленъ ко Всероссійскому престолу императоромъ", затѣмъ, какъ уже выше было сказано, говорится о мѣрахъ для облегченія судьбы Іоанна и о заговорѣ Мировича. О цѣли этого заговора сказано только что Мировичъ „сдѣлалъ себѣ предметъ, чрезъ какое бы то ни было въ народѣ кровопролитное смятеніе, счастіе для себя возвысить". Наконецъ, послѣ обстоятельнаго разказа о ходѣ событія въ Шлюссельбургѣ, говорится объ убіеніи Іоанна, объ арестованіи Миро-

---

* *Histoire d'Iwan*, 47 и 65.

** *Осьмнадцатый Вѣкъ*, I, 83. Екатерина, возвращаясь въ Петербургъ, знала что будетъ чрезвычайно занята въ столицѣ, между прочимъ и шлюссельбургскимъ дѣломъ, называемымъ ею „скареднымъ". 22го іюля она писала изъ Гостилицъ что желаетъ отдохнуть въ Петергофѣ, потому что „не отдыхавъ, въ городъ, гдѣ все на меня навалитъ, пріѣхать невозможно" См. *Сборникъ Ист. Общ.*, VII, 372.

вича и объ учрежденіи суда надъ участвовавшими въ этотъ дѣлѣ.*

До разбора матеріаловъ относящихся къ процессу Мировича, мы не можемъ не сообщить нѣкоторыя данныя о наградахъ которыхъ удостоены лица содѣйствовавшія подавленію мятежа.

Уже въ первомъ своемъ письмѣ къ Панину послѣ полученія извѣстія о заговорѣ Мировича, Екатерина замѣтила: „Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣетъ обнадежить нашею милостію за ихъ вѣрность“.** Между матеріалами относящимися къ дѣлу Мировича и изданными въ сборникѣ *Осьмнадцатый Вѣкъ*, мы находимъ весьма любопытную замѣтку что „Власьевъ и Чекинъ получили по 7.000 руб. награжденія и отставлены отъ всякой службы“.*** Они, такъ-сказать, были награждены и наказаны въ одно и то же время. Исполнивъ свой долгъ, они заслужили значительное денежное награжденіе, однако выраженіе „отставлены отъ всякой службы“ заставляетъ насъ думать что они послѣ убіенія Іоанна считались какъ бы неспособными оставаться офицерами. И Миллеръ, сторожившій нѣсколько лѣтъ Іоанна въ Холмогорахъ, заслужилъ себѣ значительныя матеріальныя награды, — ему были подарены деревни, — а затѣмъ онъ получилъ выгодное мѣсто въ Казани. Служба же Власьева и Чекина кончилась убіеніемъ Іоанна.

Кастейра разказываетъ будто при общемъ негодованіи на убійцъ Іоанна жизнь обоихъ офицеровъ находилась въ опасности. Поэтому для нихъ былъ приготовленъ корабль на которомъ они отправились въ Данію. Тамъ же они были приняты весьма ласково русскимъ посланникомъ. Немногимъ позже они возвратились въ Россію и были повышены чинами.**** О повышеніи чинами говоритъ и авторъ сочиненія *Vie d'Iwan*, а также о пожизненной пенсіи.† И авторъ біографіи Іоанна въ сборникѣ Бюшинга замѣчаетъ что оба офицера сдѣлались

* *П. С. З.*, № 12.228. *Осьмнадцатый Вѣкъ*, III, 361—364.

** *Сборникъ Ист. Общ.*, VII, 365.

*** *Осьмнадцатый Вѣкъ*, III, 386. И Сальдернъ, стр. 227, говоритъ о значительной денежной наградѣ которую будто получилъ капитанъ Власьевъ.

**** Кастейра, I, 197.

† *Vie d'Iwan*, 70 и 71.

ненавистными публикѣ, такъ что когда въ послѣдствіи они явились при дворѣ, они были приняты всѣми съ холодностью и отвращеніемъ. * И повышеніе чинами и отправленіе въ Данію и появленіе при дворѣ Власьева и Чекина — все это подлежитъ сомнѣнію. Нѣтъ сомнѣнія что ихъ наградили: они восемь лѣтъ находились при Іоаннѣ. Нѣтъ сомнѣнія что въ обществѣ не особенно уважали ихъ. Но дальнѣйшая судьба ихъ намъ неизвѣстна.

Въ отношеніи къ Смоленскому полку, въ которомъ служилъ Мировичъ, Екатерина объявила что честь этого полка преступленіемъ этого офицера нисколько не запятнана и что полкъ и въ будущемъ можетъ пользоваться милостью императрицы. **

Мы переходимъ теперь къ разбору слѣдствія произведеннаго надъ Мировичемъ и несчастными капралами и солдатами участвовавшими въ его предпріятіи.

Предварительное слѣдствіе, которое произвелъ генералъ-поручикъ Веймарнъ, было довольно продолжительнымъ. Множество свидѣтелей допрошено. Мировичъ бралъ всю вину на себя; его показанія были откровенны. Для окончательнаго суда и произнесенія приговора было назначено собраніе состоявшее изъ Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Правительствующаго Синода, особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ коллегій.

Объ этомъ процессѣ напечатаны, кромѣ сентенціи въ *Полномъ Собраніи Законовъ*, нѣкоторыя, составленныя по документамъ, замѣтки въ статьѣ графа Блудова и въ статьѣ о Мировичѣ помѣщенной въ сборникѣ *Памятники Новой Русской Исторіи* Кашпирева. ***

Княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ **** замѣчаетъ что „судъ, веденный чрезвычайно гласно, при полномъ Сенатѣ, въ присутствіи всѣхъ президентовъ и вице-президентовъ департаментовъ и всѣхъ дивизіонныхъ генераловъ Петербурга, открывалъ дѣло въ ясномъ свѣтѣ предъ всею Россіей. Конечно вслѣдствіе необыкновенной удачи послѣдняго переворота, Мировичу казалось низверженіе Екатерины предпріятіемъ

---

* Büsching, VI, 536.

** *П. С. З.*, № 12.237. *Vie d'Iwan*, стр. 73.

*** С.-Петербургъ, 1871, стр. 309.

**** Стр. 94.

легкимъ, и вообразивъ прослыть героемъ, онъ рѣшился предоставить корону сумашедшему принцу.“

Нельзя не упомянуть о замѣткѣ въ статьѣ о Іоаннѣ у Бюшинга, будто сенаторъ Неплюевъ желалъ забрать въ свои руки слѣдствіе надъ Мировичемъ и намѣревался арестовать сорокъ человѣкъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ участіи въ заговорѣ, но что оберъ-гофмейстеръ Панинъ взялъ на себя веденіе дѣла и руководствовался совсѣмъ иными правилами. *

Это замѣчаніе важно потому что оно можетъ содѣйствовать усиленію подозрѣнія относительно какаго-то искусственнаго веденія дѣла съ цѣлью сохраненія въ тайнѣ какихъ-то сношеній между Екатериною и нѣкоторыми высшими сановниками съ одной стороны и Мировичемъ съ другой.

Дѣло въ томъ что сенаторъ Неплюевъ едва ли могъ имѣть какое-либо право брать на себя веденіе дѣла Мировича; графъ Панинъ находился въ такомъ же положеніи. Предварительное слѣдствіе, по порученію Екатерины, производилось Веймарномъ. Впрочемъ мѣра къ которой хотѣлъ приступить будто Неплюевъ, арестованіе сорока лицъ въ Петербургѣ, возбудила бы въ разныхъ кругахъ общества сильное волненіе. Одно подозрѣніе, не подтверждаемое никакими фактами, подозрѣніе въ родѣ того которое безъ всякаго основанія пало тогда на княгиню Дашкову, не могло оправдывать такой мѣры. Подобный образъ дѣйствій не согласовался бы нисколько съ гуманностью и осторожностью Екатерины, которая даже не желала чтобъ были арестованы родственники Мировича и Ушакова.

Нигдѣ мы не находимъ подтвержденія этой замѣтки о желаніи Неплюева руководить процессомъ Мировича. Въ запискахъ самого Неплюева, въ которыхъ подробно говорится объ отношеніи его къ дѣлу Мировича, ничего не сказано о такомъ желаніи стараго, дряхлаго, страдающаго глазною болѣзнію сенатора руководить этимъ слѣдствіемъ.

Германнъ, слѣдуя неизвѣстному намъ источнику, разказываетъ что предварительное слѣдствіе производилось сенаторомъ Неплюевымъ, тайнымъ совѣтникомъ Тепловымъ и генералъ-поручикомъ Веймарномъ; на слѣдующей страницѣ одинаково этотъ же авторъ замѣчаетъ что донесеніе Веймарна о предва-

* Büsching VI, 351. „Der Senator Neplujew wollte sich die Untersuchung der Sache zueignen...., allein der Oberhofmeister Herr von Panin übernahm die Untersuchung und verfuhr nach andern Massregeln.

рительномъ слѣдствіи служило главнымъ руководствомъ для членовъ суда. Нельзя понять почему *одинъ* только Веймарнъ донесъ о предварительномъ слѣдствіи, послѣ того какъ онъ былъ только членомъ коммиссіи, состоявшей изъ *трехъ* лицъ. Въ письмахъ Екатерины къ Панину нѣсколько разъ говорится о Веймарнѣ какъ о томъ лицѣ которому поручено веденіе дѣла до окончательнаго процесса. О Телловѣ нигдѣ не упомянуто. Съ Неплюевымъ императрица была въ перепискѣ о состояніи столицы въ это время. О немъ, какъ о членѣ коммиссіи для предварительнаго слѣдствія, нигдѣ не упомянуто. Къ тому же мы имѣемъ основаніе думать что предварительное слѣдствіе происходило въ Шлюссельбургѣ, между тѣмъ какъ Неплюевъ, командовавшій въ Петербургѣ во время отсутствія Екатерины, едва ли могъ выѣхать изъ столицы на долгое время.

Упомянувъ далѣе что Екатеринѣ были извѣстны ходившіе въ народѣ слухи будто убіеніе Іоанна было заранѣе подготовлено и свершилось съ ея вѣдома, Геррманнъ говоритъ: „Для устраненія такого упрека она объявила въ собраніи Сената что она въ отношеніи къ Іоанну подтвердила лишь тѣ правила которыя служили руководствомъ для сторожившихъ Іоанна офицеровъ при прежнемъ правительствѣ, и что хотя въ качествѣ абсолютной монархини она имѣетъ право назначить чрезвычайную коммиссію для обсужденія шлюссельбургскаго дѣла, на этотъ разъ однако считаетъ болѣе удобнымъ не пользуясь своею властью назначить двѣнадцать сенаторовъ судьями и уполномочить ихъ рѣшить дѣло окончательно безъ какой-либо высшей инстанціи. Несмотря на это объявленіе всѣ были убѣждены что императрица назначитъ только такихъ лицъ судьями на которыхъ она могла надѣяться вполнѣ относительно желаемаго ею направленія даннаго слѣдствію. И дѣйствительно: какъ скоро одинъ или другой изъ судей выражалъ желаніе разслѣдовать основатено сцѣпленіе обстоятельствъ, графъ Орловъ всегда находилъ средства прекращать слишкомъ подробное изслѣдованіе. Мировичъ во все время держалъ себя чрезвычайно осмотрительно, спокойно и самонадѣянно. Для судей было трудно ставить ему вопросы такимъ образомъ чтобъ онъ не могъ привести ихъ въ затрудненіе. Казалось что онъ нисколько не ожидалъ исполненія произнесеннаго надъ нимъ смертнаго приговора.“

Очевидно источникомъ разказа Германна были одни лишь толки въ петербургскомъ обществѣ объ интригѣ двора и о тенденціозности процесса. Однако всѣ эти данныя не выдерживаютъ критики и не согласуются съ другими не подлежащими сомнѣнію и находящимися въ нашемъ распоряженіи данными.

Нельзя считать вѣроятнымъ чтобъ Екатерина явилась въ Сенатѣ и произнесла тамъ рѣчь. Содержаніе мнимой рѣчи Екатерины, впрочемъ, оказывается нѣсколько сходнымъ съ манифестомъ 17го августа, о которомъ мы узнаемъ что онъ былъ читанъ въ Сенатѣ и что Сенатъ рѣшилъ публиковать оный. Въ манифестѣ сказано о назначеніи суда, однако иначе чѣмъ въ вышеприведенной рѣчи Екатерины. Въ послѣдней мы встрѣчаемъ странное противорѣчіе: Екатерина говоритъ будто что не желаетъ пользоваться своимъ правомъ и назначить коммиссію, а въ то же время назначаетъ таковую изъ двѣнадцати сенаторовъ. Мы знаемъ что судъ состоялъ не изъ коммиссіи, въ которой участвовали немногіе члены, а изъ многочисленнаго собранія состоявшаго изъ высшихъ административныхъ мѣстъ. При этомъ не могло быть и рѣчи о назначеніи лишь такихъ лицъ которыя повели бы дѣло исключительно по желаніямъ Екатерины и не заходя слишкомъ глубоко. Между лицами подписавшими приговоръ мы встрѣчаемъ Неплюева, который желалъ распространить слѣдствіе на весьма многихъ особъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ участіи въ заговорѣ, далѣе барона Черкасова, который желалъ чтобы Мировичъ былъ подвергнутъ пыткѣ, наконецъ нѣкоторыхъ членовъ высшаго духовенства, также желавшихъ прибѣгнуть къ столь жестокой мѣрѣ для болѣе основательнаго разслѣдованія истины. Всѣ эти люди не подходятъ къ мнимой программѣ Екатерины назначать въ судьи лишь такихъ лицъ которыя не настаивали бы на разборѣ „сцѣпленія обстоятельствъ". Изъ вышеприведенныхъ писемъ Екатерины къ генералъ-прокурору Вяземскому мы даже знаемъ что Екатерина, хотя въ принципѣ и опровергавшая пытку, защитила противъ другихъ членовъ суда барона Черкасова, желавшаго подвергнуть Мировича пыткѣ. *

Въ слѣдующемъ отношеніи однако разказъ Германна под-

---

* *Осьмнадцатый Вѣкъ,* III, 365 и 387.

тверждается разказами современниковъ. Дѣйствительно, не разъ судьи, ставя вопросы подсудимому, были сконфужены его отвѣтами. Выше мы уже упомянули объ эпизодѣ съ графомъ Григоріемъ Разумовскимъ, о которомъ Мировичъ сказалъ что онъ совѣтовалъ ему рѣшиться на отважное дѣло. Еще два анекдота такого рода разказывались тогда въ публикѣ. Графъ Григорій Орловъ спросилъ его тономъ вельможи-судьи допрашивающаго преступника, Мировичъ отвѣчалъ: „Я предпринималъ сдѣлать то что̀ вашему сіятельству удалось и поставило васъ въ возможность говорить со мною такимъ тономъ. Но повѣрьте мнѣ, графъ, что ежели бы я успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и натурально тогда мы съ вами были бы въ противныхъ теперешнему отношеніяхъ, то я васъ бы не винилъ. Не вините же и меня, графъ, за то что я идучи по стопамъ вашимъ не былъ такъ счастливъ въ успѣхѣ какъ вы.“ * Графъ Петръ Панинъ, подъ начальствомъ котораго Мировичъ прежде служилъ, спросилъ его, для чего онъ предпринималъ такой злодѣйскій умыселъ? „Для того, отвѣчалъ Мировичъ,—чтобъ быть тѣмъ чѣмъ ты сталъ. **

Трудно сказать случились ли въ самомъ дѣлѣ эти эпизоды. Разказы о нихъ однако доказываютъ что тогда многія лица считали Мировича способнымъ предпринять заговоръ по собственной инціативѣ и не служить лишь орудіемъ въ рукахъ какой-нибудь закулисной партіи.

Эти анекдоты согласуются съ замѣчаніемъ Кастейра о „наглыхъ отвѣтахъ Мировича“ *** и со слѣдующимъ разказомъ одного иностраннаго дипломата. „Во все время слѣдствія Мировичъ велъ себя съ достоинствомъ и мужествомъ. Его твердость судьи объяснили жестокосердіемъ и упрекнули его въ этомъ въ одномъ изъ допросовъ. Онъ отвѣчалъ что не считаетъ себя болѣе гражданиномъ сего міра и знаетъ что долженъ ожидать позорной казни, которую готовъ принять какъ заслуженное наказаніе за свое преступленіе. Спрошенный о своихъ сообщникахъ, Мировичъ отвѣчалъ что у него нѣтъ сообщниковъ и что едва ли можно желать чтобъ онъ обвинилъ невинныхъ. Затѣмъ, обращаясь къ генералъ-прокурору, онъ

* См. записку о Мировичѣ Г. Ѳ. Квитки, въ *Русскомъ Архивѣ* 1863, стр. 478 и 479.

** Бантышъ-Каменскій. Біографія россійскихъ генералиссимусовъ, I. 226.

*** Кастейръ, I, 198.

спросилъ его: желаете ли вы чтобъ я назвалъ сообщникомъ и васъ? При каждомъ случаѣ онъ сожалѣлъ о несчастіи солдатъ и капраловъ которые имъ были убѣждены участвовать въ его предпріятіи.“ *

Когда ему грозили пыткою, Мировичъ отвѣчалъ: „Знавши уже меня, неужели вы надѣетесь успѣть симъ средствомъ въ своемъ намѣреніи?“ Разказывали далѣе что Екатерина, узнавъ о предполагаемой пыткѣ, строжайше оную запретила, сказавъ: „Оставимъ несчастнаго въ покоѣ и утѣшимъ себя мыслію что государство не имѣетъ враговъ.“**

Предварительное слѣдствіе продолжалось болѣе мѣсяца. Не ранѣе какъ 19го августа, Сенатъ, выслушавъ манифестъ о кончинѣ Іоанна въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ, опредѣлилъ: напечатавъ съ онаго потребное число экземпляровъ, публиковать во всемъ государствѣ и во всѣ судебныя мѣста и города разослать, а для суда созвать собраніе (Синодъ, Сенатъ, персонъ трехъ первыхъ классовъ и президентовъ всѣхъ коллегій) къ 23му августа.

24го августа было засѣданіе. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій прежде всего объявилъ именной указъ императрицы чтобы по дѣлу Мировича сентенцію подписывать напередъ Сенату и Синоду, а потомъ прочимъ персонамъ по старшинству ихъ чиновъ. Далѣе слушали экстрактъ дѣла о предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ же засѣданіи сдѣлано было опредѣленіе что „какъ по тому дѣлу быть могутъ разныя разсужденія тайности подлежащія, то хранить оныя по должности присяги, во исполненіе чего всѣ бывшіе у производства и при разсмотрѣніи того дѣла обязаны были подписками. Затѣмъ рѣшено поднести императрицѣ докладъ, которымъ просить дозволенія чтобы въ разсужденіи важности того дѣла, на тотъ только случай, уполномочить собраніе въ рѣшеніи того дѣла по большинству голосовъ“. Съ этимъ докладомъ отправилась депутація въ Царское Село къ императрицѣ. На это предложеніе послѣдовала высочайшая конфирмація.

Въ засѣданіи 27го августа собраніе опредѣлило: „Мировича и всѣхъ сообщниковъ его предъ собраніемъ спросить каждаго порознь, ихъ ли руками подписаны отвѣты, и во всемъ ли томъ что̀ въ нихъ показано признаютъ себя виновными, и не

* Raumer, *Beiträge. Gesch.* III, 383.

** Квитка въ *Русскомъ Архивѣ*, 1863, стр. 479.

закрыли ли кого, и не имѣютъ ли чего объявить, и чтобы по рѣшительномъ окончаніи того дѣла, все производство напечатавъ, обнародовать".

Въ засѣданіи 31го августа рѣшено: „для лучшаго приведенія Мировича въ чувство и полное раскаяніе, сдѣлать ему увѣщаніе изъ присутствующихъ въ собраніи одной духовной и тремъ свѣтскимъ персонамъ, и именно: преосвященному Ростовскому митрополиту Аѳанасію, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, князю Александру Михайловичу Голицыну и барону Александру Ивановичу Черкасову, которые его, Мировича, и увѣщевали и что̀ показалъ, оное на письмѣ собранію предложили". *

Въ этомъ допросѣ Мировичъ не показалъ ничего новаго. О причинахъ которыя побудили его рѣшиться на освобожденіе Іоанна уже было сказано выше. Теперь же онъ ограничивался подтвержденіемъ своихъ прежнихъ показаній, причемъ объявилъ что готовъ умереть и что не умолчалъ ни о какихъ обстоятельствахъ, и что онъ къ тому что̀ его рукою подписано болѣе ничего объявить не имѣетъ. **

1го сентября собраніе рѣшило: „его, Мировича, лиша чиновъ и сковавъ, содержать подъ секретнымъ карауломъ, а по предложенной изъ законовъ выпискѣ приступить къ сочиненію сентенціи".

2го сентября, случился вышеупомянутый эпизодъ съ барономъ Черкасовымъ, который, указывая на распространившіеся въ городѣ слухи о томъ что судей „почитаютъ машинами отъ посторонняго вдохновенія движущимися или и комедіантами", требовалъ чтобы Мировичъ былъ подвергнутъ пыткѣ, потому что судьямъ нужно „оправдать себя не токмо предъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами", Собраніе озлобилось, хотѣло жаловаться императрицѣ, и Черкасовъ долженъ былъ изъявить „сожалѣніе что такія слова въ добромъ намѣреніи употребилъ которыми собраніе огорченнымъ себя почло". Мы уже знаемъ что Екатерина старалась оправдать образъ дѣйствій Черкасова и что она предоставила собранію право большинствомъ голосовъ рѣшить вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи пытки. Она была весьма недовольна такимъ несогласіемъ въ собраніи и

* Записка о судѣ въ изд. Капнарева, I, 310.

** Сентенція. П. С. З. 12.241.

писала къ генералъ-прокурору Вяземскому довольно рѣзко: „Мнѣ весьма удивительно что собраніе, чѣмъ ему упражняться и окончить то что̀ ему мною поручено, вздоромъ упражняется. Есть ли они завтра также горячо за голосъ Черкасова примутся, то можете имъ представить чтобъ они удовольствовались тѣмъ что онъ изъ своего голоса вычертитъ тѣ слова которыя ихъ тронули. Притомъ вы сказать можете, сколько вы знаете, что мнѣ всякія въ Россіи несогласія и раздоры весьма противны; что они тутъ чтобы судить Мировича; что несогласія въ семъ собраніи суть наипаче соблазны для публики, и что сію ссору должно сократить въ разсужденіи объекта изъ котораго она начало свое имѣетъ, и ко мнѣ для того не вносить сіе несогласіе для менажмента: ко мнѣ, которая о всемъ Мировича дѣлѣ съ крайнею чувствительностью слышитъ. Кой часъ сентенція подписана будетъ, то уже собранію незачѣмъ болѣе, кажется, собираться. Однимъ словомъ, скажите имъ на ухо что вы знаете что я говорю что собраніе, чѣмъ ему порученнымъ дѣломъ упражняться, упражняется со вздоромъ и несогласіями, къ крайнему соблазну моему и публики. Вы все сіе употребить можете съ обыкновенною осторожностью и по вашему разсмотрѣнію. Только отклоните отъ жалобы на Черкасова ко мнѣ и примирите ихъ всѣхъ, есть ли возможно. Есть ли же надежды нѣту, то пресѣките собраніе или доведите до множественнаго числа разныхъ голосовъ. А Черкасову выбиться нельзя: онъ ровной тутъ имъ. Онъ писалъ изъ усердія и съ излишнею горячностью, а не болѣе“. *

Этимъ и кончился этотъ эпизодъ. Мировичъ не былъ подвергнутъ пыткѣ. Сочиненіе сентенціи было возложено на особую коммиссію, состоявшую изъ сенатора Олсуфьева, генералъ-поручика Веймарна и президента юстицъ-коллегіи Эмме. Члены Святѣйшаго Синода объявили „что они увидя собственное признаніе преступниковъ, согласуютъ что они достойны казни, и какая по тому заключена будетъ сентенція, отъ оной не отступаются, но какъ они духовнаго чина, то къ подписанію на смерть приступить не могутъ“.

3го сентября собраніе, узнавъ что Мировичъ по скованіи его началъ плакать, и считая возможнымъ что онъ пришелъ въ раскаяніе, опредѣлило еще его увѣщевать. Это порученіе

* *Осьмнадцатый Вѣкъ*, III, 387—365.

было возложено на Ростовскаго митрополита, * Голицына, Черкасова и Бутурлина. Не довѣдавшись ничего новаго наконецъ собраніе произнесло приговоръ.

Приговоръ былъ слѣдующій: „Мировичу отсѣчь голову и оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сжечь оное вмѣстѣ съ эшафотомъ. Трехъ капраловъ и трехъ рядовыхъ участвовавшихъ въ бунтѣ прогнать сквозь строй чрезъ тысячу человѣкъ десять разъ (одного же, болѣе виновнаго, двѣнадцать) и сослать вѣчно въ каторжную работу. Подпоручика князя Чефарыдзева, который не донесъ о слышанномъ отъ Мировича, когда онъ отчасти открывалъ ему свое намѣреніе, лишить чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ, потомъ написать въ рядовые. Придворнаго лакея Касаткина, который въ разговорахъ съ Мировичемъ, изъявляя неудовольствіе на дворъ, прибавлялъ что есть толки въ народѣ: будто принца Іоанна возведутъ на престолъ, наказать батогами и написать въ рядовые въ дальнія команды. Изъ прочихъ виновныхъ разныхъ нижнихъ чиновъ, всего 41 человѣкъ, прогнать сквозь строй, а капраловъ сверхъ того написать вѣчно въ солдаты въ дальнія команды.“ **

Сентенція была подписана 9го сентября. Затѣмъ приступили къ приготовленіямъ къ экзекуціи, назначенной къ 15му сентября. Въ тотъ же день положили публиковать сентенцію. ***

Этотъ ходъ слѣдствія не представляетъ никакихъ данныхъ сколько-нибудь подтверждающихъ нелѣпые слухи о томъ будто все дѣло было какою-то комедіею, устроенною съ вѣдома императрицы. Напротивъ, все то что̀ мы знаемъ о дѣлѣ Мировича по достовѣрнымъ источникамъ представляетъ намъ весь ходъ событій весьма естественнымъ образомъ.

Въ источникахъ которые сообщаютъ намъ разныя данныя о мнимомъ участіи Екатерины въ заговорѣ Мировича, встрѣчаются и довольно любопытныя подробности о томъ какъ держалъ себя Мировичъ въ день казни. Уже мы замѣтили выше что Гельбигъ и Кастейра, а вмѣстѣ съ ними и Германнъ разказываютъ будто Мировичъ на пути къ эшафоту

* Напрасно г. Семевскій, I. с. 548, говоритъ что это былъ Арсеній Мацѣевичъ. Арсеній тогда уже былъ лишенъ сана и считался государственнымъ преступникомъ.

** См. *П. С. З.* 12.241, а также въ сборникѣ *Осьмнадцатый Вѣкъ* III, 367—383. Büsching, VI, 541—556.

*** Кашпирева *Сборникъ*, I, 311.

и на самомъ эшафотѣ былъ веселымъ, смѣялся и этимъ доказывалъ де что надѣялся скорѣе на награду, нежели на наказаніе. *

Ни Кастейра, ни Гельбигъ не были современниками казни Мировича. Оба они находились въ Россіи гораздо позже. Посмотримъ, каковы отзывы объ этомъ событіи лицъ которыя были свидѣтелями казни Мировича или по крайней мѣрѣ могли получить точныя свѣдѣнія отъ лицъ бывшихъ свидѣтелями той сцены.

Въ депешѣ одного изъ иностранныхъ дипломатовъ отъ 17го (28го) сентября сказано: „Мировичъ и во время слѣдствія и на эшафотѣ обнаруживалъ чрезвычайную твердость духа.“ **

Графъ Строгановъ, 9го октября, за столомъ у великаго князя Павла Петровича, говорилъ также о твердости духа и благоговѣніи которыми Мировичъ отличался въ послѣднія минуты своей жизни. ***

Очень любопытенъ разказъ Квитки о казни Мировича. „Войска наряженныя быть при исполненіи казни имѣли ружья заряженныя при полномъ числѣ патроновъ. Прочіе полки были собраны по полковымъ дворамъ и находились тамъ чрезъ цѣлый день; и имъ патроны розданы. Въ послѣдующую ночь усилены были вездѣ караулы и строжайше наблюдаемы были улицы города. Но вездѣ было покойно, какъ равно и слѣдующіе дни. Мировичъ, везомый на казнь, увидѣвъ любопытствующій народъ, сказалъ близъ него находившемуся священнику: посмотрите, батюшка, какими глазами смотритъ на меня народъ. Совсѣмъ бы иначе на меня смотрѣли и даже привѣтствовали бы при появленіи моемъ, ежели бы мнѣ удалось мое предпріятіе. Прибывъ на мѣсто казни, онъ спокойно взошелъ на эшафотъ, онъ былъ лицомъ бѣлъ и замѣчали въ немъ что онъ въ ту минуту не потерялъ обыкновеннаго своего румянца въ лицѣ; одѣтъ онъ былъ въ шинель голубаго цвѣта. Когда прочли ему сентенцію, онъ вольнымъ духомъ сказалъ что онъ благодаренъ что ничего лишняго не взвели на него въ приговорѣ. Снявъ съ шеи крестъ съ мощами, отдалъ провожавшему его священнику, прося молиться о душѣ его; подалъ полицеймейстеру, присутствовав-

---

* *Russische Günstlinge.* 316. Кастейра, I, 198. Herrmann, V, 654.

** Raumer, *Beiträge*, III, 386.

*** *Записки* Порошина, I, 53.

шему при казни, записку объ остающемся своемъ имѣніи, прося его поручить камердинеру его исполнить все по ней; снявъ съ руки перстень, отдалъ палачу, убѣдительно прося его, сколько можно удачнѣе исполнить свое дѣло и не мучить его; потомъ самъ, поднявъ длинные свои бѣлокурые волосы, легъ на плаху. Палачъ былъ изъ выборныхъ, испытанъ прежде въ силѣ и ловкости. Онъ долженъ былъ однимъ ударомъ отрубить голову барану съ шерстью; послѣ нѣсколькихъ удачныхъ опытовъ, допущенъ къ дѣлу, и... не заставилъ страдать несчастнаго". *

Г. Германнъ разказываетъ, по неизвѣстному источнику, о казни Мировича: „Безчисленная толпа оставалась безмолвною при этомъ зрѣлищѣ. Прошло много времени до исполненія приговора, потому что полицеймейстеръ по данному ему предварительно приказанію ждалъ помилованія Мировича до извѣстной минуты. Ожиданіе было тщетное и Мировичу отрубили голову не столько для наказанія его собственной вины сколько для разсѣянія слуховъ о загадочной кончинѣ Іоанна.“ **

Дѣйствительно тогда ожидали что въ послѣднюю минуту будетъ отмѣнена казнь Мировича. Въ запискѣ Квитки мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: „Говорятъ что будто Екатерина располагала даровать жизнь преступнику; подписала о семъ указъ скрытно отъ окружающихъ ее, дабы выслать его къ эшафоту предъ исполненіемъ, но была обманута дѣйствовавшими; будто казнь совершена днемъ ранѣе, нежели по докладу ей онъ былъ назначенъ. Можетъ-быть нѣкоторые интересовались чтобъ онъ былъ казненъ скорѣе.“ ***

Въ такихъ случаяхъ очень часто и легко распространяются подобные слухи. Трудно сказать въ какой мѣрѣ въ данномъ случаѣ эти слухи могли имѣть основаніе. Волненіе въ публикѣ, отвыкшей отъ казней при императрицѣ Елисаветѣ, было чрезвычайное. Очевидецъ Г. Д. Державинъ разказываетъ: „Извѣстному Мировичу отрублена голова на эшафотѣ. Народъ, стоявшій на кровляхъ домовъ и на мосту, необыкшій видѣть смертной казни, и ждавшій *почему-то* милосердія государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогнулся что отъ сильнаго движенія

---

* *Русскій Архивъ* 1863, 480.

** Herrmann, *Gesch. d russ Staats* V, 651.

*** *Русскій Архивъ* 1863, стр. 481.

мостъ поколебался и перила обвалились.“ Вечеромъ того же дня помостъ съ обезглавленнымъ трупомъ казненнаго былъ сожженъ. Впечатлѣніе произведенное казнью Мировича было чрезвычайно сильно и подѣйствовало не на одинъ народъ. Въ запискахъ Порошина сказано: „Великій князь и наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ, узнавъ о кровавомъ событіи, опочивалъ весьма худо“. *

Въ запискахъ Бибикова разказывается что Екатерина, желая разсѣять публику и отвлечь всеобщее вниманіе отъ этого эпизода съ Іоанномъ и Мировичемъ, устроила вскорѣ великолѣпныя игры, карусели, турниры, героями которыхъ были Орловы, славившіеся силою и наѣздничествомъ, а главнымъ судьею былъ престарѣлый фельдмаршалъ Минихъ. **

О впечатлѣніи произведенномъ кончиною Іоанна Антоновича на публику въ западной Европѣ мы можемъ судить по любопытной брошюрѣ *Histoire d'Iwan III*, напечатанной въ Лондонѣ вскорѣ послѣ шлюссельбургской катастрофы. Неизвѣстный авторъ полагаетъ что всему свѣту трудно будетъ вѣрить ужасному разказу о вопіющемъ фактѣ, и что даже въ древней исторіи, столь богатой кровавыми сценами и страшными эпизодами, не было совершено такого преступленія, служащаго доказательствомъ что въ нынѣшнемъ столѣтіи любовь къ ближнему и истинная добродѣтель считаются химерою. Авторъ хвалитъ (безъ всякаго основанія, какъ мы знаемъ) высокія качества и необыкновенныя способности несчастнаго принца и по этому еще болѣе сожалѣетъ о его погибели. Онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ что вельможи имперіи погружены въ глубокую печаль и будутъ печалиться, пока не будетъ наказано это преступленіе Провидѣніемъ. Невольно авторъ приходитъ къ тому заключенію что можно сравнить Конрадина Гогенштауфенскаго съ Іоанномъ Антоновичемъ. Довольно подробно онъ при этомъ случаѣ разказываетъ исторію Конрадина. Въ реторическомъ воззваніи къ тѣни Іоанна, и въ другомъ „кликѣ обращенномъ къ царямъ земнымъ, и призывѣ ихъ на месть за убіеніе невиннаго государя“ онъ замѣчаетъ что кончина Іоанна доказываетъ всю ничтожность мірскаго величія и свидѣтельствуетъ какимъ страшнымъ опасностямъ подвергаются государи. Послѣ ужасной сцены въ Шлюссель-

---

* Порошинъ, *Записки*. I, 15, 53.

** Семевскій l. c. 553.

бургѣ, полагаетъ онъ, каждый государь долженъ трепетать за жизнь своихъ дѣтей. Убійцъ Іоанна онъ считаетъ хуже Лернейской змѣи и цербера; онъ называетъ ихъ двуногими животными ясно доказавшими что царство зла положило конецъ царству добра. Самымъ любопытнымъ отдѣломъ въ этой брошюрѣ можно считать воззваніе къ убійцамъ принца Іоанна. Онъ называетъ это воззваніе „Mercuriale", очевидно потому что въ парламентѣ во Франціи этимъ терминомъ обозначались засѣданія въ которыхъ подвергались строгой критикѣ злоупотребленія правительственныхъ органовъ. Тутъ онъ называетъ убійцъ Іоанна безчеловѣчными палачами, адскими чудовищами, убившими принца которому они должны были служить какъ слуги и хранители, какъ защитники и покровители противъ его непріятелей. По мнѣнію автора, столь великое преступленіе не можетъ оставаться безнаказаннымъ, и убійцы не избѣгнутъ правосудія небеснаго, и пр. *

Гораздо интереснѣе такихъ громкихъ фразъ и ходульныхъ выраженій намъ кажется то обстоятельство что въ этой брошюрѣ мы не встрѣчаемъ обвиненія Екатерины. Очевидно авторъ не зналъ о слухахъ относительно какой-то таинственной связи между Екатериною и Мировичемъ или объ инструкціи которую имѣли Власьевъ и Чекинъ. Все негодованіе автора направлено противъ послѣднихъ. Хотя онъ называетъ одинъ изъ отдѣловъ своей книги: „Reflexions politiques et critiques", онъ нисколько не обращаетъ вниманія на политическое значеніе всего событія, разсматриваемаго имъ, такъ-сказать, исключительно какъ обыкновенное уголовное преступленіе. О значеніи заговора Мировича авторъ не говоритъ вовсе. Единственный намекъ о томъ что авторъ понималъ политическое значеніе кончины Іоанна для Екатерины, заключается въ приведеніи словъ изъ исторіи Конрадина: *Vita Conradini mors Caroli, mors Conradini vita Caroli.* Нельзя полагать чтобъ эта брошюра была написана въ интересѣ Брауншвейгской фамиліи; иначе въ ней говорилось бы о правахъ ея на престолъ Россіи. Характеръ брошюры заставляетъ насъ думать что авторъ ея не былъ настоящимъ публицистомъ или политическимъ дѣятелемъ, а диллетантомъ и частнымъ лицомъ слѣдившимъ за событіями исключительно съ точки зрѣнія моралиста.

Эта брошюра едва ли могла считаться опасною. Гораздо

* *Vie d'Iwan,* предисловіе, и стр. 61—100.

опаснѣе могли быть толки распространившіеся въ самой Россіи послѣ шлюссельбургскаго событія. Мы знаемъ что образъ дѣйствій правительства подвергался критикѣ въ разныхъ группахъ общества. Мы уже видѣли что особенно въ столицѣ и преимущественно въ кругахъ дипломатовъ говорили много объ убіеніи Іоанна и считали императрицу сильно компрометтированною этимъ дѣломъ. Такіе толки въ одномъ лишь случаѣ, сколько намъ извѣстно, повлекли за собою жестокое преслѣдованіе распространителя ихъ. На разборѣ этого случая нельзя не остановиться особенно потому что сама Екатерина слѣдила за этимъ дѣломъ, а далѣе и потому что изъ этого случая видно какъ строго правительство смотрѣло на разглашеніе молвы вредившей авторитету его.

Бывшій митрополитъ ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ, въ 1763 году былъ лишенъ сана и заключенъ въ Николаевскій Корельскій монастырь за его протесты противъ секуляризаціи духовныхъ имѣній и за неблагопріятные отзывы о личности Екатерины. Такъ онъ, по доносу одного офицера, бывшаго у него въ Николинъ день, 1767 года, на водкѣ, говорилъ что Іоаннъ Антоновичъ былъ законный государь, ибо ему присягали, что не Екатеринѣ слѣдовало царствовать, а Іоанну, или бы лучше было еслибъ ея величество вступила въ бракъ съ Іоанномъ, что офицеры имѣли инструкцію убить Іоанна, что Мировичъ имѣлъ вѣроятно тайныхъ сообщниковъ, что слѣдовало бы казнить не Мировича, а офицеровъ за пролитіе царской крови, и что въ Россіи будутъ царствовать два юноши „и также будетъ Россіи благополучіе, и Турка выгонятъ и возьмутъ Грецію, и нынѣ де то время приходитъ, и будетъ де царствовать двое: первый его высочество (Павелъ Петровичъ), а другой принца Ивана братъ, Петръ, который де содержится въ Холмогорахъ и ему де уже лѣтъ съ пятнадцать“. *

Арсенія взяли, перевезли въ Архангельскъ и допрашивали тамъ въ губернской канцеляріи. Всѣ бумаги относящіяся къ этому дѣлу доставлялись Екатеринѣ, находившейся тогда въ Москвѣ. Тамъ она занималась разборомъ ихъ вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ Шишковскимъ. Все дѣло хранилось въ глубочайшей тайнѣ. Говорили въ послѣдствіи что даже Григорій Орловъ и Никита Панинъ не знали о занятіяхъ импе-

* *Чтенія*, 1863, III, 137, 165—167 и слѣд.

ратрицы дѣломъ Арсенія. Послѣдняго приговорили къ отправленію въ Сибирь, въ Верхнеудинскую крѣпость. Проектъ приговора, снабженный разными поправками Екатерины, напечатанъ въ *Чтеніяхъ*. Она между прочимъ приказала чтобъ Арсенія называли не его именемъ, а не иначе какъ „Андрей Враль". Изъ бумагъ относящихся ко всему дѣлу видно что правительство всѣми мѣрами старалось устроить такъ чтобы въ публикѣ не знали о мѣстопребываніи важнаго государственнаго преступника. Сохранились инструкціи офицерамъ которымъ были даны порученія относительно отправленія Арсенія въ Сибирь и т. д. Майору Тулзакову было приказано взять колодника изъ Архангельской канцеляріи и везти его въ Вологду, а тамъ отдать его тому кто объявитъ о колодникѣ ордеръ; по отдачѣ же его требовать отъ того кому онъ отданъ будетъ въ пріемѣ колодника расписки; колодника везти секретно, никому его не показывать, везти его закрывши въ саняхъ, разговоровъ съ нимъ не имѣть, о имени и состояніи его не спрашивать и писемъ писать ему не давать; если онъ будетъ разглашать что-либо, то его отнюдь не слушать и ему ни въ чемъ не вѣрить, а стараться какъ возможно отъ того вранья его удерживать; что̀ же услышано будетъ кѣмъ-либо, то оное содержать до кончины живота секретно. Въ другой инструкціи другому офицеру приказано отправиться въ Вологду, взять тамъ колодника у майора Тулзакова и нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда послѣдняго изъ Вологды отправиться съ колодникомъ въ Ревель, „миновавъ какъ возможно Петербурга", и въ Ревелѣ отдать колодника тамошнему господину оберъ-коменданту. Въ третьей инструкціи, ревельскому оберъ-коменданту, даются приказанія какъ секретно содержать въ заключеніи опаснаго колодника; офицерамъ и солдатамъ запрещалось съ нимъ болтать; изъ каземата его не пускать; запретить ему говорить, „съ такимъ притомъ прещеніемъ что если онъ станетъ что-либо говорить, то положенъ будетъ ему въ ротъ кляпъ, котораго отнюдь, однако, въ ротъ ему не класть, а имѣть его только въ карманѣ, для одного ему страха". Всѣ инструкціи просмотрѣны и дополнены самою императрицей. Онѣ подписаны княземъ Вяземскимъ, къ которому ревельскій оберъ-комендантъ ежемѣсячно долженъ былъ доносить о состояніи колодника, съ надписью на пакетѣ: „о секретномъ дѣлѣ". Въ проектѣ третьей инструкіи Арсеній названъ не „Андреемъ

Вралемъ", а „Бродягинымъ". Екатерина между прочимъ прибавила что „если Бродягинъ умретъ, то можно при смертномъ часу до него допустить попа съ потребою, взявъ съ попа подписку подъ смертною казнью что не скажетъ вѣкъ объ немъ никому".

Изъ нѣкоторыхъ писемъ оберъ-коменданта Ревельской крѣпости, Тизенгаузена, къ князю Вяземскому видно что въ Ревелѣ было заранѣе приготовлено помѣщеніе для колодника и что онъ прибылъ въ началѣ января 1768 года. Сама Екатерина писала Тизенгаузену чтобы наблюдалъ за колодникомъ и не допускалъ бы его „сотворить людямъ невиннымъ чрезъ пустое болтанье зло". Когда Тизенгаузенъ былъ замѣненъ Бенкендорфомъ, Екатерина въ запискѣ къ Вяземскому просила послѣдняго писать къ Бенкендорфу, чтобъ онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ, а то, продолжаетъ Екатерина, „боюсь чтобъ не бывши еще проученъ, Враль не заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни на есть штуки, и чтобъ не стали слабѣе за симъ *звѣркомъ* смотрѣть, а намъ отъ того не выливались новыя хлопоты". Не задолго уже предъ смертію Арсенія, императрица писала къ оберъ-коменданту Кохіусу: „У васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка; береги, чтобы не улетѣла, надѣюсь, не подведешь себя подъ большой отвѣтъ.... народъ его очень почитаетъ; изстари уже привыкъ считать его святымъ, а онъ больше ничего какъ превеликой плутъ и лицемѣръ."

Дѣйствительно Арсеній пользовался въ народѣ значительнымъ авторитетомъ. Разказывали разныя частности о его отправленіи въ Сибирь, о его кончинѣ на пути въ мѣсто ссылки, о разныхъ чудесахъ случившихся при этомъ случаѣ. Знали ли тогда въ Ревелѣ кто былъ опасный колодникъ? Тамъ сохранилось преданіе о немъ, какъ его содержали въ казематѣ, находившемся въ каменной городской стѣнѣ, подъ задѣланными тогда воротами, извѣстными подъ названіемъ: „Schmiede-Pforte", ведущими въ „Goldschmidt-Strasse"; какъ сначала допускали русскихъ жителей города посѣщать узника, который имѣлъ даже позволеніе, въ сопровожденіи стражи, ходить въ церковь и по городу, но какъ послѣдніе три или четыре года своей жизни онъ провелъ въ одиночествѣ и ему будто бы отказывали не только въ одеждѣ, но даже и въ пищѣ, такъ что сквозь разбитыя стекла и сквозь желѣзныя рѣшетки съ крикомъ умолялъ онъ проходящихъ не допустить его

умереть съ голоду и холоду, и будто православные снабдили его веревкою, къ которой привязали корзину; въ оную клали хлѣбъ, а по временамъ платье, бѣлье, даже дрова и воду, а по строгомъ осмотрѣ несчастный Арсеній могъ приподнимать къ себѣ это подаяніе, которое поддерживало жизнь его, и пр. Арсеній скончался въ Ревелѣ около 1780 года. *

Многое въ этихъ разказахъ можетъ считаться сомнительнымъ и загадочнымъ. Во всякомъ случаѣ правительство считало его весьма опаснымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе его протеста противъ секуляризаціи духовныхъ имѣній и нѣкоторыхъ весьма неосторожныхъ замѣчаній сдѣланныхъ имъ въ отношеніи къ Екатеринѣ, онъ былъ сосланъ въ Корельскій монастырь. Когда однако послѣ катастрофы Іоанна въ Шлюссельбургѣ онъ позволилъ себѣ критиковать образъ дѣйствій правительства, когда онъ выразилъ надежду что будетъ царствовать братъ Іоанна вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ, тогда началось гоненіе гораздо хуже прежняго, гоненіе которое даже какъ-то вовсе не идетъ къ умѣренному, кроткому образу дѣйствій Екатерины въ подобныхъ случаяхъ. Такія явленія раздражали императрицу. Можетъ-быть именно такіе толки въ народѣ останавливали Екатерину въ намѣреніи дать свободу родственникамъ Іоанна находившимся въ Холмогорахъ.

Мало-по-малу исчезало глубокое впечатлѣніе произведенное на современниковъ заговоромъ Мировича и убіеніемъ Іоанна Антоновича. По временамъ однако и въ слѣдующіе годы возобновляется память о Іоаннѣ и его родственникахъ.

Когда въ 1774 году авантюристка извѣстная подъ именемъ „Таракановой“ находилась въ Италіи, тогда разнесся между прочимъ слухъ что она сестра Іоанна Антоновича. **

Въ мартѣ 1788 года явился самозванецъ выдававшій себя за Іоанна Антоновича. Объ этомъ эпизодѣ сохранились слѣдующія данныя.

Герцогъ курляндскій Петръ Биронъ прислалъ при письмѣ отъ 4го апрѣля (24го марта) 1788 года къ рижскому губернатору графу Броуну человѣка показавшагося ему въ высшей степени подозрительнымъ и опаснымъ. Допрошенный въ канцеляріи Броуна этотъ человѣкъ показалъ что онъ не кто иной

* См. *Чтенія* 1672, II. *Смѣсь* 3—39 и III. 134—194.

** *Die vorgebliche Tochter der Kaizerin Elisabeth.* Berlin 1867, стр. 102.

какъ Иванъ Ульрихъ, сынъ Антона Ульриха Брауншвейгскаго и Анны Леопольдовны, но что братьевъ и сестеръ онъ не знаетъ. Освобожденіе свое изъ Шлюссельбургской крѣпости онъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1762 году комендантъ крѣпости Ребиндеръ, пришедъ къ нему, палъ на колѣни и сказалъ: „ищи случая и спасай жизнь; я на твое мѣсто человѣка похожаго на тебя уговорилъ“, который былъ изъ Чухонъ, именемъ Петръ, и который, какъ онъ послѣ слышалъ, стражею заколотъ. Получивъ будто бы отъ коменданта 3.000 рублей золотою и серебряною монетой, показывалъ далѣе допрашиваемый, онъ подъ видомъ купца затѣмъ путешествовалъ долго по Россіи, былъ въ Сѣчи, гдѣ его принялъ кошевой Петръ Ивановичъ Калпышъ, гдѣ онъ доучился читать и писать и гдѣ онъ остался до 1774 года. Оттуда онъ ходилъ въ походъ подъ Очаковъ, затѣмъ былъ въ Астрахани и ѣздилъ по другимъ мѣстамъ тамошняго края для осмотрѣнія тамошнихъ мѣстъ къ предпринятому своему намѣренію, былъ въ Крыму, потомъ въ 1782 году въ Петербургѣ, гдѣ подъ видомъ купца жилъ у купца Пчолкина и у купца Рыканова. Изъ Петербурга ѣздилъ въ Архангельскъ для полученія извѣстія о своихъ родственникахъ, о которыхъ въ Холморогахъ онъ узналъ отъ матросовъ: что отецъ и мать его померли, а братья и сестры сосланы на суднѣ *Полярной Звѣздѣ* въ Океанъ.... Затѣмъ онъ опять жилъ въ Петербургѣ и помышлялъ со временемъ какъ о родственникахъ своихъ, такъ и самомъ себѣ, и имѣя надобность до курляндскаго герцога Бирона, самую ту дабы узнать въ точности какимъ образомъ онъ сверженъ императрицею Елисаветою съ престола и какъ отецъ его Бирона послалъ въ заточеніе въ Ярославль, то-есть матерью ли его или императрицею Елисаветою, а равно и о томъ въ какое время сосланы были въ Холмогоры Антонъ Ульрихъ съ женою и дѣтьми, онъ чрезъ Могилевъ и Херсонъ (sic) отправился въ Курляндію. Тутъ онъ въ Вирценѣ не имѣлъ возможности видѣть самого герцога, подалъ письмо содержанія вышеписаннаго, но герцогъ во всякой помощи ему отказалъ, объявя что онъ опасенъ Россіи, и приказалъ взять подъ стражу и отправить въ Ригу.

Въ тотъ же день Броунъ велѣлъ заковать въ ручныя и ножныя желѣза арестанта и съ конвоемъ отправилъ въ Петербургъ ко графу Безбородко. Въ письмѣ къ Екатеринѣ Броунъ замѣтилъ что разказъ арестанта „скорѣе на сказку

нежели на истину походитъ, тѣмъ паче что коменданта Ребиндера въ Шлюссельбургѣ не было, а былъ тогда Бердниковъ", и что поэтому и „для важности дѣла и соблазна въ народѣ произойти могущаго", онъ считалъ нужнымъ отправить подъ стражею этого человѣка въ Петербургъ. Въ письмѣ ко графу Безбородко, Броунъ замѣтилъ что нельзя было не принять этой мѣры „какъ для прекращенія разглашенія въ публикѣ, такъ и отвращенія произойти могущихъ иногда неистовыхъ лжей: ибо отъ выдаваемой вѣсти онъ не отходитъ, произнося притомъ много непристойностей, кои по здравому разсудку не заслуживаютъ никакого вниманія".

2го апрѣля арестантъ былъ привезенъ въ Петербургъ, а 19го мая генералъ-прокуроръ извѣстилъ графа Броуна о томъ что арестантъ есть кременчугскій купецъ Тимоѳей Ивановъ сынъ Курдиловъ, бѣжавшій по причинѣ долговъ, и что о немъ „по высочайшей всемилостивѣйшей государыни воли рѣшеніе уже воспослѣдовало". *

Вотъ что̀ мы знаемъ объ этомъ самозванцѣ. Каково было его наказаніе, намъ неизвѣстно. Другихъ эпизодовъ представляющихъ нѣкоторую связь съ Браунпвейгскою фамиліей мы не встрѣчаемъ. Мы только видимъ что въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ катастрофы Іоанна въ Шлюссельбургѣ еще считали опаснымъ вообще говорить объ этомъ несчастномъ семействѣ. Мы видѣли какъ тайно происходили въ 1780 году приготовленія къ отправленію холмогорскихъ арестантовъ за границу.

Когда Бантышъ-Каменскій, находясь въ Полтавѣ въ 1817—1819 годахъ, познакомился тамъ съ архимандритомъ Іосифомъ и, узнавъ о восьмилѣтнемъ пребываніи послѣдняго въ Ютландіи, въ Горсензѣ, спросилъ его о причинѣ такого пребыванія въ этомъ мѣстѣ, архимандритъ уклонялся дать отвѣтъ и замѣтилъ только что имѣлъ порученіе отъ правительства. Только въ послѣдствіи, когда Бантышъ-Каменскій и архимандритъ короче узнали другъ друга, Іосифъ сообщилъ извѣстному историку нѣкоторыя подробности о дѣтяхъ Анны Леопольдовны. **

---

* См. бумаги относящіяся къ этому дѣлу въ сборникѣ *Осьмнадцатый Вѣкъ*. I. 460—65.

** *Русская Старина* 1873, стр. 68.

Изъ этого обстоятельства видно что полвѣка послѣ Шлюссельбургской катастрофы считалось еще опаснымъ бесѣдовать о Брауншвейгской фамиліи. Въ настоящее же время историческая наука не только имѣетъ право, но и обязана заниматься разборомъ частностей этого любопытнаго, хотя и мрачнаго эпизода изъ исторіи Россіи въ восемнадцатомъ столѣтіи.

